

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

1
2025

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of peer-reviewed scientific journals and other editions (category K-1) for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political sciences:

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global and regional studies

5.6. Historical sciences:

5.6.1. Russian history

5.6.2. World history

5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research

5.6.7. History of international relations and foreign policy

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-61886 of 25.05.2015. Changes have been made to the media registration record due to a change in the name, clarification of the subject – reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047

e-mail: istfak_vestnik@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К-1) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политические науки:

- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6. Исторические науки:

- 5.6.1. Отечественная история
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-61886 от 25 мая 2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6
Электронный адрес: istfak_vestnik@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.D. Voskresensky, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

M.A. Gordeyeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnoovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I. Klyukanov, Ph.D., Dr. of Sci. (Philology), professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

E.M. Kozhokin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M. Kramer, Dr. of Sci. (History), Harvard University, Cambridge, USA

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

- V.S. Mirzekhanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Panov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
- P. Ruggenthaler*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- E.Yu. Sergeyev*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Usatchev*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A. Filler*, Ph.D., University Paris VIII, Paris, France
- D.S. Foglesong*, professor, Rutgers University, New Jersey, USA
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- T.A. Shakleina*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation
- B. Shtetzel-Marks*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- A.L. Iurganov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

- M.A. Andreev*, Cand. of Sci (History), associate professor, RSUH
- I.B. Antonova*, Cand. of Sci (Pedagogy), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Жабров, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, Чейни, США

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М. Крэмер, доктор исторических наук, Гарвардский университет, Кембридж, США

- А.К. Магомедов*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.С. Мелкумян*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.С. Мирзеханов*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)
- П. Руггенталер*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Усачев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А. Филлер*, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция
- Д.С. Фоглесонг*, доктор исторических наук, профессор, Университет Ратгерс, Нью-Джерси, США
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

И.Б. Антонова, кандидат педагогических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Методология истории, источники, историография

Анна А. Мойса

Мартин Лютер в контексте визуальной
рецепции Реформации в первой половине XIX в. 12

Анастасия В. Волкова

Историографические подходы к изучению истории
советского градостроительства 1920–1930-х гг. 29

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

Дмитрий К. Макаров

Причины вступления Болгарии в Первую мировую войну
на стороне Центральных держав: военно-политический
и дипломатический аспекты 43

Мария В. Петрищева

Взаимодействие в сфере культуры как аспект
гуманитарного сотрудничества Казахстана и России
в 2000–2020 гг. 57

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

Ирек Т. Сулейманов

Становление личности будущей императрицы
Марии Александровны (1824–1880): по материалам
Гессенского государственного архива Дармштадта 77

Евгений В. Шандулин

Циркуляры Министерства народного просвещения
о нарушениях в средних образовательных учреждениях
Российской империи в конце XIX – начале XX в. 95

Светлана В. Букалова

Государственная политика в санаторно-курортной сфере
в период Первой мировой войны 111

Ирина А. Гузельбаева

В.А. Вишневецкий (1888–1943): история инженера
на фоне эпохи электрификации 127

Николай Б. Копысов

Механизмы массовизации советского
физкультурного движения в 1920–1930-х гг. 149

Григорий Г. Попов, Станислав Г. Давыдов

Влияние ленд-лиза в 1941–1942 гг. на развитие
военной ситуации англо-американского альянса
и подготовку к открытию второго фронта 166

Книжная полка

Елена В. Барышева

Советские праздники в отечественной историографии.
Рецензия на книгу: *Невежин В.А.* Советская праздничная
культура: Первомайские и Октябрьские торжества
(1930-е – середина 1940-х гг.). М.: Квадрига, 2024. 424 с. 185

Татьяна Г. Архипова

Долгожитель среди премьер-министров России:
новый сборник мемуаров о А.Н. Косыгине 194

CONTENTS

Methodology of History, Sources, Historiography

Anna A. Moisa

Martin Luther in the visual reception of the Reformation
in the first half of the 19th century 12

Anastasia V. Volkova

Historiographical approaches Soviet urban planning
in the 1920s and 1930s 29

Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation

Dmitrii K. Makarov

Reasons for Bulgaria's entry into World War I
on the side of the Central Powers. Military, political,
and diplomatic aspects 43

Maria V. Petrishcheva

Interaction in the field of culture as an aspect
of humanitarian cooperation between Kazakhstan
and Russia in 2000–2020 57

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

Irek T. Suleimanov

The formation of the personality of the future Empress
Maria Alexandrovna (1824–1880). Based on materials from
the Hessian State Archive in Darmstadt 77

Evgenii V. Shandulin

Circulars of the Ministry of Public Education on violations
in secondary educational institutions of the Russian Empire
in the late 19th – early 20th century 95

Svetlana V. Bukalova

State policy in the sanatorium and resort
during World War I 111

Irina A. Guzelbaeva

V.A. Wishnevsky (1888–1943). The history of an engineer
against the background of the electrification era 127

Nikolai B. Kopysov
Mechanisms of massification of the Soviet physical culture
movement of the 1920s and 1930s 149

Grigorii G. Popov, Stanislav G. Davydov
The influence of Lend-Lease in 1941–1942 on the military
situation of the Anglo-American Alliance and the opening
the Second Front 166

Bookshelf

Elena V. Barysheva
Soviet holidays in Russian historiography.
Review of book: *Nevezhin V.A.* Soviet festive culture.
May Day and October celebrations (1930s – mid-1940s).
Moscow: Kvadriga, 2024. 424 p. 185

Tatiana G. Arkhipova
A long-lived prime minister of Russia. New collection
of memoirs about A.N. Kosygin 194

Методология истории, источники, историография

УДК 930(430)

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-12-28

Мартин Лютер
в контексте визуальной рецепции Реформации
в первой половине XIX в.

Анна А. Мойса
*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, mojsa.an@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается специфика визуальной реактуализации Реформации в германских землях первой половины XIX в. Различия в толкованиях исторической роли Мартина Лютера показаны на примере проектирования первого монумента реформатору по инициативе Патриотическо-литературного общества графства Мансфельд. Анализ вариантов, предложенных на конкурс мемориальных проектов, дает представление об особенностях бюргерской идеи национального памятника в начале века. Изменения в социополитическом климате к 1820-м гг. находят свое отражение в утвержденной версии монумента, демонстрирующей консервативную точку зрения монархической власти. Развитие символики Реформации на протяжении 300 лет прослеживается на примере опубликованной коллекции монет, посвященной юбилейным праздникам 1617, 1717 и 1817 гг. Тенденция к персонализации исторического события изучается на основе графических циклов Вильгельма фон Лёвенштерна, Карла Августа Швердгембурга и Густава Кёнига. Таким образом, исследование широкого комплекса визуальных источников выявляет не только различные стратегии популяризации исторических образов, но и наглядно демонстрирует конфликт рецепций вокруг наследия Реформации, возникший при формировании нового национального символа.

Ключевые слова: Мартин Лютер, рецепция немецкой Реформации, памятник Мартину Лютеру, юбилей Реформации, юбилейные монеты, гравюры XIX в., национальная идентичность, визуальные источники, историческая память

© Мойса А.А., 2025

Для цитирования: Мойса А.А. Мартин Лютер в контексте визуальной рецепции Реформации в первой половине XIX в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 1. С. 12–28. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-12-28

Martin Luther in the visual reception of the Reformation in the first half of the 19th century

Anna A. Moisa

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
mojsa.an@yandex.ru*

Abstract. The article explores the specifics of the visual reactualization of the Reformation in the German states in the first half of the 19th century. The planning of the first Luther-monument by the Patriotic-Literary Association of The Mansfeld County demonstrates the differences in the interpretation of the reformer's historical role. The options proposed for the memorial design competition give an insight into the peculiarities of the burgher idea for a national monument early in the century. Changes in the sociopolitical climate by the 1820s are reflected in the approved version of the monument, which represents the conservative viewpoint of the monarchy. The development of the Reformation symbolism over 300 years is traced on the example of the published coin collection dedicated to the anniversaries of 1617, 1717 and 1817. The tendency of the historical personalization is studied through the graphic cycles by Wilhelm von Löwenstern, Carl August Schwerdgeburst and Gustav König. Thus, the study of various visual sources reveals not only different strategies of the historical images popularization, but also clearly demonstrates the conflict of receptions around the Reformation heritage that emerged during the creation of a new national symbol.

Keywords: Martin Luther, reception of the German Reformation, Martin Luther monument, Reformation anniversary, commemorative coins, 19th century engravings, national identity, visual sources, historical memory

For citation: Moisa, A.A. (2025), "Martin Luther in the visual reception of the Reformation in the first half of the 19th century", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 12–28, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-12-28

Разве это грех, а не благо, что у меня
в сердце образ Христа?

Почему должно быть грехом, когда он
у меня и перед глазами?

Против небесных пророков,
о картинах и Таинстве, 1525 г.¹

Введение

Идя наперекор даже своим сторонникам, Мартин Лютер никогда не поддерживал иконоборчество. Выступая против билдштюрмерского движения, охватившего немецкие земли в 1520-е гг., виттенбергский богослов настаивал, что картины и статуи служат вовсе не данью идолопоклонству, а существуют «ради свидетельства, ради памяти, ради знака». Прибегать к образам, по его наставлению, следовало для «лучшего понимания» священных текстов, чтобы они были ясны и «детям», и «простакам»².

Важным преимуществом визуального сопровождения реформатор считал способность «впечатлять» мирян, облегчая для них запоминание библейских сюжетов. Однако использоваться иллюстрации могли не только в религиозной практике, но и в идеологической борьбе. Желая популяризировать свое учение, Мартин Лютер нашел верного соратника в художнике Лукасе Кранахе Старшем, мастерская которого не только прижизненно увековечила ключевые лица Реформации, но и расширила зону влияния ее постулатов, придав им визуальную форму [Мойса, Ростиславлева 2021, с. 269].

Польза визуализации не осталась незамеченной и для почитателей Лютера спустя несколько столетий. Однако при сравнении с картинами кисти Кранаха становятся заметны сильные видоизменения: поменялись запросы времени, а вслед за ними нарисовались и новые сюжеты, подлежащие распространению и сохранению в коллективной памяти. С целью рассмотреть данную трансформацию обратимся к визуальным источникам первой половины XIX в., вновь актуализировавшим образ Лютера и предложившим новые ракурсы в немецкой рецепции Реформации.

Предварительно стоит обговорить, что в данной статье понимается под «образом». Следуя определению У.Дж.Т. Митчелла, автор

¹ *Luther M. Wider die himmlischen Propheten, von den Bildern und Sakrament // D. Martin Luthers Werke: kritische Gesamtausgabe. 18 Bd. Weimar, 1908. S. 83.*

² *Ibid. S. 80.*

стремится показать то, что, зародившись на единичном материальном носителе, вышло за его рамки и нашло свое отражение «в нарративе, копиях и других следах» [Митчелл 2017, с. 10]. Представляется продуктивным взглянуть на подобный процесс сквозь призму создания мест памяти в понимании П. Нора [Нора 1999, с. 17–50], выяснив, таким образом, почему Реформации понадобились новые «убежища» в начале XIX в.

Дискуссии вокруг первого памятника Мартину Лютеру

Потребность в ярких образах, способных сплотить Германию вопреки разобщенности немецких земель, реактуализировала память о великих героях прошлого (Арминий) и мифологизировала популярных лидеров (Бисмарк) еще при жизни [Ростиславлева 2017, с. 118]. Путь Мартина Лютера в германский пантеон был так же предопределен: еще перед 300-летним юбилеем публикации тезисов И.В. Гёте отмечал, как сильно реформатор «импонирует толпе». Инструментализация узнаваемого символа не заставила себя долго ждать: конфликт рецепций вокруг наследия Реформации наглядно отражал различные подходы к решению германского вопроса и представления о будущем немецкой нации [Мойса 2023, с. 232].

Поиски консолидирующей основы для немецкой идентичности привели к возникновению новых коммеморативных практик: так в XIX в. расцветает идея национального памятника [Nipperdey 1968, S. 530]. Можно выделить сразу несколько причин, почему данный источник становится наглядным отражением социальных настроений эпохи.

Во-первых, в создание и освещение памятников были вовлечены самые разные слои населения. Даже несмотря на то, что инициатива по воздвижению монументов обычно принадлежала властям или группам, поддерживающим официальную власть, суждение оппозиции можно зачастую увидеть в альтернативных предложениях или критике утвержденных проектов [Nipperdey 1968, S. 530–531].

Во-вторых, каждый фундаментальный проект требовал значительных вложений. Хотя фантазия художника, получившего творческий заказ, иногда достигала невероятных высот, воплотить ее можно было лишь достигавшись до широкого круга спонсоров. Тут уже вступал в действие текст: конкурсы монументов сопровождались подробными описаниями, которые не только раскрывали виденье творца, но и напрямую обращались к аудитории с целью сплотить ее в едином патриотическом порыве. Таким образом,

можно выявить определенные аспекты, затрагиваемые при целенаправленной консолидации нации.

Воздвижение памятника Мартину Лютеру по инициативе Патриотическо-литературного общества графства Мансфельд становится одним из ярких примеров подобной «национальной» акции. Достаточно примечательно, что идею запечатлеть образ реформатора в камне выдвигает вовсе не евангелическая церковь, а просветительский союз бюргеров. Так, функционируя с 1801 г., он сплотил представителей образованных городских слоев: государственных служащих, духовных лиц, врачей, учителей, ведущих активную публикационную деятельность³.

Стоит отметить, что Лютер был избран кумиром данного общества отнюдь не случайно. Как отмечают многие исследователи, в начале XIX в. локальный патриотизм комфортно сосуществовал с общенациональным [Dann 1993, S. 83–84]. Таким образом, фигура реформатора воплощала в себе как национальную, так и земельную гордость: сын Мансфельда и великий немец⁴.

История Мансфельдского проекта и изначальные замыслы его инициаторов отражены в двух публикациях, вышедших в 1804 и 1805 гг. Уже в первом издании под названием «Памятник Мартину Лютеру или предложения для правильной организации предприятия по воздвижению достойного памятника этому великому человеку» четко прослеживаются элементы национального нарратива. Цель общества проста: воздвигнуть реформатору такой монумент, который бы «соответствовал духу современного столетия и значимости немецкой нации»⁵.

Уже с первых страниц подчеркивается, что исторический вклад Лютера является «революцией», выходящей за конфессиональные рамки. Ведь не только «северные территории Европы, протестантские земли, ощущают благотворные последствия просвещения и свободы совести, привнесенные им». Даже южные и западные земли, некоторые жители которых «до сих пор воспринимают его как врага религии и Бога», чувствуют или начинают понимать, как «благотворна для них была Реформация». Их предки могли отвергать и проклинать Лютера, но для разумных потомков он становится «источником гражданского процветания»⁶.

³ D. Martin Luthers Denkmal oder Beiträge zur richtigen Beurtheilung des Unternehmens diesem großen Manne ein würdiges Denkmal zu errichten. Halle, 1804. S. 5.

⁴ Ibid. S. 7.

⁵ Ibid. S. 1.

⁶ Ibid. S. 1–2.

Итак, текст целенаправленно избегает религиозной полемики, заверяя, что отдать дань уважения Реформации могут и католики. Доказывается это на примере Шарля де Виллера, француза-католика, который в своем свежем эссе воспел величие Лютера⁷. Таким образом, если вклад реформатора ясен представителям других народов и другим конфессий, то сомневаться в нем «соотечественникам Лютера, немцам» и вовсе «стыдно»⁸.

В столь подробной аргументации чувствуется явный отголосок католической критики. Однако теперь, по мнению авторов, немецкая нация достаточно «созрела» и очистилась от предрассудков, чтобы открыто выразить свою благодарность Лютеру. Благо повод осуществить данный замысел был уже на носу.

По изначальному плану памятник должен был быть поставлен к 300-летию юбилею Реформации в 1817 г. Для популяризации данной затеи в 1803 г. был основан «Исторический журнал графства Мансфельд»⁹. Уже через год мансфельдскому обществу удается заручиться поддержкой короля Пруссии и других высокопоставленных особ (князей и бургомистров), упоминание имен которых должно было повысить уровень доверия к предприятию¹⁰.

Уже на ранней стадии у проекта нашлись и противники. Примечательно, что критиковался даже не персонаж, выбранный для увековечения, а сама идея памятника: воистину великим людям не нужно каменное изваяние, чтобы обрести историческое бессмертие в своих трудах¹¹. Подобные замечания лишний раз показывают, что в начале XIX в. привычная нам мемориальная культура принималась еще не всеми, а древняя борьба с идолопоклонством все еще давала о себе знать.

Несмотря на старания членов Патриотическо-литературного общества графства Мансфельд развеять всякие сомнения в важности своего дела и заручиться поддержкой авторитетных лиц, следующий отчет под названием «Памятник Мартину Лютеру или эскизы, идеи и предложения к нему»¹² они начинают со слов разочарования. Хотя с оглашения проекта прошел уже целый год, их замысел едва ли продвинулся. Виной тому называются

⁷ Villers Ch. Essai sur l'esprit et l'influence de la R'eformation de Luther. Paris, 1804.

⁸ D. Martin Luthers Denkmal oder Beiträge... S. 2.

⁹ Ibid. S. 5.

¹⁰ Ibid. S. 11–12.

¹¹ Ibid. S. 21.

¹² Dr. Martin Luthers Denkmal oder Entwürfe, Ideen und Vorschläge zu demselben. Eisleben, 1805. 50 S.

два обстоятельства: во-первых, поступившие взносы, «какими бы громкими именами они ни обладали в глазах некоторых», не были достаточно велики для осуществления грандиозной идеи; во-вторых, мансфельдцы все еще надеялись расширить бюджет проекта, чтобы получить больше предложений от известных архитекторов и художников¹³.

Пожурив «соотечественников-немцев», в чьей щедрости они так глубоко «заблуждались», организаторы объявили, что на данный момент они собрали лишь 20 тысяч рейхсталеров, в то время как рассчитывали на сумму в десять раз больше¹⁴. О высоких ожиданиях мансфельдского общества свидетельствуют и первые одобренные проекты, амбициозность которых видна невооруженным взглядом. Так, если еще год назад памятник представлялся мансфельдцам «колоссальным обелиском» с надписью «Могучая крепость – наш Бог»¹⁵, то теперь речь шла уже о мемориальных комплексах, капеллах и даже пирамидах.

Рассмотрим некоторые эскизы, опубликованные в 1805 г. Хотя им не суждено было воплотиться в камне, они наглядно иллюстрируют роль, отводимую Реформации патриотическим дискурсом начала XIX в.

Проект архитектора Леопольда Кленце предполагал увековечить память Лютера храмом в греческом стиле, возведенным в тиши дубрав близ Айслебена. Для регулярных празднований, которые непременно будут проводиться в честь великого реформатора, конструкцию строения должна была отличать просторность¹⁶. Внутри храма всех почитателей Лютера встречал бы его гигантский памятник, окруженный 12 статуями поменьше.

По одну сторону располагались 6 реформаторов: Меланхтон, Цвингли, Кальвин, Гус, Уиклиф и, «возможно», Цинцендорф. По другую сторону – 6 философов: Сократ, Платон, Аристотель, Декарт, Лейбниц и Кант¹⁷. Таким образом, выбор «апостолов» Реформации вполне соответствовал интерпретации исторического события в духе просвещения и борьбы за свободу.

Стены храма планировали украсить барельефами, изображающими жизненный путь Лютера. Иллюстрированная биография отражала, однако, не столько историческую точность, сколько мастерство аллегорий. Так, сцена рождения реформатора виделась

¹³ Ibid. S. 3.

¹⁴ Ibid. S. 4.

¹⁵ D. Martin Luthers Denkmal oder Beiträge... S. 8.

¹⁶ Dr. Martin Luthers Denkmal oder Entwürfe... S. 15.

¹⁷ Ibid. S. 16–17.

художнику следующим образом: «гений просвещения и истины принимает ребенка и передает его на руки персонифицированной Европе»¹⁸.

Идея возвести для Лютера «храм в греческом стиле» была наглядным отголоском неогуманизма, пробудившего интерес к античности в германских государствах [Ростиславлева 2006, с. 337–338]. Однако не все немцы находили уместным подражать греческой эстетике в проекте национального памятника. Так, по мнению педагога Христиана Готхильфа Зальцмана, для христианского деятеля следовало построить готическую капеллу, которая бы отвечала духу его времени. К тому же, готика куда лучше бы отражала, что «этот памятник был возведен великому человеку Германии»¹⁹.

Публиковалась и иная точка зрения: против всех храмов иobelisks, которые «из-за их высоты легко подвержены разрушению от малейшего сотрясения почвы». Подчеркивая, что памятник Лютеру должен стоять вечно, господин фон Вихт предлагал не строить никаких конструкций, а прикрепить памятную табличку на одну из скал близ Вартбурга, на высоте, чтобы она бросалась в глаза всем проходящим мимо. По его мнению, надпись «могучая крепость – наш Бог» передавала бы характер реформатора лучше, чем просторные описания его биографии²⁰.

Хотя тяга к гигантизму и необычным геометрическим формам была присуща многим предложенным проектам, наблюдались среди них и памятники в более привычном понимании слова. Обрести материальное воплощение суждено было лишь одному из них – спустя 16 лет от публикации эскизов.

Речь идет о памятнике за авторством скульптора Иоганна Готфрида Шадова. Пользуясь большим уважением прусского двора, к моменту конкурса он уже успел прославить свое имя квадригой, украсившей Бранденбургские ворота в Берлине. Однако изначальная информация о его проекте была очень немногословна. Мансфельдское общество, получившее его эскизы без письменного описания, не давало лишних комментариев, отмечая лишь, что работы «господина Шадова и господина Шинкеля без особых объяснений говорят сами за себя»²¹.

На опубликованном эскизе была изображена скульптура Мартина Лютера, держащего в руках раскрытую Библию. Под его именем был помещен лебедь – символ, который Лютер «унаследо-

¹⁸ Ibid. S. 17.

¹⁹ Ibid. S. 19.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid. S. 15.

вал» как преемник Яна Гуса²². Рельеф на готическом постаменте выделял три ключевые сцены из жизни немецкого реформатора: сжигание папской буллы, Вормский рейхстаг и перевод Библии.

Уже на ранних этапах было видно, что Шадов отдавал приоритет реалистичному портрету, когда многие его конкуренты склонялись к изображению величия героя. Однако рассудить эту творческую дискуссию было суждено отнюдь не итогам конкурса: Наполеоновская оккупация прервала сбор средств и работу над памятниками в 1806 г.

О дальнейшей судьбе Мансфельдского проекта мы узнаем из описания торжественного открытия монумента, которое состоялось в Виттенберге 31 октября 1821 г. Памятная табличка отмечала: «Основанный с помощью собранных Мансфельдским обществом предложений и возведенный королем Фридрихом Вильгельмом III»²³.

Мечта Патриотическо-литературного общества графства Мансфельд поставить памятник к 300-летию юбилею Реформации почти сбылась. Основание монумента было заложено 31 октября 1817 г. прусским королем Фридрихом Вильгельмом III, за чей счет, как намекала табличка, проект и был в основном реализован. Хоть и далекий от масштабных предложений начала столетия, в день своего полноценного открытия монумент собрал «невообразимую толпу почитателей» со всех «уголков Германии»²⁴.

Отличия от первоначального эскиза Шадова заметны с первого взгляда. Пропал лебедь, символ непрекращающейся борьбы за истину, исчезли изображения непреклонного Лютера, зато вместо них появились немецкие надписи. В самой Библии готическим шрифтом было выведено «Новый Завет, переведенный на немецкий Доктором Мартином Лютером». Таким образом, в фокусе уже была не «революция» реформатора, а его вклад в развитие родного языка.

Сложно было не заметить еще одно нововведение: бронзовую скульптуру теперь окружал железный балдахин работы Шинкеля, визуально помещавший Лютера в замкнутое пространство. Так как это дополнение было сделано по желанию прусской короны, многие исследователи предполагают, что данный шаг должен был ограничить «гражданского» Лютера, не дав ему выйти за рамки монархического виденья [Nipperdey 1968, S. 557].

²² *Bugenhagen J.* Leichen-Predigt bei der feierlichen Beerdigung unseres unsterblichen Reformators Dr. Martin Luther, gehalten am 22ten Februar 1546. Berlin, 1843. S. 10.

²³ Doctor Martin Luther's Denkmal zu Wittenberg, und die Feyer zur Einweihung desselben. Magdeburg, 1821. S. 14.

²⁴ *Ibid.* S. 29.

Лютер сквозь века – на юбилейных монетах

Юбилей 1817 г. в целом стал отличным поводом для переосмысления образа Реформации в самых разных источниках. Стремление собрать и сохранить «памятники» для потомков послужило толчком для коллекционирования и публикации многочисленных иллюстрированных изданий с подробными комментариями. Ярким примером подобной тенденции можно назвать труд дьякона Генриха Готлиба Кройсслера «Память доктора Мартина Лютера в юбилейных монетах»²⁵, выпущенный в Лейпциге в 1818 г.

Если монумент Лютеру был достаточно новаторской идеей для начала XIX в., то традиция чтить его память в металле насчитывала уже три столетия. Так в вышеупомянутой работе приводится куда больше монет, приуроченных к празднованиям 1617 и 1717 гг.: автор даже систематизирует их по локальному принципу. Однако Кройсслер не желает исключать юбилей, чьим современником он непосредственно являлся.

За год ему удалось собрать и зарисовать 12 юбилейных монет и медалей, приуроченных к 300-летию Реформации. Хотя автор и сокрушается, что не смог привести больше свежих примеров, по его мнению, в его коллекции отмечены наиболее «значимые» монеты. Преимущество сюжетов, проявляющаяся при сравнении юбилейной чеканки 1817 г. с образцами двух прошлых веков, также должна была компенсировать объем для читателей²⁶.

Беглый взгляд действительно выявляет схожую символику. Например, изображение Мартина Лютера со свечой и Библией встречается на монетах всех трех юбилеев. Таким образом, на протяжении трехсот лет за виттенбергским богословом закрепляется образ героя, руководствовавшегося лишь Писанием, дабы «вновь осветить погрязший во тьме мир»²⁷.

Мотив света выступает постоянной константой вокруг юбилейного портрета Лютера: что отражается как визуально (свеча, солнце, солнечные лучи вокруг имени), так и в надписях. Так на одной из монет 1817 г. выведены на немецком слова: «Народ, бродящий во тьме, увидел великий свет»²⁸.

Стоит отметить, что немецкие надписи в целом преобладают в XIX в., в то время как прошлые юбилеи чаще отдавали пред-

²⁵ *Kreußler H.G.* D. Martin Luthers Andenken in Münzen nebst Lebensbeschreibungen merkwürdiger Zeitgenossen desselben. Leipzig, 1818. 350 S.

²⁶ *Ibid.* S. 81.

²⁷ *Ibid.* S. 79.

²⁸ *Ibid.* S. 81.

почтение латыни. Однако не только язык отдает должное происхождению реформатора: например, одна из юбилейных медалей изображает памятный камень в виде «старинного немецкого обелиска» в готическом стиле. Таким образом, идея поставить «памятник Лютеру» от «благодарного немецкого народа» находит себе место даже в чеканке²⁹.

Несмотря на вкрапление национального пафоса и просветительских интерпретаций, религиозным переосмыслением Реформации также отводятся свои символы. К примеру, сразу на нескольких монетах изображаются победы винограда и колосья пшеницы. Напоминание о том, что, отстаивая присутствие Христа в вине и хлебе во время евхаристии, Лютер «поднял таинство из собственных руин»³⁰.

Нельзя не заметить, что к трехсотлетию юбилею усилилась тенденция к персонализации исторического события. Все 12 приведенных образцов украшены портретом Лютера, а на некоторых реформатор представлен как на аверсе, так и на реверсе. Таким образом, лик виттенбергского богослова становится достаточно узнаваемым, чтобы вытеснить более аллегорические изображения Реформации предшествующих веков.

Эволюция образа Лютера в иллюстрированных биографиях

Растущий интерес к фигуре самого Лютера подтверждают и иллюстрированные биографии первой половины XIX в. Многочисленные жизнеописания реформатора все чаще сопровождались визуальным рядом с целью закрепить его образ в памяти самых разных слоев населения. Однако и тут не обошлось без нововведений, обусловленных запросами времени.

Можно выделить три графические серии, ставшие наиболее узнаваемыми в первой половине столетия: Вильгельма фон Лёвенштерна, Карла Августа Швердгембурга и Густава Кёнига. Выбор сюжетов и интерпретация деталей в работах этих творцов наглядно демонстрируют эволюцию творческих подходов к популяризации исторических фигур.

Итак, первые метаморфозы заметны уже в лютеровском цикле барона Вильгельма фон Лёвенштерна, увидевшего свет в 1827 г. Стоит заранее отметить, что Лёвенштерн не был профессиональ-

²⁹ Ibid. S. 79.

³⁰ Ibid.

ным художником, а иллюстрации из жизни реформатора стали единственным следом, оставленным его литографической мастерской в истории. Это во многом объясняет, почему его работы просты и незатейливы, а выбор сюжетов обусловлен, скорее, общественным спросом нежели творческой фантазией живописца [Kruse 1996, S. 43].

Всего в цикл литографий барона фон Лёвенштерна входило 16 картин. Сразу бросается в глаза, что художник желал изобразить житие Лютера в лучших традициях героического эпоса: мотив избранности открывает сцена смерти Алексиуса, сраженного молнией, а выздоровление Меланхтона становится следствием чуда лютеровской молитвы. Достаточно символично эту историю завершает мифологический визит императора Карла V, пришедшего почтить могилу Лютера в Запковской церкви Виттенберга.

Несмотря на обилие героических эпизодов, есть в цикле Лёвенштерна и изображение, приоткрывающее дверь в семейные будни. Однако стремясь приблизить своего героя к повседневному быту современников, художник заметно модернизирует картину. Это легко заметить по костюмам домочадцев, изящному дизайну интерьера и мебели. Так Лютер, музицирующий на клавесине в окружении семьи, становится, скорее, воплощением идеалов эпохи Бидермайера, нежели исторической действительности.

Куда более аутентичными выглядят дальнейшие иллюстрированные биографии Лютера, кредо которых стала историческая достоверность. В отличие от Лёвенштерна, Карл Август Швердгембург был придворным гравёром, получившим образование в Дрезденской академии. Несмотря на то, что его серия о жизни Лютера состояла всего из 8 картин, создавалась она художником почти на протяжении 20 лет: с 1843 по 1862 г. [Kruse 1996, S. 45].

Уже первая гравюра цикла Швердгембурга задавала тон всей серии: начал он с «Мартина Лютера со своей семьей в рождественский вечер 1536 г. в Виттенберге». Иллюстрация была настолько популярна, что даже вошла в доклад пастора В. Бесте, с которым он выступил в 1846 г. на вечере, посвященном годовщине смерти реформатора³¹. Наглядное свидетельство тому, что секрет домашнего уюта Лютера был весьма обсуждаемой темой эпохи.

В творчестве Швердгембурга в целом соблюден изящный баланс исторических фактов и ценностей XIX в. Рождество было центральным семейным событием Бидермайера, отмечать кото-

³¹ Beste W. Luther's Kinderzucht, in *Lehren und Lebensbildern dargestellt*. Ein Vortrag am Abende vor Luther's Todesfeier, den 17. Februar 1846. Braunschweig, 1846. 35 S.

рое предписывалось сугубо в кругу близких. Однако «близкий круг» мог быть достаточно широк: в него входили и дальняя родня, и лучшие друзья, и верные слуги³². В связи с этим на гравюре Швердгебурга представлены Лютер с женой, их дети, Филипп Меланхтон, «тетка Лене» и кантор Иоганн Вальтер. «1536 г.» в названии тоже не случаен: именно в эту зиму вся большая семья Лютера могла собраться за одним столом, а празднование не было омрачено утратой.

Швердгебурт, как и его предшественник, подчеркивал любовь реформатора к музыке, столь близкую Бидермайеру, однако давал реформатору лютню вместо клавесина. Более реалистичным выглядит и интерьер. Описывая изображение в докладе, пастор Бесте даже отмечает: «Вся группа озарена светом рождественской ели. Эта картина достоверно передает суть и атмосферу дома Лютера. Рождественский праздник в нем всегда был завершением долгих тосканий и пиком домашней жизни»³³.

Достоверность, в которой уверяли читателей, все же делала небольшое допущение. Рождественское дерево, вокруг которого собирается вся семья, являлось символом бидермайерского уюта. Однако впервые в качестве домашнего рождественского декора ель начали использовать лишь в XVII в., сама же традиция была укоренена бидермайером [Krüger 1979, S. 197]. И хотя Мартин Лютер гипотетически мог праздновать Рождество со своими домочадцами, елку в 1536 г. никто из них не украшал.

Человечность Лютера красной нитью проходит сквозь следующие эпизоды Швердгебурсткого цикла. Почти половина картин фокусируются на близких Лютера (помимо Рождества, это прощание Лютера с семьей перед его последним путешествием в Айсleben; церемония венчания с Катариной фон Бора): любовь реформатора к жене и детям подчеркивают тактильные контакты. На тех же гравюрах, где Лютер выступает в качестве вождя Реформации (проповедь Лютера в родной деревне Мёра; встреча Лютера со швейцарскими студентами; отъезд из Виттенберга на Вормский рейхстаг) он всегда окружен почитателями, с которыми открыто идет на диалог или дает свою руку в благословении. Таким образом, единственной картиной цикла, где Лютер играет роль одинокого героя-борца, становится уже классический сюжет: «Доктор Мартин Лютер перед Вормским рейхстагом».

³² Staats-Lexikon oder Encyclopädie der Staatswissenschaften in Verbindung mit vielen der angesehensten Publicisten Deutschlands herausgegeben / von Carl von Rotteck und Carl Welcker. Bd. 5. Altona, 1837. S. 386.

³³ *Beste W.* Op. cit. S. 17.

Если Лёвенштерн изобразил жизнь Лютера-героя, если Швердгембурт попытался показать жизнь Лютера-человека, то Густав Кёниг в своем объемном цикле смог раскрыть обе стороны, сделав упор на духовность. Увлечение Кёнига Лютером началось в середине 1830-х гг., когда он получил заказ написать серию сцен из саксонской истории для дворца Рейнхардсбрунн. Выбор художника пал на историю саксонских князей-реформаторов: так он решил проделать собственное исследование, внимательно изучив источники на выбранную тему.

Знакомство с Лютером сделало Кёнига его горячим поклонником: в своем творчестве он возвращался к Реформации вновь и вновь. Самым же известным воплощением его интереса стала серия из 48 гравюр, над которыми он работал с 1846 г.

Полностью данная серия была собрана и опубликована в книге «Доктор Мартин Лютер – немецкий реформатор»³⁴ в 1851 г. На обложке труда значилось: «в иллюстрациях Густава Кёнига – в исторических очерках Генриха Гелцера». Рефлексируя над результатом совместных усилий, И.Г. Гелцер объяснял их творческую коллаборацию следующим образом: «Слово историка охотно дополняет картину художника, тем не менее оба их виденья сами по себе образуют независимое в своем понимании целое»³⁵.

Важность визуального ряда подкреплялась и параллелью с тесным сотрудничеством самого Лютера с Лукасом Кранахом. Таким образом, сочетая разные виды исторической рефлексии, авторы ставили перед собой задачу «явить XIX веку живого Лютера XVI столетия – во всей его внутренней глубине и внешней силе», обновить «портрет великого духовного героя»³⁶.

Как и в серии Швердгембурта, «оживляют» Лютера не только сцены героических деяний, но и зарисовки духовных поисков и уютной повседневности. Отличительной чертой цикла Кёнига в целом является значительный фокус на «промежуточных» эпизодах: теологическому становлению Лютера до написания тезисов уделяется 10 иллюстраций, а на жизнь после перевода Библии в Вартбурге уходит более половины цикла. Реформация продолжается в проповеди против иконоборчества, в беседах с саксонским курфюрстом и т. д., но в то же время все чаще Лютер выступает как друг и семьянин.

Обилие повседневных сцен объясняется целевой аудиторией книги. В предисловии автор даже отмечает, что биография пред-

³⁴ *König G.F.L., Gelzer J.H.* Dr. Martin Luther der deutsche Reformator. Hamburg, 1851. 406 S.

³⁵ *Ibid.* S. 2.

³⁶ *Ibid.* S. 1.

назначена и для «отцов семейства, которые могли бы прочесть ее в кругу своих домочадцев»³⁷. При этом, «очеловечивают» Лютера не только счастливые эпизоды, но и трагические: так Кёнигу удается передать всю глубину скорби родителя, потерявшего своего ребенка.

Неудивительно, что сюжеты Кёнига и Швердегебурга, творивших в одно и то же десятилетие, пересекаются. Так, у Кёнига тоже есть рождественская зарисовка под названием «Зимние радости Лютера в кругу семьи». Но художник идет еще дальше и параллельно рисует «Летние радости Лютера в кругу семьи и товарищей по застолью». Таким образом, он уже не привязывает изображаемое к конкретному году и изящно вписывает быт реформатора в бесконечный круговорот природы.

Оба сюжета отражают ценности эпохи бидермайера, для которой была характерна как любовь к зимним праздникам, так и тяга к досугу на свежем воздухе. Несмотря на включение излюбленных тем своей эпохи, Кёниг очень внимателен к деталям, желая достоверно передать историю. Так на рождественском столе лежат сладости и игрушки, которые Лютер упоминал в своих письмах, а на платье Катарини виднеется типичная сумочка, которая служила и поясом, и карманом для хозяек XVI в. Сад реформатора также изображен по свидетельствам друзей семьи, которые хвалили тень листвы, прохладу фонтанов и радушие хозяев³⁸.

Стремление к достоверности в изображении «настоящего» Лютера способствовало распространению портретов, созданных в XVI столетии. Дальновидность реформатора продолжила приносить плоды и спустя три века: картины Лукаса Кранаха вновь стали актуальны, теперь уже в качестве исторического источника. Однако даже отражая знакомое лицо, зеркало истины продолжало показывать лишь ту его сторону, которая была угодна господствующему взгляду.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что миф о Лютере, создававшийся на протяжении первой половины XIX в., не был однороден. История памятника реформатору показывает разницу между княжеским и гражданским патриотизмом: в результате более вольные интерпретации бюргерской интеллигенции вытесняются прусской

³⁷ Ibid. S. 2.

³⁸ Ibid. S. 217.

консервативной мыслью. Параллельно развивается тенденция к персонализации немецкой Реформации, которая находит свое отражение как в юбилейных монетах, так и в многочисленных иллюстрированных биографиях данного периода. При этом, стремление художников передать историческую достоверность соседствует с изображением сюжетов, близких современной творцам аудитории. Таким образом, визуальные источники XIX в. выступают не только свидетельством реактуализации наследия Лютера, но и наглядно демонстрируют конфликт рецепций, возникший на пути формирования нового национального символа.

Литература

- Митчелл 2017 – *Митчелл У.Дж.Т.* Иконология. Образ. Текст. Идеология. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. 240 с.
- Мойса 2023 – *Мойса А.А.* Праздник «с правильным посылом»: формирование германской идентичности в рамках празднования 300-летнего юбилея Реформации (1817 г.) // Преподаватель XXI век. 2023. № 2. Ч. 2. С. 231–244.
- Мойса, Ростиславлева 2021 – *Мойса А.А., Ростиславлева Н.В.* Лютер и Кранах: изобразительное искусство в рамках немецкой Реформации // Преподаватель XXI век. 2021. № 1. Ч. 2. С. 257–269.
- Нора 1999 – *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
- Ростиславлева 2006 – *Ростиславлева Н.В.* Вильгельм фон Гумбольдт и его модель университета: взгляд из XXI века // Cogito: альманах истории идей. 2006. Вып. 1. С. 333–345.
- Ростиславлева 2017 – *Ростиславлева Н.В.* Символы власти в исторической памяти Германии конца XIX – начала XX в.: на примере культа Отто фон Бисмарка // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2017. № 10-1. С. 117–124.
- Dann 1993 – *Dann O.* Nation und Nationalismus in Deutschland, 1770–1990. München: Beck, 1993. 362 S.
- Kruse 1996 – *Kruse J.* Drei graphische Folgen von Lutherlebenbildern des 19. Jahrhunderts // “Er fühlt der Zeiten ungeheuren Bruch und fest umklammert er sein Bibelbuch...”: zum Lutherkult im 19. Jahrhundert. Berlin: Schelzky und Jeep, 1996. S. 40–53.
- Krüger 1979 – *Krüger R.* Biedermeier. Eine Lebenshaltung zwischen, 1815–1848. Leipzig: Koehler & Amelang, 1979. 238 S.
- Nipperdey 1968 – *Nipperdey T.* Nationalidee und Nationaldenkmal in Deutschland im 19. Jahrhundert // Historische Zeitschrift. 1968. Bd. 206. No. 1. S. 529–585.

References

- Dann, O. (1993). *Nation und Nationalismus in Deutschland, 1770–1990*, Beck, Munich, Germany.
- Krüger, R. (1979), *Biedermeier. Eine Lebenshaltung zwischen, 1815–1848*, Koehler & Amelang, Leipzig, Germany.
- Kruse, J. (1996), “Drei graphische Folgen von Lutherlebenbildern des 19. Jahrhunderts” in Eidam, H. and Seib, G., eds., “*Er fühlt der Zeiten ungeheuren Bruch und fest umklammert er sein Bibelbuch...*”: *zum Lutherkult im 19. Jahrhundert*, Schelzky und Jeep, Berlin, Germany, pp. 40–53.
- Mitchell, W.J.T. (2017), *Ikologiya. Obraz. Tekst. Ideologiya* [Iconology. Image. Text. Ideology], Kabinetnyi uchenyi, Moscow, Ekaterinburg, Russia.
- Moisa, A.A. (2023), “A celebration ‘with the right message’. The formation of German identity on the 300th anniversary of the Reformation (1817)”, *Prepodavatel’ XXI vek*, no. 2, part 2, pp. 231–244.
- Moisa, A.A. and Rostislavleva, N.V. (2021), “Luther and Cranach. The visual arts in frames of the German Reformation”, *Prepodavatel’ XXI vek*, no. 1, part 2, pp. 257–269.
- Nipperdey, T. (1968), “Nationalidee und Nationaldenkmal in Deutschland im 19. Jahrhundert”, *Historische Zeitschrift*, Bd. 206, no. 1, pp. 529–585.
- Nora, P. (1999), “The problematization of places of memory”, in Nora, P. et al. *Frantsiya-pamyat’* [France-memory]. *St. Petersburg Univ. Press*. Saint Petersburg, Russia, pp. 17–50.
- Rostislavleva, N.V. (2006), “Wilhelm von Humboldt and his model of the university. A view from the 21st century”, *Cogito: al’manakh istorii idei*, iss. 1, pp. 333–345.
- Rostislavleva, N.V. (2017), “Symbols of power in the historical memory of Germany in the late 19th and early 20th centuries (exemplified by the cult of Otto von Bismarck)”, *RSUH/RGGU Bulletin: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10-1, pp. 117–124.

Информация об авторе

Анна А. Мойса, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; mojsa.an@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-7034-7507

Information about the author

Anna A. Moisa, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; mojsa.an@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-7034-7507

УДК 930:72(47)

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-29-42

Историографические подходы к изучению истории советского градостроительства 1920–1930-х гг.

Анастасия В. Волкова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ananas199@lenta.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблемам изучения истории советского градостроения 1920-х и 1930-х гг. Автор прослеживает развитие историографических подходов от советского периода до современности, что способствует выявлению трансформации методов в решениях исследовательских задач. Научные работы, которые привлекались исследователем, являются ключевыми, так как вокруг них разворачиваются дальнейшие дискуссии, связанные с выявлением факторов, влиявших на формирование советского градостроения с точки зрения социально-культурных, политических, экономических и внешнеполитических аспектов. В работах исследователей поднимались проблемы: взаимодействия власти и общества, финансирования и налогообложения, повседневности и социального инжиниринга, и культурной дипломатии. Также в статье подчеркивается актуальность применения междисциплинарных подходов в связи с расширением границ научных интересов. В заключении статьи делается вывод о том, что в настоящее время тема советского градостроения, имея богатое научное наследие, не исчерпала свой научный потенциал.

Ключевые слова: советская архитектура, методология, градостроительство, научные подходы

Для цитирования: Волкова А.В. Историографические подходы к изучению истории советского градостроительства 1920–1930-х гг. // Вестник РГГУ. «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 1. С. 29–42. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-29-42

© Волкова А.В., 2025

Historiographical approaches Soviet urban planning in the 1920s and 1930s

Anastasia V. Volkova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ananas199@lenta.ru*

Abstract. The article is devoted to the problems of Soviet urban planning in the 1920s and 1930s. The author traces the development of historiographical approaches from the Soviet period to the present, thus promoting to identify how research methods have been transformed. Scientific data brought into the research are of great importance as they become the focus of further discussions related to the identification of factors that influenced the formation of Soviet urban planning in terms of socio-cultural, political, economic and foreign policy aspects. The researchers discussed the issues of power and society, power and art, finance and taxation, everyday life, social engineering, and cultural diplomacy. Besides, the article also emphasizes the relevance of applying interdisciplinary approaches due to the expansion of scientific interests. In conclusion, the author argues that at present the topic of Soviet urban planning, having a rich scientific heritage, has not exhausted its scientific potential yet.

Keywords: Soviet architecture, methodology, urban planning, scientific approaches

For citation: Volkova, A.V. (2025), “Historiographical approaches Soviet urban planning in the 1920s and 1930s”, *RSUH/RGGU Bulletin “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 29–42, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-29-42

Введение

Проблемы советского градостроительства в период 1920–1930-х гг. рассматривались в контексте взаимоотношений «власть и общество», а также реализаций проектов советизации общества. Однако практика историописания не ограничивалась вышеперечисленными проблемами. Наличие социально-культурных, экономических аспектов способствовало привлечению культурологов, историков, искусствоведов к изучению феномена советской архитектуры.

Формирование исследовательских проблем в истории градостроительства

Научные исследования, посвященные проблеме градостроения в СССР, зародились в 1960–1970-е гг. На основании открытия новых

архивных материалов историки архитектуры обратились к проблемам периодизации и выделили этапы гражданского строительства в СССР: «советский авангард» (1920–1930), «постконструктивизм» (1932–1936)¹. Введение в научный оборот документов, как официального, так и личного происхождения (заметки, доклады архитекторов), дало толчок к активному изучению проблем, связанных с изменениями тенденций архитектурного строительства.

В работах С.О. Хан-Магомедова, В. Хазановой градостроительная политика изучалась вокруг ключевых вопросов роли архитектуры и ее идеологических истоков, используя понятия «стиль» и «пространство». Они систематизировали такие исследовательские направления, как «формотворчество советского авангарда» и «архитектурно-пространственная организация». С.О. Хан-Магомедов, применяя методологию «временной и культурной вневходимости» М.М. Бахтина, изучил развитие творческих объединений и их проектную деятельность. Тем самым С.О. Хан-Магомедов предложил новую периодизацию советской архитектуры, охарактеризовав 1932–1936 гг. как период «постконструктивизма» [Хан-Магомедов 1996]. Данный термин он охарактеризовал как время, когда творчество архитекторов переставало быть самодовлеющим, но «сталинский ампи́р» не был окончательно сформирован. Основываясь на выявлении особенностей в работе творческих мастерских, автор привлекает устные источники (интервью с архитекторами), при этом не концентрируя внимание на влиянии государства на архитектурную деятельность.

Метод социального конструирования реальности позволил В.Э. Хазановой рассмотреть внедрение утопического социализма в архитектурную практику. Исследователь характеризует проекты советских архитекторов как концепцию организации человеческого пространства с ярко выраженным социальным контекстом механизмов «советизации» общества [Хазанова 1980, с. 21].

Новая парадигма в изучении советского градостроительства

Новый этап в изучении советской архитектуры начался в 1990–2000-е гг., когда произошел пересмотр значения политиче-

¹ Афанасьев К.Н., Хазанова В.Э. Из истории советской архитектуры 1917–1925 гг.: документы и материалы. М., 1963; *Они же*. Из истории советской архитектуры 1926–1932 гг.: документы и материалы: Творческие объединения. М., 1970; *Они же*. Из истории советской архитектуры 1926–1932 гг.: документы и материалы: рабочие клубы и дворцы культуры. М., 1984.

ского фактора в процессах градостроительства первой половины XX в. Ранее советские исследователи, пытавшиеся объяснить феномен советской архитектуры, не затрагивали проблемы трудовых отношений «властного заказчика» и архитектора. Однако в постсоветском научном пространстве советское градостроение стало рассматриваться с точки зрения государственного воздействия на архитектурный стиль и строительство.

Для 1990-х г. характерен взгляд на советскую архитектуру как визуальный источник, где архитектурный стиль становился предметом исследовательских дискуссий. Искусствоведы, объясняя механизмы репрезентации власти в архитектуре, связывали трансформацию архитектурных направлений с изменениями в политических системах XX в. Было важно понимание того, как мировые тенденции в искусстве аккумулировались и применялись в государственных моделях управления обществом.

А.В. Иконников, развивая концепцию утопического идеала, рассматривал художественные приемы как средство государственной пропаганды новой системы социальных отношений [Иконников 2001]. Советский опыт в применении метода психоэмоционального воздействия рассматривался им в контексте сравнения с другими странами, использовавшими данную практику. Предложенный А.В. Иконниковым подход не только вписывал архитектуру СССР в процессы всеобщей истории XX в., но и позволил отобразить как разные государственные условия влияли на формирование национального стиля. Автор полагал, что элементы внешнего сходства с другими странами, в частности с Германией, присутствуют, но они не являются поводом для составления общей картины в исследованиях [Иконников 1997, с. 459]. Другой взгляд на механизмы репрезентации в архитектуре предложил искусствовед И.Н. Голомшток. Сравнивая основные виды архитектурного дизайна в государствах, где преобладал «культ вождизма» (Германия, Италия, Россия), исследователь сделал вывод о том, что национальные традиции играли важную роль в формировании стиля, что делало его отличительным, но не придавало им особой уникальности [Голомшток 1994, с. 241].

Историки, как и искусствоведы, интересовало изучение феномена трансформации архитектурного стиля. Однако эти изменения связывались со сменой внутриполитического курса в СССР. В. Паперный избрал для изучения данной темы метод противопоставления бинарных оппозиций и предложил объяснительную модель переориентации творчества архитекторов, в которой «Культура-1» и «Культура-2» являются терминами для описания отличительных характеристик архитектуры в 1920–1930-е гг. Они представляли не

столько архитектурные стили, сколько разные «культурные коды», связанные с борьбой сосуществовавших политическим. Согласно мнению В. Паперного, трансформация авангарда (Культура-1) в «сталинский ампи́р» (Культура-2) сопровождалась закреплением за государством монополии в творческой среде [Паперный 1996].

Свой взгляд на личность И. Сталина и его участие в процессе строительства представлен Д. Хмельницким [Хмельницкий 2006]. Оставляя без внимания период русского авангарда, автор сфокусировался на становлении и развитии сталинского стиля. По мнению Д. Хмельницкого, архитекторы являлись исполнителями запросов государства, а их градостроительные идеи превращались из авторских проектов в проекты, подчиненные «вкусным предпочтениям» вождя СССР.

Новый ракурс рассмотрения государственного воздействия на советское градостроительство был предложен М.Г. Мееровичем. Историк также принадлежит к плеяде исследователей периода 1990–2000-х гг., когда политические факторы выдвигались как ключевые причины формирования градостроительной программы; взаимодействия государственного аппарата и архитекторов. Однако, расширяя границы изучения градостроительства, М.Г. Меерович раскрыл не только государственную политику в установлении формы и стиля в архитектуре, но и выявил механизмы управления обществом.

В исследовании жилищной политики 1920–1930-х гг. М.Г. Меерович применил «теорию деятельности» Г.П. Щедровицкого, что позволило сформулировать основные идеи о том, что: архитектура – это средство государственного контроля над обществом [Меерович 2008]; расселенческая политика – мера регулирования миграционных потоков населения СССР [Меерович 2014а]; механизм распределения жилого фонда – дисциплинарная мера поощрения и наказания (не)законопослушных граждан [Меерович 2008], а типология жилья – это способ организации трудового быта [Меерович 2014б].

Расширение границ исследовательских интересов

Подходы В. Паперного, Д. Хмельницкого, М.Г. Мееровича позволили раскрыть с другой стороны проблематику взаимодействия власти и искусства. Популярность их концепций обуславливается попыткой выявления форм государственного управления в архитектурной сфере, что привлекло внимание исторического сообщества. Характерной чертой для данных работ стало исследование

частных моментов, описывающих «профессиональные» и бытовые трудности, как обычных граждан, так и представителей творческой профессии. Исследователи выявляли генезис архитектурных мастерских; формы социального инжиниринга и бытовой организации; особенности столичного и регионального строительства; финансирование и налогообложение в области жилищной политики.

Деятельность архитектурного проектирования была рассмотрена И.А. Казусем, К.Н. Гацунаевым. Организация и проведение творческих конкурсов, согласно утверждению И.А. Казуся, представлялись катализаторами творческих идей архитекторов [Казусь 2009]. Данный тезис, хотя и характеризует расцвет «русского авангарда» (с 1920-х по 1930-е гг.), также применяется ко второй половине 1930-х гг., но при этом специфика архитектурных конкурсов раскрывается как механизм популяризации директивных установок в творческой среде [Казусь 2018]. Партийно-государственное вмешательство в вопросы архитектуры и строительства К.Н. Гацунаев рассматривает как повседневную практику, что делает работу архитекторов подконтрольной власти. Унификация архитектурных сообществ, произошедшая в 1932 г., становится условной датой окончания поиска авторского стиля мастеров и является началом продвижения метода социалистического реализма во все виды искусства [Гацунаев 2013, с. 4].

Изучение жилищно-бытовых условий становилось ключом к пониманию, как и особенностей советской ментальности, так и механизмов социального инжиниринга. Рассмотрение частной жизни граждан, особенно в местах их проживания, позволило раскрыть проблемы досуговой деятельности, организации быта, личных взаимоотношений [Лебина 1999; Фицпатрик 2001; Бойм 2002]. В данном контексте исследователям была интересна конечная стадия «метаморфоза» в советских гражданах. Понимание того, что следует рассматривать механизмы советизации общества еще на стадии строительства, пришло уже к современным ученым, которые открыли новую проблему – социальный инжиниринг в градостроительстве.

Ж.А. Хамитова, Е.В. Барышева, Р. Савосткина, используя социокультурный подход, исследуют жилищные объекты в контексте советизации. Советское жилье являлось тем местом, где происходила трансформация человека. На примере типов квартир Е.В. Барышева прослеживает, как идеология, искореня индивидуальное пространство, делала жизнь человека частью общественного. Тем самым жилье становилось посредником внедрения нового быта с регламентацией повседневных дел [Барышева 2015]. Другой подход в изучении жилищно-бытовой организации демонстрирует

Р. Савосткина, которая рассматривает дома для рабочих и их условия проживания. Автор, соотнося курс индустриализации с жилищным строительством, сравнивает политические установки (повышение уровня жизни рабочих) с реалиями, в которых дома находились в запущенном состоянии, а власть использовала репрессивные меры в борьбе с текучестью кадров [Савосткина 2022]. Ж.А. Хамитова рассматривает процесс конструирования властью детского пространства в социалистических городах [Хамитова 2013].

Изучение истории архитектуры также связано с историей столичного и регионального градостроительства. Москва и Ленинград являлись архитектурными центрами в реализации теоретических и практических задач. Рассмотрение строительных практик домов-коммун [Близнакова 2001], ведомственных и кооперативных жилищ [Князев 2019] в организации городского пространства [Яковлева 2018] позволяет охарактеризовать проектирование гражданского строительства в городах республиканского подчинения как эталонные для периферии. Фокусирование на формировании среды региональных соцгородов демонстрирует жилищную политику как часть этнической и географической проблемы, которые архитекторы старались решить, учитывая государственные задачи страны [Конышева 2018а]. Жилищная политика с точки зрения осуществления национальной политики СССР рассматривается Ю.Л. Косенковой. [Косенкова 2018].

Вопросы финансирования и налогообложения в области жилищной политики относятся к числу узкоспециализированных исследований. Актуальность проблематики обусловлена возможностью установить механизмы формирования государственного бюджета в решении жилищных проблем. И.Б. Орлов рассматривает зависимость жилищно-коммунального хозяйства от общей модели экономического развития СССР. Введение «классового» принципа в расчете налоговых ставок, существовавшего в годы военного коммунизма, нэпа и индустриализации, не дало существенных результатов в улучшении жилищных условий. Высокая налоговая нагрузка и государственная попытка ее оптимизации в жилищно-коммунальных услугах оказываются оторванными от реального положения жилого фонда и финансового обеспечения граждан [Орлов 2014, с. 80]. Позитивный опыт в экономической поддержке жилищного строительства предлагает рассмотреть С.И. Строкин. В центре внимания исследователя – жилищные кооперации Пензенского края 1920-х гг. и их влияние на решение вопросов о предоставлении жилплощади. Выявленная динамика роста жилищно-арендных кооперативов связывается с государственным одобрением «частных» строительных инициатив [Строкин 2018].

Осмысление советского опыта в изучении архитектуры СССР

После 2000-х гг. появляются работы, посвященные становлению и развитию архитектурного стиля, в которых продолжается историографическая традиция советской архитектуры. Исследования в рамках данного подхода не утратили своей актуальности в силу того, что научное общество не пришло к единому мнению об этапе зарождения «сталинского стиля» и ликвидации конструктивистских движений. А.Н. Селиванова предлагает новое наполнение понятия «постконструктивизм» [Селиванова 2019]. В интервью для цифрового издания «ПостНаука» она объясняет, что использует терминологию С.О. Хан-Магомедова, не так, как он предлагал, а наполняя период 1932–1937 гг., ознаменовавший другое архитектурное мышление, «игровыми элементами». Подобная «стилевая игра» рассматривается ею как попытка соединить художественные символы уходящей эпохи авангарда и замыслы западных архитекторов в идейный образ сталинской архитектуры. В свою очередь, архитекторы, согласно мнению исследователя, становились интерпретаторами «стороннего» творческого замысла.

Развитие градостроительства в контексте сотрудничества СССР и Запада

Описанные подходы в изучении истории советского градостроения стали классикой в презентации архитектуры как социально-политического явления. Научный потенциал данной темы также раскрывался в направлении «история культурной дипломатии», где исследователи поднимали проблемы межкультурной коммуникации.

Культурные контакты Советского Союза с Западом вызывали интерес в международном научном сообществе. Консолидация иностранных и отечественных специалистов по вопросам, связанным с архитектурной дипломатией, способствовала установлению государственных механизмов в формировании взаимовыгодных отношений.

Х. Боденшатц и К. Пост рассматривают влияние внешней политики И.В. Сталина на коммуникацию между отечественными и западными специалистами. Недостаток технических и материальных ресурсов для выполнения внутривнутриполитических задач СССР, согласно позиции авторов, предопределил привлечение иностранных архитекторов в становление советского градостроительства

[Боденшатц, Пост 2015]. К. Фремpton, отмечая наличие ограничительных барьеров в архитектурном сотрудничестве СССР и Запада, заявлял о двусторонней востребованности в градостроителях. С точки зрения К. Фремптона, зодчие Советского Союза становились участниками процесса в творческом самоопределении стран капиталистического блока [Фремpton 1990, с. 8].

В российской историографии оценка влияния зарубежных архитекторов на ход развития советского градостроительства имеет противоречивый характер. Согласно материалам круглого стола, проводившегося в научно-исследовательском институте теории и истории архитектуры и строительства в 2014 г. на тему проблем исторического описания событий мирового градостроительства 1920–1930-х гг., историки и историки архитектуры минимизировали значение культурного обмена в достижениях советской архитектуры. В частности, М.Г. Меерович высказывался о невозможности сравнения советского и зарубежного опыта, так как общих идей и методов градостроения в СССР и в странах капитализма не существовало. Однако ряд историков признавали наличие некоторого сходства в архитектурных подходах советских и западных специалистов. Например, Е.В. Коньшева говорит о факте участия европейских мастеров в совместных проектах [Коньшева 2018b]. При этом использование зарубежных методик «преломлялось» под социалистические условия [Коньшева 2018c].

Заключение

Представленные исследовательские подходы в изучении истории советского градостроения, преимущественно в 1920–1930-х гг., демонстрируют архитектуру как предмет междисциплинарного изучения. Социально-политические проблемы градостроительства 1920-х и 1930-х гг. вызывали научный интерес с точки зрения взаимосвязи внутривнутриполитических процессов на теорию и практику градостроения. Взаимодействие власти и искусства являлось доминирующей проблематикой в историографии, с помощью которой раскрывался курс государственной политики в творческой сфере. В частности изучение архитектурного стиля, с точки зрения искусствоведения, способствовало выявлению механизмов репрезентации власти в искусстве.

В исследованиях, где рассматриваются экономические, внешнеполитические и повседневные сюжеты в советском градостроительстве, открывались дополнительные факты: формирования градостроительной программы в СССР; восприятия обществом

новых хозяйственных форм быта. Применение оригинальных подходов, выходящих за рамки социально-политической истории, использование эго-документов, а также рассмотрение культурных контактов советских и зарубежных архитекторов демонстрируют отход от традиционного описания механизма воздействия государственного аппарата на строительство. Появление новых вопросов в изучении истории архитектуры СССР повлияло на расширение «методологического инструментария» историков, способного отвечать на вызовы исторической науки.

Литература

- Барышева 2015 – *Барышева Е.В.* Личное пространство в повседневной жизни СССР: 1920–1930-е гг. // Россия и современный мир. 2015. № 4 (89). С. 200–211.
- Близнакова 2001 – *Близнакова М.* Советское жилищное строительство в годы эксперимента: 1918–1933 гг. // Жилище в России: век XX: Архитектура и социальная история. М.: Три квадрата, 2001. С. 53–84.
- Боденшатц, Пост 2015 – «Градостроительство в тени Сталина»: Мир в поисках социалистического города в СССР / сост. Х. Боденшатц, К. Пост. СПб.: SCIO Media, 2015. 416 с.
- Бойм 2002 – *Бойм С.* Общие места: Мифология повседневной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 320 с.
- Гацунаев 2013 – *Гацунаев К.Н.* Социально-политические факторы развития советской архитектуры (1931–1954 гг.) // Интернет-вестник ВолГАСУ. Сер.: Политематическая. 2013. Вып. 3 (28). URL: [http://vestnik.vgasu.ru/attach-ments/Gatsunaev-2013_3\(28\).pdf](http://vestnik.vgasu.ru/attach-ments/Gatsunaev-2013_3(28).pdf) (дата обращения 28 октября 2024).
- Голомшток 1994 – *Голомшток И.Н.* Тоталитарное искусство. М.: Галарт, 1994. 294 с.
- Иконников 1997 – *Иконников А.В.* Историзм в архитектуре. М.: Стройиздат, 1997. 557 с.
- Иконников 2001 – *Иконников В.А.* Архитектура XX века: Утопии и реальность: В 2 т. Т. 1. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 672 с.
- Казусь 2009 – *Казусь И.А.* Советская архитектура 1920-х гг.: Организация проектирования. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 462 с.
- Казусь 2018 – *Казусь И.А.* Роль конкурсного дела в становлении предвоенного советского градостроительства // Советское градостроительство: 1917–1941. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 864–919.
- Князев 2019 – *Князев М.Б.* Ведомственное и кооперативное жилище в Москве второй половины 1920 – первой половины 1930-х гг.: Автореф. дис. ... канд. архитектуры / Московский архитектурный институт (государственная академия). М., 2019. 27 с.

- Коньшева 2018а – *Коньшева Е.В.* Градостроительство Урала 1920–1930-х гг.: региональный аспект общероссийских тенденций // Советское градостроительство: 1917–1941. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 474–522.
- Коньшева 2018б – *Коньшева Е.В.* Европейские архитекторы в советском градостроительном проектировании эпохи первых пятилеток // Советское градостроительство: 1917–1941. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 1107–1158.
- Коньшева 2018с – *Коньшева Е.В.* Восприятие западного опыта городского планирования и жилищного строительства в СССР: 1920–1930 гг.: эволюция задач и форм // Советское градостроительство: 1917–1941. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 1071–1107.
- Косенкова 2018 – *Косенкова Ю.Л.* Особенности градостроительства в союзных республиках // Советское градостроительство: 1917–1941. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 634–709.
- Лебина 1999 – *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии: 1920–1930 гг. СПб.: Журн. «Нева»: Летний сад, 1999. 316 с.
- Меерович 2008 – *Меерович М.Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми: 1917–1937. М.: РОССПЭН, 2008. 300 с.
- Меерович 2014а – *Меерович М.Г.* Расселенческая доктрина России сегодня и 100 лет назад. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 227 с.
- Меерович 2014б – *Меерович М.Г.* Типология жилища соцгородов-новостроек. Иркутск: Иркутский государственный технический ун-т, 2014. 263 с.
- Орлов 2014 – *Орлов И.Б.* Советское жилищное хозяйство в 1920–1930-е гг.: между классовой линией и самокупаемостью // Современные проблемы сервиса и туризма: История повседневности. 2014. Т. 8. № 2. С. 78–85.
- Паперный 1996 – *Паперный В.* Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 320 с.
- Савосткина 2022 – *Савосткина Р.* Жилищно-бытовая организация пролетариата в условиях форсированной модернизации: вызовы и воплощение (на материалах Москвы) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 2. С. 123–133.
- Селиванова 2019 – *Селиванова А.Н.* Постконструктивизм: Власть и архитектура в 1930-е гг. в СССР. М.: БуксМАрт, 2019. 320 с.
- Строкин 2018 – *Строкин С.И.* Жилищная кооперация в Советской России в 1920-х гг. (по материалам Пензенского края) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 2 (46). С. 89–96.
- Фицпатрик 2001 – *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001. 332 с.
- Фремpton 1990 – *Фремpton К.* Современная архитектура: Критический взгляд на историю развития. М.: Стройиздат, 1990. 535 с.
- Хазанова 1980 – *Хазанова В.* Советская архитектура первой пятилетки: Проблемы города будущего. М.: Наука, 1980. 351 с.
- Хамитова 2013 – *Хамитова Ж.А.* Советская журнальная периодика 1930-х гг. как источник по истории формирования детского пространства социалистического

- города: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Казанский (Приволжский) федеральный ун-т. Казань, 2013. 24 с.
- Хан-Магомедов 1996 – Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. Кн. 1. М.: Стройиздат, 1996. 710 с.
- Хмельницкий 2006 – Хмельницкий Д. Архитектура Сталина: Психология и стиль. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 374 с.
- Яковлева 2018 – Яковлева Г.Н. Жилище в структуре советского города 1920–1930-х гг. // Советское градостроительство: 1917–1941. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 783–831.

References

- Barysheva, E.V. (2015), “Personal space in everyday life of the USSR, 1920–1930s”, *Rossiya i sovremenniy mir*, vol. 89, no. 4, pp. 200–211.
- Bliznakova, M. (2001), “Soviet housing construction during the experimental years, 1918–1933”, in *Zhilishche v Rossii: vek XX: Arkhitektura i sotsial'naya istoriya* [Housing in Russia, 20th century. Architecture and social history], Tri kvadrata, Moscow, Russia, pp. 53–84.
- Bodenschatz, H. and Post, K., comp. (2015), “*Gradostroitel'stvo v teni Stalina*”: *Mir v poiskakh sotsialisticheskogo goroda v SSSR* [Urban planning in the shadow of Stalin. The world in search of a socialist city in the USSR], SCIO Media, Saint Petersburg, Russia.
- Boim, S. (2002), *Obshchie mesta: Mifologiya povsednevnoi zhizni* [Common places. The mythology of everyday life], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Gatsunaev, K.N. (2013), “Socio-political factors of the development of Soviet architecture”, *Internet-vestnik VolgGASU*, vol. 28, is. 3, available at: [http://vestnik.vgasu.ru/attach-ments/Gatsunaev-2013_3\(28\).pdf](http://vestnik.vgasu.ru/attach-ments/Gatsunaev-2013_3(28).pdf) (Accessed 28 Oct. 2024).
- Golomshtok, I.N. (1994), *Totalitarnoe iskusstvo* [Totalitarian art], Galart, Moscow, Russia.
- Ikonnikov, A.V. (1997), *Istorizm v arkhitekture* [Historicism in architecture], Stroizdat, Moscow, Russia.
- Ikonnikov, A.V. (2001), *Arkhitektura XX veka: Utopii i real'nost'* [Architecture of the 20th century. Utopias and reality], vol. 1, Progress-Traditsiya, Moscow, Russia.
- Kazus', I.A. (2009), *Sovetskaya arkhitektura 1920-kh gg.: Organizatsiya proektirovaniya* [Soviet architecture of the 1920s. Organization of design], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia.
- Kazus', I.A. (2018), “The role of competitive business in the development of pre-war Soviet urban planning”, in *Sovetskoe gradostroitel'stvo: 1917–1941* [Soviet urban planning, 1917–1941], Progress-Traditsiya, pp. 864–919.
- Knyazev, M.B. (2018), *Vedomstvennoe i kooperativnoe zhilishche v Moskve vtoroi poloviny 1920 – pervoi poloviny 1930-kh gg.* [Departmental and cooperative housing in Moscow in the second half of the 1920s – the first half of the 1930s], Abstract of Ph.D.

- dissertation (Architecture), Moskovskii arkhitekturnyi institut (gosudarstvennaya akademiya), Moscow, Russia.
- Konysheva, E.V. (2018), "Urban planning of the Urals in the 1920s and 1930s. A regional aspect of all-Russian trends", in *Sovetskoe gradostroitel'stvo: 1917–1941* [Soviet urban planning, 1917–1941], Progress-Traditsiya, pp. 474–522.
- Konysheva, E.V. (2018), "European architects in the Soviet urban planning of the era of the first five-year plans", in *Sovetskoe gradostroitel'stvo: 1917–1941* [Soviet urban planning, 1917–1941], Progress-Traditsiya, pp. 1107–1158.
- Konysheva, E.V. (2018), "Perception of the Western experience of urban planning and housing construction in the USSR in 1920–1930. The evolution of tasks and forms", in *Sovetskoe gradostroitel'stvo: 1917–1941* [Soviet urban planning, 1917–1941], Progress-Traditsiya, pp. 1071–1107.
- Kosenkova, Yu.L. (2018), "Features of urban planning in the Union Republics", in *Sovetskoe gradostroitel'stvo: 1917–1941* [Soviet urban planning, 1917–1941], Progress-Traditsiya, pp. 634–709.
- Lebina, N.B. (1999), *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii: 1920–1930 gg.* [Everyday life of the Soviet city. Norms and anomalies, 1920–1930], Zhurnal "Neva", Letnii sad, Saint Petersburg, Russia.
- Meerovich, M.G. (2008), *Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi: 1917–1937* [Punishment by housing. Housing policy in the USSR as a means of managing people, 1917–1937], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Meerovich, M.G. (2014), *Rasselencheskaya doktrina Rossii segodnya i 100 let nazad* [The settlement doctrine of Russia today and 100 years ago], Izdatel'stvo IGU, Irkutsk, Russia.
- Meerovich, M.G. (2014), *Tipologiya zhilishcha sotsgorodov-novostroek* [Typology of housing in new-build social towns], Irkutskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, Irkutsk, Russia.
- Orlov, I.B. (2014), "Soviet housing in the 1920s and 1930s. Between the class line and self-sufficiency", *Service & Tourism. Current Challenges*, vol. 8, no. 2, pp. 78–85.
- Papernyi, V. (1996), *Kul'tura Dva* [Culture Two], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Savostkina, R. (2022), "Housing and welfare organization of the proletariat in the conditions of forced modernization. challenges and implementation (on the materials of Moscow)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 122–133.
- Selivanova, A.N. (2019), *Postkonstruktivizm: Vlast' i arkhitektura v 1930-e gg. V SSSR* [Postconstructivism. Power and architecture in the 1930s in the USSR], BuksMArt, Moscow, Russia.
- Strokin, S.I. (2018), "Housing cooperation in Soviet Russia in the 1920s (on materials of Penza Region)", *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*, vol. 46, no. 2, pp. 89–96.

- Fitzpatrick, Sh. (2001), *Povsednevnyi stalinizm: Sotsial'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Ordinary life in extraordinary times: Soviet Russia in the 1930s], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Frampton, K. (1990), *Sovremennaya arkhitektura: Kriticheskii vzglyad na istoriyu razvitiya* [Modern architecture. A critical history (world of art)], Stroizdat, Moscow, USSR.
- Khamitova, Zh.A. (2013), *Sovetskaya zhurnal'naya periodika 1930-kh gg. kak istochnik po istorii formirovaniya detskogo prostranstva sotsialisticheskogo goroda* [Soviet magazine periodicals of the 1930s as a source on the history of the formation of the children's space of the socialist city], Abstract of Ph.D. dissertation (History), Kazan, Russia.
- Khan-Magomedov, S.O. (1996), *Arkhitektura sovetskogo avangarda* [Architecture of the Soviet avant-garde], book 1, Stroizdat, Moscow, Russia.
- Khazanova, V. (1980), *Sovetskaya arkhitektura pervoi pyatiletki: Problemy goroda budushchego* [Soviet architecture of the first five-year plan. Problems of the city of the future], Nauka, Moscow, USSR.
- Khmel'nitskii, D. (2006), *Arkhitektura Stalina: Psikhologiya i stil'* [Stalin's architecture. Psychology and style], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia.
- Yakovleva, G.N. (2018), "Housing in the structure of the Soviet city of the 1920s and 1930s", in *Sovetskoe gradostroitel'stvo: 1917–1941* [Soviet urban planning, 1917–1941], Progress-Traditsiya, pp. 783–831.

Информация об авторе

Анастасия В. Волкова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ananas199@lenta.ru

ORCID ID: 0009-0008-2299-0531

Information about the author

Anastasia V. Volkova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ananas199@lenta.ru

ORCID ID: 0009-0008-2299-0531

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 94(100)“1914/1918”

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-43-56

Причины вступления Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав: военно-политический и дипломатический аспекты

Дмитрий К. Макаров

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия, dmakarov3107@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрен комплекс причин вступления Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав. Было уделено внимание роли дипломатического фактора в особенности болгаро-турецких отношений, которые почти не исследованы в историографии. Автор пришел к выводу, что угроза захвата Константинополя англо-французскими войсками усилила значимость Болгарии для противоборствующих блоков. Немецкая дипломатия смогла примирить Турцию и Болгарию и вынудила турок пойти на территориальные уступки. В то время как страны Антанты не смогли принудить Сербию к территориальным уступкам в пользу Болгарии, что стало ключевым фактором, который повлиял на решение болгарского правительства. Общественное мнение в Болгарии воспринимало Сербию как врага, отнявшего у болгар Македонию после Второй Балканской войны, и поэтому сербы и болгары были не готовы сражаться на одной стороне до урегулирования территориальных споров. Автор обратил внимание на то, что Болгария вступила в войну 1 (14) октября 1915 г., после того как пал Белград и большая часть сербских войск была переброшена на борьбу с австро-германскими войсками. Также автор уделил большое внимание усилиям русской дипломатии по привлечению Болгарии на сторону Антанты.

Ключевые слова: Первая мировая война, Антанта, Центральные державы, Болгария, Германия, Россия, Дарданелльская операция, Радославов, Тончев, Геннадиев

© Макаров Д.К., 2025

Для цитирования: Макаров Д.К. Причины вступления Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав: военно-политический и дипломатический аспекты // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 1. С. 43–56. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-43-56

Reasons for Bulgaria's entry into World War I on the side of the Central Powers. Military, political, and diplomatic aspects

Dmitrii K. Makarov
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia,
dmakarov3107@gmail.com

Abstract. The article presents a complex of reasons for Bulgaria's entry into World War I on the side of the Central Powers. It examines the role of the diplomatic factor, particularly in Bulgarian-Turkish relations, which have been scarcely studied in historiography. It is concluded that the threat of Constantinople being captured by Anglo-French troops increased Bulgaria's significance for opposing blocs. German diplomacy succeeded in reconciling Turkey and Bulgaria, pressuring the Turks to make territorial concessions. That the Entente could not compel Serbia to yield land to Bulgaria, became a key factor that influenced the Bulgarian government's decision. Public opinion in Bulgaria perceived Serbia as an enemy having taken Macedonia from the Bulgarians after the Second Balkan War. As a result, the Serbs and Bulgarians were not ready to fight on the same side until territorial disputes were resolved. The article also highlights that Bulgaria entered the war on October 1 (14), 1915, after Belgrade had fallen and most of the Serbian troops had been redirected to fight the Austro-German forces. Additionally, the author emphasizes the efforts of Russian diplomacy to persuade Bulgaria to side with the Entente.

Keywords: World War I, Entente, the Central Powers, Bulgaria, Germany, Russia, the Dardanelles Campaign, Radoslavov, Tonchev, Genadiev

For citation: Makarov, D.K. (2025), "Reasons for Bulgaria's entry into World War I on the side of the Central Powers. Military, political, and diplomatic aspects", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political science. History. International relations" Series*, no. 1, pp. 43–56, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-43-56

Введение

В годы Первой мировой войны определение Болгарией своей позиции в условиях разворачивающегося конфликта стало военно-

политическим фактором, значимым для обеих противоборствующих сторон. Однако прежде всего союз с Болгарией был важен для Центральных держав, так как он означал ослабление потенциальной угрозы захвата Константинополя странами Антанты и облегчение удара австро-венгерских войск по Сербии. Вступление Болгарии на стороне Антанты могло привести к успеху Дарданелльской операции, разгрому Османской империи и присоединению к войне нейтральных Румынии и Греции, что ознаменовало бы разгром Центральных держав [Wolfgang-uwe 1976, p. 1436]. Актуальность темы исследования обусловлена недостаточностью изучения военно-политического и дипломатического факторов, обусловивших вступление Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав, несмотря на стратегическую важность этой страны для обоих противоборствующих блоков.

В историографии нет единой точки зрения о комплексе причин, побудивших Болгарию вступить в Первую мировую войну на стороне Центральных держав. Советские историки в принципе старались не упоминать о том, что Болгария находилась в состоянии войны с Россией, а если и упоминали, то акцентировали внимание на противоречиях Болгарии с Сербией, на личности царя-немец Фердинанда и либеральном правительстве Радославова. Это было упрощением, поскольку либеральное правительство Греции Венизелоса было настроено про-британски и выступало за присоединение Греции к Антанте. При этом король-немец Румынии Кароль I в августе 1914 г. хотел вступить в войну на стороне Германии несмотря на то, что сражался бок о бок с русскими войсками в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и участвовал в осаде Плевны [Becker 2012, p. 208].

Практически все исследователи признают одной из причин перехода Болгарии на сторону Центральных держав потерю Македонии во Второй Балканской войне и желание взять реванш у Сербии. Американский историк Р. Каплан считает, что Болгария больше всех пострадала от гнета турок, а после потери Македонии в 1913 г. ее поведение было нерационально, поскольку она озлобилась на всех соседей и была готова на все, чтобы вернуть Македонию [Каплан 2017, с. 272]. Эта точка зрения является недостаточно обоснованной, поскольку Болгария руководствовалась вполне рациональными соображениями: на октябрь 1915 г. военные успехи Центральных держав были значительными, Германия нанесла крупные поражения русским войскам в Галиции, бывший враг Болгарии – Османская империя – пошел на территориальные уступки, а потенциальный союзник – Сербия – не хотел отдавать Болгарии даже небольшую часть Македонии. Многие авторы считают, что одной из причин

перехода Болгарии в лагерь Центральных держав являются поражения войск Антанты на фронтах Первой мировой войны. Более того, многие болгары помнили, что штурм Чаталджинской линии обороны в 1912 г. нанес тяжелейшие потери болгарской армии и закончился неудачей [Въчков 2005, с. 99].

Роль идейно-психологического фактора подчеркивает Н.С. Гусев, который убедительно доказывает, что в годы Балканских войн Болгария и Сербия вели информационную войну за благосклонность России. Болгария, по мнению автора, ее проиграла и поэтому решила примкнуть к Германии [Гусев 2020, с. 11].

Несмотря на значительный объем исследований темы, недооцененным остается константинопольский фактор, который сыграл огромную роль в дипломатическом давлении на Болгарию. Именно после первых неудач англо-французских сил в Дарданелльской операции между дипломатами Антанты и Центральных держав началась борьба, которая закончилась провалом усилий Антанты по обеспечению участия Болгарии в войне на стороне стран Согласия.

Одним из немногих исследователей, поднимавших проблему турецко-болгарских отношений в годы Первой мировой войны, является немецкий профессор Вольфганг Уве Фридрих. Он справедливо полагает, что без урегулирования Германией отношений между этими двумя странами вступление Болгарии в войну на стороне Центральных держав было бы практически невозможным. Османская империя и Болгария, как правильно отмечает автор, хотели реванша за проигранные в прошлом войны. Если в начале переговоров с Болгарией турки не были готовы пойти даже на символические уступки, то летом 1915 г. у турецких войск заканчивались боеприпасы, и у них появилась надежда, что падение Сербии сможет решить проблему нехватки снарядов. В результате усилия Германии по обеспечению готовности Турции отдать часть своих территорий Болгарии в обмен на поражение Сербии и открытие путей военного снабжения, стали важным фактором вступления Болгарии в блок Центральных держав [Wolfgang-uwe 1976]. Однако в статье автор практически не упоминает о дипломатических усилиях стран Антанты по привлечению Болгарии на свою сторону.

В историографии показан спектр военно-политических последствий вступления Болгарии в войну на стороне Центральных держав. Так, благодаря оккупации Сербии Центральные державы получили возможность снабжать Османскую империю оружием: у турок появились не только немецкие, но и трофейные английские пушки, поэтому продолжение Дарданелльской операции стало для Антанты бессмысленным [Коленковский 1938, с. 102]. Более

того, после эвакуации англо-французских сил турки направили в Месопотамию подкрепление, что привело к падению Эль-кута и улучшению снабжения турецкой армии, воевавшей на Кавказе [Больных 2024, с. 139]. Эти обстоятельства усилили прогерманские настроения в Румынии и Греции, которые в определенный момент могли также выступить в войне на стороне Центральных держав. Вступившая в 1916 г. в войну на стороне Антанты Румыния потеряла ряд тяжелых поражений от болгарской армии и не оправдала надежды многих российских политиков на помощь российской армии в окончательном разгроме Австро-Венгрии. Болгары при поддержке немцев в течение длительного времени оборонялись на Салоникском фронте [Шкундин 2007, с. 53].

Источниковая база исследования представлена опубликованными документами, публицистической и мемуарной литературой. Уникальным историческим источником, не задействованным историками, является опубликованная в 1916 г. книга российского консерватора Б.В. Кириченко-Астромова. В годы Первой мировой войны автор смог посетить Сербию и Болгарию и отметить ярко выраженные противоречия между болгарами и сербами¹.

В данной статье сделана попытка выявить всю совокупность причин, в результате которых Болгария примкнула к Центральным державам, уделив особое внимание роли дипломатического фактора, недостаточно изученного в историографии.

Дипломатические усилия Антанты и Центральных держав для привлечения Болгарии на свою сторону

После поражения Болгарии во Второй Балканской войне, которое болгары воспринимали как национальную катастрофу, русофильское правительство Гешева-Данева было вынуждено уйти в отставку. К власти пришли германофилы Радославов, Тончев и Геннадиев, что ознаменовало начало нового курса в политике Болгарии – сближение с Германией и Австро-Венгрией. В манифесте, которым царь Фердинанд закончил Вторую Балканскую войну, говорилось, что болгарская армия «свертывает свои знамена до более благоприятных времен» [Кабакчиев, Караколов 1941, с. 59]. Германофилы пытались легитимировать свое правительство при помощи выборов, проведенных в ноябре 1913 г., но несмотря на

¹ *Кириченко-Астромов Б.В.* В тылу полей кровавых: Сербия и Болгария. Пг.: Тип. АО тип. дела, 1916. 97 с.

давление на оппозицию и фальсификации, прогерманские партии не смогли получить подавляющего большинства. Более того, в результате выборов было избранно 18 депутатов-тесняков, выступавших против идей реваншизма и втягивания Болгарии в новую войну. В феврале 1914 г. в Болгарии были снова проведены выборы, которые из-за фальсификаций закончились небольшим перевесом германофильских партий в парламенте. Тесняки смогли сохранить 11 мест².

Новое правительство заключило соглашение с немецкими банками для получения займа на военные цели и отклонило французское предложение о предоставлении займа. По условиям займа, Германия получила право на постройку железнодорожной линии Хасково-Портолагос, а также право на эксплуатацию угольных шахт в Пернике и Бобов-Дол [Виноградов 2002, с. 79–80].

К началу Первой мировой войны Болгария все еще не оправилась от последствий Балканских войн и поэтому отвергла предложения Германии и России о присоединении к какой-либо из сторон начавшегося конфликта. 4 августа 1914 г. правительство Радославова заявило о «строгом нейтралитете» Болгарии. Радославов внимательно следил за положением дел на фронте и желал примкнуть к побеждавшей стороне. Несмотря на то что Болгария помогала Германии и Австро-Венгрии провозить через свою территорию оружие, боеприпасы и инструкторов, о чем открыто писали консервативные российские газеты, например «Русское знамя», «Кремль Иловайского» и т. п. (при этом либеральная пресса публиковала опровержения этого со стороны правительства Радославова и царя Фердинанда), болгарское правительство вело переговоры с Антантой. Антанта хотела привлечь Болгарию на свою сторону, но ни Россия, ни Англия и Франция не могли гарантировать Болгарии серьезных уступок от Сербии: сербы не хотели отдавать Македонию и были против даже небольшого изменения границ.

С момента начала Первой мировой войны державы Согласия пытались подтолкнуть Болгарию к вступлению в войну на своей стороне. Уже 5 августа 1914 г. Россия сделала Болгарии предложение «забыть недавнее прошлое и согласовать свою политику с начинаниями России и не предпринимать ничего кроме и помимо нее»³. 11 августа 1914 г. Сазонов обратился к болгарскому правительству с предложением «оказать сопротивление наступа-

² Nohlen D., Stöver P. Elections in Europe. A data handbook. Baden Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2010. P. 368.

³ Радославов В. Болгария в Световната криза. София: Издателство на Българската академия на науките, 1993. С. 94.

тельными действиям» тогда еще нейтральной Турции⁴. 30 сентября 1914 г. Англия предложила Болгарии поддержать «дружественные отношения с союзниками», а после присоединения к Германии Турции пообещала, что после разгрома Османской империи Болгарии достанется Фракия до «линии Энос-Мидия и часть Македонии», а также огромная финансовая помощь от английского правительства⁵.

Если в 1914 г. нейтралитет Болгарии как малой страны не сильно интересовал политиков Антанты и Центральных держав, предполагавших, что война закончится к концу 1914 г., то к 1915 г. позиция Болгарии стала значимой для противоборствующих блоков. Начало Дарданельской операции сделало Болгарию важным потенциальным союзником так для Антанты, так и для Германии. Бывший премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж писал в мемуарах, что вступление Болгарии на стороне Центральных держав было самым крупным дипломатическим поражением стран Антанты в Первой мировой войне. Если бы союзники смогли перетянуть Болгарию на свою сторону, то Константинополь бы пал, а Румыния и Греция также поспешили бы присоединиться к Антанте и война закончилась бы уже в 1916 г.⁶ Таким образом, можно сказать, что именно константинопольский фактор являлся главной причиной дипломатической активности обоих блоков в Болгарии начиная с мая 1915 г., когда стало понятно, что быстро захватить проливы англо-французские войска не смогут. Германия же желала не допустить падения своего важнейшего союзника, Турции, у которой наблюдался недостаток боеприпасов.

Германия и Австро-Венгрия 23 мая 1915 г. предложили Болгарии после разгрома Сербии завладеть не только всей сербской Македонией, но и территориями Румынии и Греции, если они вступят в войну против Центральных держав. Правительство Радославова отвергло это предложение, напомнив Центральным державам о своих претензиях к Турции по линии Энос-Мидия. Болгарский премьер-министр ожидал, чем закончится немецкое наступление в России, и поэтому не спешил присоединиться к Центральным державам⁷.

29 мая 1915 г. Антанта сделала первое общее предложение Болгарии присоединиться ней и начать войну против Османской им-

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Там же. С. 99.

⁶ David Lloyd George war of memoirs: In 6 vols. L.: Odhams Press Limited, 1936. Vol. 6. P. 8.

⁷ Радославов В. Болгария в Световната криза. С. 108.

перии. В качестве компенсации Болгарии разрешалось немедленно оккупировать Фракию до линии Энос-Мидия, а после победы союзников над Центральными державами гарантировалась не только уступка части Македонии со стороны Сербии, но и ведение переговоров с нейтральной Румынией по поводу уступки части Добруджи, а также огромная финансовая помощь со стороны Антанты. Болгарское правительство просило 14 июня 1915 г. уточнить, какие территориальные компенсации получат Греция и Сербия за уступки вышеуказанных территорий Болгарии, а также разъяснить принципиальные основы переговоров с Румынией по вопросу о Добрудже. 29 июня 1915 г. правительства Антанты сделали заявления о необходимости уступить Болгарии часть Македонии с целью привлечь Болгарию на сторону Антанты. Однако премьер-министр Сербии Н. Пашич высказался против такого варианта, поскольку считал, что сербское общественное мнение будет недовольно этим шагом. По его словам, каждый член скупщины и каждый серб предпочтет погибнуть вместе с Сербией, чем сделать уступку в пользу болгар, которые «режут и сжигают сербов»⁸. Ему было больно отказывать России, «за которую он готов пожертвовать жизнью, но не может поступить нечестно, отдав Болгарии родное, кровное население ради приобретения других земель». Он усматривал большое несчастье в том, что «Россия считала Македонию болгарской»⁹. Переговоры затянулись. Борис Кириченко-Астромов, российский консерватор, побывавший в годы Первой мировой войны и в Сербии, и в нейтральной Болгарии, отмечал, что сербское общество смотрело на Болгарию с недоверием, и многие сербские генералы боялись, что болгары могут напасть на сербов в самый тяжелый момент. Большинство болгарских русофилов считали сербов врагами и, несмотря на симпатии к России, не хотели воевать с ними на одной стороне. После того, как Болгария начала мобилизацию, Борис Астроном обвинил в заключении этого договора именно русофилов, которые, по оценке автора, много обещали России, но никак не предотвратили сближение Болгарии с Германией и Турцией¹⁰.

Посланник Болгарии в Петрограде С. Бобчев заявил о своем сочувствии Сербии, но считал, что болгарская армия не готова воевать с сербами на одной стороне из-за разногласий по Македонии¹¹. Лидер демократической партии Болгарии Малинов говорил, что обвинения Болгарии в российской прессе не обоснованы: болгары

⁸ *Кириченко-Астромов Б.В.* В тылу полей кровавых... С. 71.

⁹ Там же. С. 72.

¹⁰ Там же. С. 77.

¹¹ Там же. С. 78.

собрали на Красный крест 50 тысяч франков, а в случае вступления Турции на стороне Германии Болгария сразу же вступит в войну против своего многовекового угнетателя¹². Только депутат от прогрессивно-либеральной партии Д. Христов полагал, что, несмотря на разногласия с Сербией по поводу Македонии, Болгария должна вступить в войну на стороне России немедленно и после победы получить часть Македонии [Станев 1925, с. 249].

4 августа 1915 г. Антанта сделала второе предложение Болгарии. В качестве компенсации за вступление Болгарии в войну на стороне Антанты ей гарантировалась «бесспорная зона» ранее обещанной части Македонии. 13 сентября, уже после объявленной мобилизации в Болгарии, Антанта сделала третье предложение Болгарии, в котором пообещала при помощи дипломатии помочь вернуть часть территорий, утраченных в ходе Второй Балканской войны. Примечательно то, что эти обещания не были согласованы с Сербией, которая со времен Второй Балканской войны воспринимала болгар как врагов и не желала идти им на уступки¹³.

Тем временем 24 августа 1915 г. Радославов, сохраняя секретность и не уведомив о сделке даже своих министров, кроме германофила Д. Тончева, заключил в Софии два договора о дружбе и союзе с Германией и тайную конвенцию между Германией и Болгарией. Стороны обещали друг другу поддерживать мир и дружбу и не вступать ни в какой союз, направленный против одной из договаривающихся сторон. В тайной конвенции говорилось о том, что Болгария и Германия предпринимают совместные действия против Сербии, и Германия гарантирует Болгарии захват следующих территорий: всей сербской Македонии, всех сербских земель на восток от Моравы. В случае вступления в войну Румынии немцы гарантировали Болгарии Добруджу, а в случае вступления Греции – Салоники. Германия и Австро-Венгрия также ассигновали болгарскому правительству кредит в 200 млн левов¹⁴.

Военная конвенция была заключена в Плесе полковником Ганчевым. Это было тайное соглашение с конкретизацией обязательств сторон в военном отношении: Болгария обязалась не позднее 15 дней со дня заключения договора мобилизовать не менее 4 дивизий, с тем чтобы на тридцать пятый день они были сосредоточены на сербской границе и готовы к наступлению.

¹² Там же. С. 80.

¹³ Министр иностранных дел послу в Риме Гирсу // Международные отношения в эпоху империализма: Сб. документов. М., 1935. Серия 3. Т. 8. Ч. 1. С. 112.

¹⁴ *Сакаров Н.* Българските държавии финанси. София, 1918. С. 31.

Болгария обязалась мобилизовать еще одну дивизию, которая захватила бы Македонию, а также могла запросить у Османской империи помощь и имела возможность получить турецкие силы под свое командование [Станев 1925, с. 251].

За три дня до этого соглашения, 21 августа 1915 г., был заключен тайный договор с Турцией, согласно которому последняя уступала Болгарии территорию во Фракии, отодвигая границу на восток от левого берега Марицы и параллельно до Эгейского моря. Эту территорию Болгария должна получить после того, как она проведет мобилизацию и объявит войну Сербии и откроет для Турции торговый путь Константинополь–Вена. Кроме того, Болгария обязалась предоставлять Турции хлеб и уголь¹⁵.

Если страны Антанты не смогли добиться каких-либо немедленных уступок со стороны Сербии, то дипломатия Германии смогла сделать почти невозможное. Она не только примирила Болгарию с ее многовековым угнетателем – Османской империей, но и заставила турок пойти на территориальные уступки Болгарии. При этом настроение в самой Турции по отношению к уступкам Болгарии было негативным, разъяренные турки даже убили немецкого полковника генерального штаба Лейпцига, не желая заключать секретный договор с Болгарией [Коленковский 1938, с. 113].

Антанта, не осведомленная об этих соглашениях, не прекратила попыток перетянуть Болгарию на свою сторону. 21 сентября 1915 г. Франция вручила болгарскому правительству ноту, в которой указывалось, что мобилизация в Болгарии является враждебным актом, направленным против Сербии, и что вся ответственность за разжигание войны на Балканах падет на Болгарию. Франция требовала прекращения мобилизации и «немедленного увольнения германских офицеров из болгарской армии»¹⁶. Аналогичную по содержанию ноту вручила болгарскому правительству и Англия 4 октября 1915 г.¹⁷ В тот же день российский императорский уполномоченный министр А.А. Савинский предъявил болгарскому правительству ноту, в которой он обвинил правительство Фердинанда в том, что оно «окончательно отдает судьбу Болгарии в руки Германии», и что действия Болгарии направлены против Сербии, а следовательно, и России. Если «через 24 часа болгарское правительство не порвет открыто с врагами России или не будут приняты меры к немедленному устранению из болгарской армии

¹⁵ Радославов В. Болгария в Световната криза. С. 123.

¹⁶ Посол в Париже министру иностранных дел // Международные отношения в эпоху империализма... Т. 8. Ч. 1. С. 431.

¹⁷ Радославов В. Болгария в Световната криза. С. 126.

немецких офицеров, то дипломатические отношения с Болгарией будут прерваны»¹⁸.

Помимо дипломатического давления Страны Антанты широко применяли и подкуп. Русские дипломаты тайно встречались с шефом правительственной партии стамболистов, или народно-либеральной партии, Н. Генадиевым. Благодаря встречам с русским послом Гирсом, поездке в Рим зимой 1915 г., тайной поездке из Рима в Париж в конце февраля 1915 г. и встрече с министром иностранных дел Франции Делькассе, Генадиев вернулся из Парижа русофилом, поскольку во Франции он получил огромную взятку в виде двух миллионов франков [Петков 1925, с. 58]. По предложению Сазонова, совет министров России решил скупить в Болгарии урожай хлеба. На эту операцию выделили 50 миллионов франков. Большая часть денег была потрачена на подкуп болгарских чиновников. Во главе аферы стоял Н. Генадиев, который по вольной цене продавал продовольствие Болгарии странам Антанты, но в результате огласки был арестован и посажен в тюрьму [Петков 1925, с. 61].

Несмотря на все усилия Антанты, Болгария объявила войну Сербии 1 октября 1915 г. После этого была попытка со стороны России организовать государственный переворот в Болгарии, который не удался. Об этом свидетельствует «Памятная записка» директора дипломатической канцелярии Н.А. Базели, доложенная Сазонову 8 апреля 1916 г.¹⁹

1 октября 1915 г. болгарский царь Фердинанд издал манифест, в котором говорилось, что подходящий момент для вступления Болгарии в войну настал, поскольку «победоносные армии центральных сил находятся в Сербии и быстро наступают». Он призвал болгарский народ к «защите родного края, поруганного вероломным соседом, и к освобождению поработенных наших братьев от сербского ига» [Станев 1925, с. 271]. Примечательно, что царь Фердинанд объявил войну Сербии только после того, как германо-австрийские войска заняли Белград, а сербская армия, сосредоточившая большую часть сил на границе, опасаясь нападения Болгарии, стала перебрасывать свои войска для остановки немецкого наступления. С точки зрения Болгарии это был хитрый ход: болгарская армия сражалась с меньшим количеством противников.

¹⁸ Там же. С. 127.

¹⁹ Памятная записка исполняющего обязанности директора дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего Н.А. Базели // Константинополь и проливы: Сб. документов. Ч. 1. М., 1926. С. 215, 219.

Зажатая с двух сторон Сербия капитулировала. Снабжение через Константинополь было открыто. Турецкий гарнизон получил не только немецкие, но и трофейные английские орудия, захваченные у сербов. После захвата Сербии неудача Дарданелльской операции была очевидна для союзников: им пришлось эвакуировать свои силы из-под Константинополя, что дало возможность туркам перебросить войска в Месопотамию и пленить англичан в Эль-куте [Больных 2014, с. 139].

Заключение

Вступление Болгарии в октябре 1915 г. в Первую мировую войну на стороне Центральных держав было обусловлено рядом факторов.

В первую очередь это попытка взять реванш у Сербии за поражение во Второй Балканской войне. Стремление нанести максимальный урон противнику проявилось в том, что болгарская армия нанесла удар по сербским позициям лишь после того, как германо-австрийские войска взяли Белград, и сербы были вынуждены стягивать свои силы для остановки продвижения вражеских войска. Другим фактором были поражения России в Галиции и неудачи войска Антанты в Дарданеллах, которые продемонстрировали Болгарии слабость своих потенциальных союзников: помня о тяжелых потерях в Чаталджинском сражении, Болгария не спешила присоединиться к Антанте.

Решающую роль в вопросе выбора стороны сыграл константинопольский фактор. Именно угроза падения Константинополя из-за нехватки боеприпасов вынудила Турцию пойти на уступки Болгарии, на которые даже под давлением Англии и России не захотела идти Сербия. Немецкая дипломатия смогла примирить обе враждующие стороны. Болгарии союз с Центральными державами мог дать огромные территориальные приобретения, в то время как Антанта могла гарантировать болгарам лишь небольшие территории европейской части Османской империи и часть Македонии.

Литература

- Больных 2014 – *Больных А.Г.* Дарданеллы 1915: самое кровавое поражение Черчилля. М.: Яуза, 2014. 159 с.
- Виноградов 2002 – За балканскими фронтами Первой мировой войны / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Индрик, 2002. 518 с.

- Въчков 2005 – *Въчков А.* Балканската война: 1912–1913. София: Анжела, 2005. 160 с.
- Гусев 2020 – *Гусев Н.С.* Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М.: Индрик, 2020. 520 с.
- Кабакчиев, Караколов 1941 – *Кабакчиев Х., Караколов Р.* Болгария в Первой мировой империалистической войне // Историк-марксист. 1941. Кн. 1 (89). С. 58–72.
- Каплан 2017 – *Каплан Р.* Балканские призраки: Пронзительное путешествие сквозь историю. М.: КоЛибри, 2017. 367 с.
- Коленковский 1938 – *Коленковский А.К.* Дарданелльская операция. М.: Государственное военное изд-во Наркомата обороны Союза ССР, 1938. 135 с.
- Петков 1925 – *Петков Д.* Виновнице за погрома на България. София: Печатница С.М. Стайков, 1925. 467 с.
- Станев 1925 – *Станев Н.* Найнова история на България. София: Печатница С.М. Стайков, 1925. 664 с.
- Шкундин 2007 – *Шкундин Г.Д.* Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 – март 1916 г.). София: М. Дринов, 2007. 182 с.
- Becker 2012 – *Becker J.-J.* War aims and neutrality. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2012. 356 p.
- Wolfgang-uwe 1976 – *Wolfgang-uwe F.* Bulgarian-Turkish relations in the summer of 1915 // VIII. Türk Tarih Kongresi, 11–15 Ekim 1976, Ankara, 1976. Vol. 2. P. 1435–1449.

References

- Becker, J.-J. (2012), *War aims and neutrality*, Wiley-Blackwell, Hoboken, USA.
- Bol'nykh, A.G. (2014), *Dardanelly 1915: samoe krovavoe porazhenie Cherkillya* [Dardanelles 1915. Churchill's bloodiest defeat], Yauza, Moscow, Russia.
- Gusev, N.S. (2020), *Bolgariya, Serbiya i russkoe obshchestvo vo vremya Balkanskikh voin 1912–1913 gg.* [Bulgaria, Serbia and Russian society during the Balkan wars of 1912–1913], Indrik, Moscow, Russia.
- Kabakchiev, H. and Karakolov, R. (1941), “Bulgaria in the First World Imperialist War”, *Istoriik-marksist*, Moscow, USSR, vol. 89, book 1, pp. 58–72.
- Kaplan, R. (2017), *Balkanskie prizraki: Pronzitel'noe puteshestvie skvoz' istoriyu* [Balkan ghosts. A poignant journey through history], KoLibri, Moscow, Russia.
- Kolenkovskii, A.K. (1938), *Dardanell'skaya operatsiya* [The Dardanelles campaign], Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo Narkomata oborony Soyuzo SSR, Moscow, USSR.
- Petkov, D. (1925), *Vinovnitsie za pogroma na Bolgariya* [Blamed for the pogrom in Bulgaria], Pechatnitsa S.M. Staikov, Sofia, Bulgaria.

- Shkundin, G.D. (2007), *Razdelyai i vlastvui! Vopros o separatnom mire s Bolgariiei v politike derzhav Antanty (oktyabr' 1915 – mart 1916 g.)* [Divide and conquer! Question of a separate peace with Bulgaria in the politics of the Entente states (October 1915 – March 1916)], M. Drinov, Sofia, Bulgaria.
- Stanev, N. (1925), *Nainova istoriya na B'lgariya* [New history of Bulgaria], Pechatnitsa S.M. Staikov, Sofia, Bulgaria.
- V"chkov, A. (2005), *Balkanskata voina: 1912–1913* [The Balkan War 1912–1913], Anzhela, Sofia, Bulgaria.
- Vinogradov, V.N., ed. (2002), *Za balkanskimi frontami Pervoi mirovoi voiny* [About the Balkan fronts of the First World War], Indrik, Moscow, Russia.
- Wolfgang-uwe, F. (1976), “Bulgarian-Turkish relations in the summer of 1915”, in *VIII. Türk Tarih Kongresi, 11–15 Ekim 1976, Ankara, 1976*, vol. 2, pp. 1435–1449.

Информация об авторе

Дмитрий К. Макаров, аспирант, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия; 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; dmakarov3107@gmail.com
ORCID ID: 0009-0002-5429-0296

Information about the author

Dmitrii K. Makarov, postgraduate student, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; 19, Mira St., Ekaterinburg, Russia, 620002; dmakarov3107@gmail.com
ORCID ID: 0009-0002-5429-0296

Взаимодействие в сфере культуры
как аспект гуманитарного сотрудничества
Казахстана и России в 2000–2020 гг.

Мария В. Петрищева
*Оренбургский государственный университет, Оренбург,
Россия, mariyapetrischeva@bk.ru*

Аннотация. В статье раскрывается тема сотрудничества Казахстана и России в сфере культуры. На примере взаимодействия двух стран выделены основные сферы государственного диалога, к которым относятся Форумы приграничного сотрудничества РФ и РК, Дни культуры двух стран, события посвященные общему культурному и историческому наследию, совместная работа государственных учреждений культуры, а также сотрудничество в рамках общественных национальных организаций. Осуществляется анализ тенденции совместной работы в заданный период первого десятилетия XXI в., к которому относится анализ нормативно-правовой базы сотрудничества в исследуемой сфере. Отмечается тенденция к плодотворному взаимодействию с обеих сторон, что подтверждают культурные мероприятия, которые проходили ежегодно или же с периодичностью, но на постоянной основе. Особое место отводится приграничной кооперации двух стран, на фоне которой выстраивалась работа. Созданию крепких межгосударственных связей на границе способствовала организация Форумов приграничного сотрудничества. С учетом самого протяженного оренбургского участка границы успешно развивается культурное сотрудничество между Оренбургской областью и Западно-Казахстанской, Актыубинской и Кустанайской областями. Сотрудничество с Казахстаном в крупных масштабах осуществляли также Астраханская, Саратовская, Волгоградская и Омская области.

Ключевые слова: Российская Федерация, Республика Казахстан, гуманитарное сотрудничество, приграничное сотрудничество, культура, фестивали, форумы, мероприятия, встречи, учреждения культуры, библиотеки

Для цитирования: Петрищева М.В. Взаимодействие в сфере культуры как аспект гуманитарного сотрудничества Казахстана и России в 2000–2020 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 1. С. 57–76. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-57-76

Interaction in the field of culture
as an aspect of humanitarian cooperation between
Kazakhstan and Russia in 2000–2020

Maria V. Petrishcheva
Orenburg State University, Orenburg, Russia,
mariyapetrishcheva@bk.ru

Abstract. The article examines some tendencies of cooperation between Kazakhstan and Russia. The examples of interaction between the two countries help to highlight the main aspects of state dialogue including the Forums of Cross-Border Cooperation of the Russian Federation and Kazakhstan, Days of Culture of the two countries, events dedicated to the common cultural and historical heritage, joint activities of state cultural institutions, and cooperation between public national organizations. Besides, the author examines some trends of joint activities of Russia and Kazakhstan during the first twenty years of the 21st century analyzing the regulatory framework for cooperation in the sphere under study. The analysis shows a tendency towards fruitful interaction on both sides which is confirmed by cultural events that were held annually or periodically, but on a permanent basis. The author pays special attention to the cross-border cooperation between the two countries arguing that Cross-Border Cooperation Forums contributed largely to establishing strong interstate bonds on the border. Taking into account the longest Orenburg section of the border, cultural bonds between the Orenburg region and the West Kazakhstan, Aktobe and Kostanay regions are actively developing cooperation. Astrakhan, Saratov, Volgograd and Omsk regions also cooperated with Kazakhstan on a large scale.

Keywords: Russian Federation, Republic of Kazakhstan, humanitarian cooperation, cross-border cooperation, culture, festivals, forums, events, meetings, cultural institutions, libraries

For citation: Petrishcheva, M.V. (2025), “Interaction in the field of culture as an aspect of humanitarian cooperation between Kazakhstan and Russia in 2000–2020”, *RSUH/RGGU Bulletin. Series “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 57–76, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-57-76

Введение

Сотрудничество в сфере культуры – это одно из самых разноплановых направлений для России и Казахстана. Формирование нормативно-правовой базы начинается в 1991 г. С 2000-х гг.

между двумя странами складывается тесное сотрудничество в этой области. Выбор нижней границы исследования обоснован тем, что с 2000 г. начинается активное взаимодействие в сфере культуры на базе разработанных основополагающих документов двух стран.

В нынешних условиях обострения международной обстановки и наложения санкций на РФ, сотрудничество с РК приобретает особую актуальность. Развитие культурного сотрудничества – важный аспект взаимодействия стран. В частности учреждения культуры являются проводниками «мягкой силы» или же средствами общественной дипломатии. Культурное сотрудничество выступает фактором укрепления дружбы двух стран, имеющих полиэтничный состав.

Новизна работы определяется целенаправленным анализом аспектов сотрудничества в сфере культуры Казахстана и России – мультикультурных сообществ. Таких работ в историографии исследуемой темы встречается немного.

Регулирование отношений в данном направлении определяется нормативно-правовой базой, которая отражена в Соглашении о сотрудничестве в области культуры, науки и образования от 28 марта 1994 г.¹, затрагивающем практически все сферы гуманитарного сотрудничества, и Декларацией о вечной дружбе и союзничестве, ориентированном в XXI столетие от 6 июля 1998 г., цель которой – способствовать развитию культуры, сохранению наследия и взаимодействию в гуманитарной сфере с двух сторон.

Приграничное сотрудничество Казахстана с российскими областями остается наиболее плодотворным и перспективным направлением. В первое десятилетие XXI в. были подписаны различные договоры для укрепления и регулирования отношений. В сентябре 2010 г. ратифицировано соглашение между Правительством РФ и Правительством РК о межрегиональном и приграничном сотрудничестве². Данный документ в своей основе представлен До-

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области культуры, науки и образования // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901730135> (дата обращения 4 апреля 2024).

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о межрегиональном и приграничном сотрудничестве // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902240036/titles/64U0IK> (дата обращения 4 апреля 2024).

говором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 1992 г.³ и Декларацией между РФ и РК о вечной дружбе и союзничестве, ориентированном в XXI столетие, подписанной в 1998 г.⁴ Кроме этого, документ 2010 г. опирается на конвенцию о приграничном сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств от 10 октября 2008 г.⁵

В 2003 г. между администрацией Оренбургской области РФ и акиматом Западно-Казахстанской области РК было подписано соглашение о приграничном торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве⁶. Затем в мае 2012 г. подписано аналогичное соглашение, по которому сотрудничество продолжалось⁷.

В Саратовской области в 2003 г. был принят закон о сотрудничестве с акиматом Западно-Казахстанской области⁸. В том же году между администрацией Астраханской области и Акиматом

³ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Казахстан (с изменениями на 7 июня 2012 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901764295?marker> (дата обращения 4 апреля 2024).

⁴ Декларация между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о вечной дружбе и союзничестве, ориентированном в XXI столетие // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901737420?marker> (дата обращения 4 апреля 2024).

⁵ Конвенция о приграничном сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902196976?marker> (дата обращения 4 апреля 2024).

⁶ Соглашение от 4 октября 2003 г. между администрацией Оренбургской области РФ и акиматом Западно-Казахстанской области РК о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499206648> (дата обращения 4 апреля 2024).

⁷ Соглашение от 28 мая 2012 года между правительством Оренбургской области РФ и акиматом Западно-Казахстанской области РК о приграничном торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499206708> (дата обращения 4 апреля 2024).

⁸ Закон Саратовской области об утверждении Соглашения между правительством Саратовской области Российской Федерации и акиматом Западно-Казахстанской области Республики Казахстан о торгово-эконо

Западно-Казахстанской области было заключено соглашение по нескольким пунктам, в том числе о культурном сотрудничестве. В этот же год подписано подобное соглашение с Акиматом Атырауской области [Королёв 2015, с. 53]. По истечении срока договоров были подписаны новые: в 2008 г. с Западно-Казахстанской областью⁹ и в 2013 г. с Атырауской областью¹⁰.

В сентябре 2012 г. Акимат Западно-Казахстанской области и Администрация Волгоградской области подписали протокол мероприятий на 2012–2015 гг., в рамках которых решаются вопросы о научно-техническом и культурном сотрудничестве РК и РФ [Королёв 2015, с. 66].

Таким образом, нарабатанная в постсоветские годы нормативно-правовая база международного сотрудничества является основой для взаимодействия двух государств. Обозначим также и верхнюю границу исследования. В связи с тем, что в статье осуществляется попытка провести анализ исторического опыта сотрудничества Казахстана и России, в качестве верхней границы исследования выбран именно 2020 год. Данный период практически для всего мира стал событием, в корне изменившим подход к сотрудничеству, т. е. исследуется доковидный период.

В сфере культуры сотрудничество развивается по разным направлениям. Например, ведется работа по линии искусства – театрального, художественного, вокального, музыкального, инструментального и изобразительного. Налажено сотрудничество учреждений культуры в двух государствах, в частности музеев, выставочных залов, театров и библиотек. Каждая из сфер

мическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/933005269?marker> (дата обращения 4 апреля 2024).

⁹ Соглашение между правительством Астраханской области Российской Федерации и акиматом Западно-Казахстанской области Республики Казахстан о приграничном торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/460120999> (дата обращения 7 июня 2024).

¹⁰ Соглашение между правительством Астраханской области Российской Федерации и акиматом Атырауской области Республики Казахстан о приграничном торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/460232062> (дата обращения 7 июня 2024).

может быть представлена международными фестивалями, симпозиумами и встречами. Формат сотрудничества государственных учреждений – более официальный, отрегулированный правовыми документами. Однако совместная работа может осуществляться и между отдельными художниками или актерами двух стран, как на официальных площадках, так и на неформальном уровне.

К межгосударственному сотрудничеству в сфере культурного наследия можно отнести археологические раскопки, взаимную работу в архивах и экспедиционные поездки. Такая работа позволяет собрать больше материала по исследованию национально-культурных особенностей, что особенно актуально для Казахстана, который после приобретения независимости в 1991 г. активно работает в направлении поиска фундаментальных основ идентичности. В Казахстане пытаются уйти от восприятия сферы культуры исключительно как духовной составляющей народа. В существующей концепции социально-экономического развития культура обозначена как одна из главных сфер развития общества. Данный постулат заложен в концепции развития культуры Республики Казахстан. Главной целью такого подхода является развитие культуры в рыночных отношениях, выражающееся в разработке специальных целевых программ, которые будут финансироваться государством. Это пример того, что сферу культуры полноценно интегрируют в экономическое развитие государства [Смирнов 2016, с. 35].

Следует отметить, что отдельного комплексного изучения сотрудничества в сфере культуры между двумя странами не проводилось, однако как в Казахстане, так и в России, есть фундаментальные исследования по межгосударственному сотрудничеству. К подобного рода трудам можно отнести сборник статей авторов из Казахстана и России под редакцией Д.Е. Фурмана [Казахстан и Россия 2004]. Ценность данной работы в том, что в ней представлены исследования американских, европейских и японских исследователей по теме взаимодействия России и Казахстана. Однако тема культурного сотрудничества там не поднимается. В частности, это обусловлено тем, что сборник собран по материалам статей первого десятилетия сотрудничества, а, как было обозначено выше, в это время только шло формирование основ гуманитарного сотрудничества двух независимых государств.

В Казахстане мало ученых, которые занимались бы исследованиями сотрудничества с Россией в сфере гуманитарных отношений в указанный период, однако период 1990-х гг. ознаменован рядом диссертационных исследований о культурных связях [Алданов 2001], международных связях [Турсунбаев 2002], а также внешней политике непосредственно с Россией [Курамысов 2004].

Довольно обширно тему гуманитарного сотрудничества и относящиеся к нему межкультурные связи рассматривает К.Е. Мещеряков в своей работе 2024 г. «Российско-казахстанские отношения в посткрымский период: фаза стабилизации» [Мещеряков 2024] и чуть более ранней работе «Фаза турбулентности» [Мещеряков 2023], где рассмотрен период с 2016 до 2019 г. и с 2014 до 2016 г. соответственно. Важным аспектом в двух статьях выступают гуманитарные связи. Коллективная работа «Публичная дипломатия республики Казахстан: основные особенности и перспективы» [Публичная дипломатия 2024] является теоретической базой выстраивания Казахстаном своего имиджа на международной арене. Важная часть исследования – это культурная политика.

Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне, совместные исследования – одно из направлений гуманитарного сотрудничества. Подробными исследованиями по данному направлению занимаются доктор исторических наук Г.М. Мендикулова [Мендикулова 2021] в Казахстане. Из числа российских исследователей можно выделить А.Ю. Безугольного [Безугольный 2020]. Подобные исследования, безусловно, составляют часть гуманитарного сотрудничества, но с уклоном в межнаучные связи.

Ряд ученых посвятили свои работы международному взаимодействию различных учреждений культуры – музеев, библиотек, культурно-досуговых учреждений и др. В некоторых исследованиях ракурс сотрудничества в гуманитарной сфере смещается в сторону этнополитического и этнокультурного диалога государств и анализируется исключительно в разрезе взаимодействия национальных организаций: национально-культурных автономий и этнических групп. В таких исследованиях главным фактором взаимодействия являются этносы [Есеева 2016, с. 53; Крутько 2022, с. 167–169; Королёв 2015, с. 53].

«Дни культуры» как формат сотрудничества РК и РФ

Одной из эффективных форм партнерства стало проведение дней культуры двух стран. Торжественное открытие Дней культуры Казахстана в России состоялось в 2002 г. в Санкт-Петербурге¹¹.

¹¹ О Днях культуры Республики Казахстан в Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Электронный источник. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/kz/1682839/> (дата обращения 3 июня 2024).

В программе мероприятий было обозначено знакомство россиян с выдающимися достижениями культуры и историей Республики Казахстан. Дни культуры были наполнены обширной концертной программой и театральными представлениями¹².

Помимо музыкальных торжеств проводились выставки, одна из которых, посвященная творчеству современных казахстанских художников, состоялась в выставочном центре Санкт-Петербургского Союза художников. На выставке были представлены как работы художников Казахстана конца 1980–1990 гг. и выдающиеся произведения мастеров республики, так и работы молодых художников¹³. Ярким событием стала прошедшая в Апполоновом зале Государственного Эрмитажа выставка «Золотой воин. Сокровища сакских курганов»¹⁴.

Можно отметить, что прошедшие события были не только и не столько посвящены культуре Казахстана, сколько показывали связь с Россией. Многие экспонаты отражали общее историческое прошлое Евразийского региона. Это можно заметить не только из археологии, но и из изобразительного искусства, которое отчасти было представлено советскими художниками. В национальной библиотеке России проходила выставка из Национальной библиотеки Казахстана, часть книг которой была сохранена благодаря Российскому государству¹⁵.

Другой пример – Дни культуры России в Казахстане, прошедшие в 2003 г.¹⁶ Помимо обмена официальными делегациями

¹² История театра // Казахский национальный театр оперы и балета. URL: <https://www.gatob.kz/o-teatre/istoriya-teatra/> (дата обращения 3 июня 2024).

¹³ В Санкт-Петербурге открылась выставка произведений художников Казахстана // Медиа портал «Караван». URL: <https://www.caravan.kz/news/v-sanktpeterburge-otkrylas-vystavka-proizvedenijj-khudozhnikov-kazakhstan-174442/> (дата обращения 3 июня 2024).

¹⁴ В Эрмитаже откроется выставка «Золотой воин. Сокровища сакских курганов» // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20020528/156325.html> (дата обращения 5 июня 2024).

¹⁵ О Днях культуры Республики Казахстан в Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/kz/1682839/> (дата обращения 3 июня 2024).

¹⁶ О проведении Года России в Казахстане: Распоряжение Президента Республики Казахстан № 433 от 22 декабря 2003 г. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/N030000433_ (дата обращения 3 июня 2024).

и встреч представителей партии «Единая Россия» и партии «Отан» Казахстана, состоялись мероприятия в гуманитарной сфере. Проходил День российских СМИ, встреча политиков и политологов двух стран, День культуры Москвы и празднование Дня России. В Алматы велась подготовка к молодежному фестивалю двух стран. Были запланированы встречи сборных команд по летним видам спорта и концерты звезд российской эстрады. В столице Казахстана открылась российская национальная экспозиция и крупный российско-казахстанский форум предпринимателей. Планировалось укреплять контакты с казахстанской стороной по линии российских экономических министерств и Торгово-промышленной палаты РФ¹⁷.

Особое место в реализации мероприятий было отведено приграничному сотрудничеству. Однако участие в Днях культуры России принимали не казахстанские области, а российские приграничные регионы¹⁸.

Подобные Дни культуры двух стран и взаимный обмен лучшими творческими коллективами положительно влияют на имидж государств, на восприятие населением двух стран друг друга как дружественных соседей, а знакомство с национальной культурой увеличивает уровень толерантности и принятия. Приграничные территории в этих процессах играют важную роль.

К результативным межгосударственным событиям относится 2006 г., который был объявлен годом А.С. Пушкина в Казахстане и А. Кунанбаева в России. О начале праздника было объявлено в апреле 2006 г., когда в Москву с официальным визитом приехал Н.А. Назарбаев. В рамках литературных мероприятий на Чистопрудном бульваре, у здания посольства Казахстана в России, был открыт памятник известному казахскому мыслителю Абаю Кунанбаеву. В ответ в городе Астане был открыт памятник А.С. Пушкину, и кроме этого, несколько улиц и учреждений культуры в разных городах Казахстана были названы его именем [Смирнов 2016, с. 34].

В течение всего 2006 г. проводились мероприятия, посвященные творчеству двух поэтов, а ближе к концу года был установлен памятник А.С. Пушкину и А. Кунанбаеву в городе Петропавловске [Историко-культурное наследие 2021, с. 25–26].

¹⁷ Интервью официального представителя МИД России А.В. Яковенко агентству «Интерфакс» в связи с проведением Года России в Казахстане // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1715376/ (дата обращения 5 июня 2024).

¹⁸ О проведении Года России в Казахстане...

Соглашения между правительством Москвы и акиматом Астаны позволили осуществить обмен творческими коллективами. С целью представления современной казахстанской поэзии и прозы москвичам и творчества московских писателей – казахстанцам, в октябре 2006 г. в Астане побывали известные российские литераторы [Смирнов 2016, с. 34–35].

В сентябре 2019 г. проходили Дни казахской культуры в России и Дни духовной культуры России в Казахстане. Эти мероприятия были связаны с целой вереницей торжеств. Во-первых, в начале сентября праздновался день города Москвы; во-вторых, с рабочим визитом прибыл первый президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев; и в-третьих, был открыт обновленный павильон на ВДНХ, посвященный Казахстану. Сами мероприятия, как и в 2002 г., были преимущественно музыкальными и театральными. Из крупных можно отметить выступление солистов театра «Астана балет» и фортепианный концерт в малом зале консерватории им. Петра Чайковского.

В отличие от мероприятий в Дни культуры в 2003 и 2004 гг., в 2019 г. прошло множество кинопоказов. У Казахстана и России общая история кино. По высказыванию одного из режиссеров, «казахский кинематограф родился в чреве советского кинематографа. “Мосфильм” и “Ленфильм” в эвакуации во время войны располагались в Алматы. У нас снимался киношедевр “Иван Грозный”. Классики русского кино жили у нас, и это не могло не сказаться на формировании казахского национального кинематографа»¹⁹. 2019 год был отмечен показом большого числа кинофильмов – на площадке Третьяковской галереи транслировали фильмы «Казахское ханство. Золотой трон» и «Амре».

Акцент Дней культуры, прошедших в Казахстане, был сделан именно на духовную культуру России, преимущественно на религиозную составляющую. Как отметил в своем послании Министр культуры Российской Федерации В. Мединский, «жители Казахстана смогут не только больше узнать об удивительных людях, подвижниках христианской веры в России, но и получат уникальную возможность заглянуть в духовные истоки российской культуры»²⁰.

¹⁹ В России стартуют Дни культуры Казахстана // Генеральное консульство Республики Казахстан в Казани. URL: <https://kzkazan.ru/ru/v-rossii-startujut-dni-kultury-kazahstana/> (дата обращения 5 июня 2024).

²⁰ В Казахстане проходят Дни духовной культуры России // Министрство Культуры Российской Федерации. URL: https://culture.gov.ru/press/news/v_kazahstane_prokhodyat_dni_dukhovnoy_kultury_rossii/ (дата обращения 3 июня 2024).

Дни духовной культуры России проходили в центральных городах Казахстана – в Нур-Султане, Караганде и Алматы. После торжественной части открытия была представлена литературно-музыкальная композиция по книге митрополита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые» в исполнении хора Сретенского монастыря и Государственного Академического ансамбля народных инструментов им. Л.И. Зыкиной «Россия». Кроме этого, состоялись показы кино, например, в Духовно-культурном административном центре Алматы – показ документального фильма митрополита Илариона «Путь пастыря»²¹. В течение этих дней в Алматы состоялась научно-практическая конференция, посвященная вопросам религиоведения.

Последние десятилетия XX в. были ознаменованы двусторонним сотрудничеством в сфере культуры. Основываясь на нормативно-правовой базе, заложенной преимущественно в 1990-е гг., два государства осуществили попытку популяризовать свою культуру. Неудивительно, что, пользуясь инструментарием «мягкой силы», государства заложили фундамент, который позволял оставаться двум странам выгодными экономическими и стратегическими партнерами. Однако если сотрудничество в формате масштабных «Дней культуры» того или иного государства не такое частое явление, то разнообразные фестивали приграничного сотрудничества проходят чаще, и более того, взаимодействия приходится преимущественно на приграничные территории.

Приграничье и Форумы приграничного сотрудничества

У Российской Федерации и Республики Казахстан самая протяженная граница – она составляет 7591 км. В рамках взаимодействия ежегодно реализуют Форумы приграничного сотрудничества, которые проходят в городах двух стран, чаще всего находящихся в непосредственной близости к границе.

Первый форум прошел в Омске в 2003 г. Форум, проходящий в 2006 г. в Уральске, ознаменовал собой план по созданию центра приграничного сотрудничества. Был открыт музей А.С. Пушкина в Уральске. Великий русский поэт и писатель XIX в. прожил в казахстанском городе Уральске всего три дня в 1833 г., в это время он активно собирал информацию о восстании Емельяна Пугачева²².

²¹ Там же.

²² Музей А.С. Пушкина // Visit Uralsk Kazakhstan. URL: <https://visit-uralsk.kz/ru/muzei/110-muzej-a-s-pushkina> (дата обращения 5 июня 2024).

В 2006 г. был также открыт музей российского писателя татарского происхождения Габдуллы Тукая²³.

Но все-таки наиболее плодотворным в решении вопросов культуры являлся форум 2009 г., прошедший в Оренбурге. В городе функционирует 13 национально-культурных объединений, здесь регулярно проходили Дни казахской культуры, празднование разнообразных национальных праздников и организация фестивалей [Историко-культурное наследие 2021, с. 26–27].

Символично, что именно с 2004 г. стал функционировать фестиваль приграничных территорий Казахстана и России в Омске, названный по строчке из стихотворения Абая Кунанбаева «Да будет дружба искренней и честной», так как именно 2004 г. был объявлен годом Российской Федерации в Республике Казахстан [Историко-культурное наследие 2021, с. 21]. Основная идея фестиваля заключалась в развитии межкультурной коммуникации, развитии концепции толерантности, дружбы, любви и согласия между народами. Особенностью фестиваля было то, что помимо самого города Омска он проходил в районных центрах, непосредственно находящихся на границе с Казахстаном. В первый год это было село Генераловка Одесского района Омской области, в дальнейшем фестиваль был организован в селе Маргенау Исилькульского района в 2006 г., в 2008 г. – в Нововаршавском районе, в 2013 г. – в Полтавском районе. Подобная организация в селах области положительно сказывалась на популяризации данного мероприятия, так как основная масса этнического населения проживает непосредственно у границы.

Сопредельные регионы Казахстана в течение многих лет сотрудничают с Акбулакским районом Оренбургской области. Весной 2017 г. между Администрацией муниципального образования Акбулакский район Оренбургской области РФ и Акиматом Мартукского района Актюбинской области РК было подписано соглашение по целому ряду вопросов, в том числе культурных и гуманитарных. Подписание завершилось торжественным празднованием мусульманского праздника «Наурыз». В рамках проведения Дней Оренбургской области в Актобе в мероприятии приняла участие делегация от Акбулакского района. Благодаря подписанному соглашению территориальные единицы двух стран обменивались

²³ Музей Габдуллы Тукая (Уральск) // Википедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D1%83%D0%B7%D0%B5%D0%B9_%D0%93%D0%B0%D0%B1%D0%B4%D1%83%D0%BB%D0%BB%D1%8B_%D0%A2%D1%83%D0%BA%D0%B0%D1%8F_\(%D0%A3%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D1%83%D0%B7%D0%B5%D0%B9_%D0%93%D0%B0%D0%B1%D0%B4%D1%83%D0%BB%D0%BB%D1%8B_%D0%A2%D1%83%D0%BA%D0%B0%D1%8F_(%D0%A3%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA)) (дата обращения 5 июня 2024).

творческими коллективами. Отметим участие вокальной группы казахской песни «Самал» из Акбулакского района в фестивале, который прошел в Актобе «Потанцем и споем, соседи?!» [Крутько 2022, с. 168].

С февраля 2006 г. в Омске и районных центрах действует Конкурс «Жас дарын – Молодые таланты» (на казахском языке) – конкурс популярных песен для участников в возрасте от 16 до 30 лет. Конкурс делится на две группы: «соло» и «ансамбль». Важным аспектом фестиваля является то, что исполнители должны петь современные популярные песни, а не народные. Один из последних таких фестивалей прошел в 2018 г. [Историко-культурное наследие 2021, с. 22–23].

В том же году в Омске был организован малый курултай казахов России, на котором обсуждались актуальные вопросы, связанные с сохранением языка и культуры, особенно в молодежной среде. Подчеркивалось, что именно молодые люди, представители казахского населения в России, очень плохо знают свой родной язык и довольно редко интересуются его изучением.

В Омске шла работа по сохранению и актуализации советского прошлого – общего для двух государств. Так, в 2013 г. была открыта выставка «Мосты дружбы», которая проходила в Государственном областном художественном музее «Либеров-центр». Выставка состояла из 75 произведений омского художника. Имя Александра Николаевича Либерова известно как в России, так и в Казахстане. Именно он в 1970–1980 гг. курировал Союз художников Казахстана, кроме того, был в нескольких крупных творческих поездках в Казахскую республику, где помогал молодым художникам, а также создавал художественные произведения, основываясь на местные виды и впечатления о них.

В 2019 г. Президент Казахстана Н.А. Назарбаев совместно с Президентом России В.В. Путиным посетили «Эрмитаж-Сибирь», и в том же году у здания консульства установили памятник работнику культуры РСФСР и действительному академику Академии художеств РК Амангельды Шакенову [Историко-культурное наследие 2021, с. 25]. В Омске, как в важном центре культурного развития казахского народа приграничья всего сибирского региона, была сформирована маршрутная карта по достопримечательностям. Данный маршрут был разработан специально для путешественников из Казахстана или из других регионов, которые хотели бы ознакомиться с наиболее значимыми местами, связанными с историей казахов.

Накануне распада СССР в Омске был создан Казахский культурный центр «Мөлдир». В состав центра входили несколько

танцевальных коллективов разных поколений, казахская танцевальная профессиональная студия и кружок «Казахский язык и культура». С 2011 г. центром проводится казахский национальный праздник «Той-думан» («Веселый праздник»), связанный со знаковыми датами истории казахского народа и направленный на продвижение культуры и развитие казахских национальных видов спорта [Историко-культурное наследие 2021, с. 24].

Важную роль в укреплении и развитии гуманитарного сотрудничества играют библиотеки. Масштабное мероприятие в сфере библиотечного дела прошло в августе 2018 г. в Оренбурге. Для библиотек, находящихся в сопредельных регионах, общим является история становления, принцип организации библиотечного дела, и в целом евразийское пространство. На эти учреждения культуры возлагается работа по поддержанию гуманитарных связей, популяризации культурного разнообразия и воспитание толерантности в молодежной среде. Так, Евразийский библиотечный форум собрал специалистов двух стран на площадке Оренбургской областной универсальной библиотеке им. Н.К. Крупской. Отметим, что Казахстан имеет с этой библиотекой двусторонний договор и с 2004 г. участвует в проекте «Встреча на границе» [Амелин, Моргунов 2018, с. 10], задачей которого является создание информационного ресурса об исторических корнях и культурно-духовных связях народов двух стран.

В период 2010-х гг. популярными стали онлайн конференции, особенно это заметно в сфере библиотечного дела. В статье о Евразийском библиотечном форуме В.В. Амелин и К.А. Моргунов назвали библиотеки Западно-Казахстанской области, которые расширили географию сотрудничества от приграничных учреждений культуры до более отдаленных регионов, таких как Белгородская, Воронежская, Курская и Липецкая области [Амелин, Моргунов 2018, с. 12]. Помимо расширения географии, происходит и усиленная интеграция в уже существующие проекты. Так, казахстанские библиотеки участвовали в Оренбургских мероприятиях: «Дни казахской культуры», «Достык – Дружба» к 20-летию Ассамблеи народов Казахстана. В рамках проекта «Открытый взгляд» прошли беседы молодых читателей о творчестве земляков, международный онлайн-турнир «Мы знаем наш город». На осень 2018 г. была запланирована встреча «Здравствуй, Алматы! Салем, Оренбург!» с читателями Центральной городской библиотеки С.И. Бегалина в Алматы.

Библиотеки Актюбинской области сочетают форматы офлайн и онлайн мероприятий. В качестве примера можно сказать об онлайн конференциях и веб-семинарах, проходящих в Татарстане, Улья-

новской и Оренбургской областях, встречах литераторов из Актобе и Ульяновска в рамках мероприятий «Литература без границ» и акций «Читаем Тургенева», «Читаем Солженицына», «Читаем детям о войне», конкурсах «Шаг вперед», «Живой Пушкин» с поездкой победителей в село Болдино [Амелин, Моргунов 2018, с. 12]. В 2019 г. Актыбинская областная детская библиотека им. Н. Байганина организовала Международную онлайн-конференцию «Пока живут стихи, живут поэты...», а Акбулакская детская библиотека приняла участие в событии. Основная цель мероприятия – укрепление культурного сотрудничества между двумя странами [Крутько 2022, с. 169].

Костанайская область активно сотрудничает по линии литературы и библиотек с российскими регионами. Например, город Костанай участвует в акции, функционирующей еще с 2004 г. «Встречи на границе», в рамках которой происходит электронная доставка документов для педагогов, аспирантов и студентов-дипломников. Кроме этого, Костанайская область, как и Актыбинская, принимает участие в акции «Живой Пушкин» с дальнейшей поездкой в Болдино. Костанай организывает онлайн-встречи литераторов и проводит совместные мероприятия с сопредельным Челябинском. С Оренбургом проходила акция в формате онлайн-видеоконференции «Мира не узнаешь, не зная своего края», направленная на изучение малой родины. Уникальный опыт костанайских специалистов библиотечной системы состоит в организации открытых микрофонов для молодежи с целью знакомства с национальными и религиозными традициями в формате диалога культур. Сотрудники библиотек ведут работу по подготовке летописи сел и книг памяти о земляках [Амелин, Моргунов 2018, с. 13].

Можно отметить, что на фоне падения читательского интереса как в России, так и в Казахстане, актуальным остается формирование различных мероприятий. Однако проведение конференций и встреч в онлайн формате имеет минусы. В частности то, что не происходит реального общения и взаимодействия, нет возможности посетить учреждения, сюда же можно отнести и частые проблемы со связью. Тем не менее, этот формат остается перспективнее в связи со сложностями транспортной логистики двух стран. Те мероприятия, которые удается провести на площадках библиотек вживую, укрепляют сотрудничество и способствуют обсуждению и решению проблем гуманитарного сотрудничества для обеих стран.

Наиболее перспективным направлением сотрудничества для библиотек является создание или объединение ресурсов, особенно в формате национальных, региональных и тематических электронных каталогов библиотек [Амелин, Моргунов 2018, с. 11].

Помимо библиотечного форума, в декабре 2019 г. в Оренбурге состоялось празднование 100-летия газеты «Егемен Қазақстан», которая впервые вышла в 1919 г. и стала «вестником своего времени, рассказывающим о чаяниях простого народа. А во главе редакционной политики всегда были национальные интересы». По этому поводу в Оренбургской областной многопрофильной библиотеке им. Н.К. Крупской, в которой и находилось первое издательство газеты, собралась делегация из Казахстана. В ее состав вошли журналисты газеты «Егемен Қазақстан» и других изданий, поэты и певцы²⁴.

Специально для совместных праздничных мероприятий в с. Алтынжар Астраханской области с июля 2003 г. началось строительство, а в 2005 г. состоялось торжественное открытие межгосударственного культурного комплекса имени Курмангазы Сагырбаева. Чуть позже Республика Казахстан преподнесла подарок Астрахани в честь ее 450-летия в виде бронзового памятника композитору. Великий кюйши Курмангазы – казахский композитор, жил и творил на территории Астраханской области. Композитор написал целый цикл произведений на русскую тематику, вдохновлялся напевами русских крестьян и переосмыслил их [Смирнов 2016, с. 35].

В Прикаспийском регионе, начиная с 2017 г. ежегодно проходит этнопраздник «Жайлау той» («Праздник перехода на летние пастбища») на площадке регионального культурного центра имени Курмангазы²⁵ и собирает порядка 3 тыс. человек.

В соседней Волгоградской области с 2017 г. проходит Фольклорно-этнографический фестиваль «Эльтон – золотое озеро», в котором участвуют музыкальные и танцевальные коллективы республики Казахстан и Волгоградской области²⁶.

²⁴ Столетие газеты «Егемен Қазақстан» отметили в Оренбурге // Посольство Республики Казахстан в Российской Федерации. URL: https://kazembassy.ru/rus/press_centр/novosti?cid=0&rid=3682 (дата обращения 3 июня 2024).

²⁵ В Астраханской области отметили казахский праздник «Жайлау той» // Россия. Телевидение и радио Астрахань. URL: <http://lotosgtrk.ru> (дата обращения 3 июня 2024).

²⁶ В Волгоградской области русские и казахи найдут золотое озеро Эльтона // V1.RU. URL: <https://v1.ru/text/culture/2019/08/22/66206644/> (дата обращения 3 июня 2024).

Заключение

Таким образом, сотрудничество между Казахстаном и Россией в сфере культуры в период 2000–2020 гг. активно развивалось. Этот период был ознаменован Днями культуры двух государств или даже Годом культуры, как 2003 и 2004 гг. Частично государственное сотрудничество в гуманитарной сфере происходило по линии общественных национальных организаций, особенно это характерно для приграничных регионов, где численность этнических групп традиционно высока. Однако нельзя не отметить тенденцию, по которой акцент взаимодействия смещен в сторону выстраивания сотрудничества на межгосударственном уровне, особенно важно в этой связи подчеркнуть, что многие культурные мероприятия объединены общим для двух стран прошлым или международными событиями, участниками которых они являлись. Попытка Казахстана интегрировать сферу культуры в сферу экономики также довольно показательна и давала свои плоды в этот период. Кроме этого, происходит экспорт и импорт не только культурного наследия прошлого, но и всего инновационного и нового, что сформировалось за время независимого существования двух стран. Такая тенденция первого двадцатилетия XXI в. позволяет судить о развитии и заинтересованности в сотрудничестве двух государств.

Литература

- Алданов 2001 – Алданов Е.А. Международные культурные связи Казахстана, 1991–1995 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 196 с.
- Амелин, Моргунов 2018 – Амелин В.В., Моргунов К.А. Евразийский библиотечный форум в Оренбурге: актуальные тренды сотрудничества в век информационных технологий // Вестник Библиотечной ассамблеи Евразии. 2018. № 4. С. 9–13.
- Безугольный 2020 – Безугольный А.Ю. Этнический аспект комплектования Красной армии в годы Великой Отечественной войны: историко-статистический обзор // Вестник РУДН. История России. 2020. № 2. С. 298–319.
- Есеева 2016 – Есеева Г.Н. Приграничное сотрудничество Казахстана и России в области культуры // Вестник ЗКУ. 2016. № 2 (46). С. 294–303.
- Историко-культурное наследие 2021 – Историко-культурное наследие как механизм укрепления единства российской нации на приграничных территориях России с Казахстаном: сборник научных трудов / под ред. Т.Н. Золотовой, И.А. Селезневой, Т.Б. Смирновой. М.; Омск: Институт наследия, 2021. 364 с.: ил. DOI: 10.34685/НИ.2021.47.76.004.

- Казахстан и Россия 2004 – Казахстан и Россия: общество и государство <сб. статей> / ред.-сост. Д.Е. Фурман. М.: Права человека, 2004. 515 с.
- Королёв 2015 – *Королёв А.С.* Российско-казахстанское сотрудничество в социокультурной сфере в XXI в. на примере областей нижней Волги. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2015. 164 с.
- Крутько 2022 – *Крутько Н.В.* Деятельность учреждений культуры в приграничных регионах России и Казахстана: из опыта работы учреждений культуры Акбулакского района // Евразийский перекресток: Сб. материалов научно-практических мероприятий. Т. 16. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2022. С. 167–169.
- Курамысов 2004 – *Курамысов О.А.* Казахстанско-российские международные отношения в 90-е годы XX в.: состояние и перспективы развития: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 316 с.
- Мендикулова 2021 – *Мендикулова Г.М.* Казахи в европейском движении Сопротивления: новые документы из зарубежных архивов // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 76–94. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-09.pdf> (дата обращения 22 декабря 2024).
- Мещеряков 2023 – *Мещеряков К.Е.* Российско-казахстанские отношения в посткрымский период: фаза турбулентности // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2023. № 1. С. 28–56. DOI: 10.28995/2686-7648-2023-1-28-56.
- Мещеряков 2024 – *Мещеряков К.Е.* Российско-казахстанские отношения в посткрымский период: фаза стабилизации // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2024. № 1. С. 31–59. DOI: 10.28995/2686-7648-2024-1-31-59.
- Публичная дипломатия 2024 – Публичная дипломатия Республики Казахстан: основные особенности и перспективы / К.Е. Мещеряков, А.С. Лексютина, А.С. Розметов, А.К. Куанышбек // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 2. С. 90–99. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-2-90-99.
- Смирнов 2016 – *Смирнов А.М.* Сотрудничество Российской Федерации и Казахстана в сфере культуры // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2016. № 9–10. С. 33–36.
- Турсунбаев 2002 – *Турсунбаев Т.А.* Международное сотрудничество Республики Казахстан в 90-е гг. XX в.: Дис. ... д-ра ист. наук. Алматы, 2002. 320 с.

References

- Aldanov, E.A. (2001), *Mezhdunarodnye kul'turnye svyazi Kazakhstana, 1991–1995 gg.* [International cultural relations of Kazakhstan, 1991–1995, Ph.D. Thesis (History), Moscow, Russia.
- Amelin, V.V. and Morgunov, K.A. (2018), “Eurasian Library Forum in Orenburg. Current trends in cooperation in the age of information technology”, *Herald of the Library Assembly of Eurasia*, no. 4, pp. 9–13.

- Bezugol'nyi A.Yu. (2020), "The ethnic aspect of recruiting the Red Army during the Great Patriotic War. A historical and statistical review], *RUDN Journal of Russian History*, no. 2, pp. 298–319.
- Eseeva, G.N. (2016), "Cultural customs cooperation of Kazakhstan and Russia", *Bulletin of WKU*, vol. 46, no. 2, pp. 294–303.
- Furman, D.E., ed. (2004), *Kazakhstan i Rossiya: obshchestvo i gosudarstvo* [Kazakhstan and Russia. Society and state], Prava cheloveka, Moscow, Russia.
- Korolyov, A.S. (2015), *Rossiisko-kazakhstanskoe sotrudnichestvo v sotsiokul'turnoi sfere v XXI v. na primere oblasti nizhnei Volgi* [Russian-Kazakh cooperation in the socio-cultural sphere in the 21st century. Using the example of downstream areas Volga River], Lap Lambert Academic Publishing, Saarbrücken, Germany.
- Krut'ko, N.V. (2022), "Activities of cultural institutions in the border regions of Russia and Kazakhstan. From the experience of cultural institutions of the Akbulak region", in *Evraziiskii perekrestok: Sbornik materialov nauchno-prakticheskikh meropriyatii* [Eurasian crossroads. Collected materials of scientific and practical events], ООО ИПК "Университет", Orenburg, Russia, pp. 167–169.
- Kuramysov, O.A. (2004), *Kazakhstansko-rossiiskie mezhdunarodnye otnosheniya v 90-e gody XX v.: sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Kazakhstan-Russian international relations in the 90s of the 20th century. State and development prospects], D. Sc. Thesis (History), Moscow, Russia.
- Mendikulova, G.M. (2021), "Kazakhs in the European resistance movement. New documents from foreign archives", *Istoricheskii kur'er*, vol. 17, no. 3, pp. 76–94, available at: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-09.pdf> (Accessed 22 Dec. 2024).
- Meshcheryakov, K.E. (2023), "Russia – Kazakhstan relationships in the post-Crimea period. Stage of turbulence", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 1, pp. 28–56.
- Meshcheryakov, K.E. (2024), "Russia – Kazakhstan relations in the post-Crimea period. Stage of stabilization", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 1, pp. 31–59.
- Meshcheryakov, K.E., Leksyutina, A.S., Rozmetov, A.S. and Kuanyshbek, A.K. (2024), "Public diplomacy of the Republic of Kazakhstan. Main features and prospects", *Sotsial'no-politicheskie nauki*, vol. 14, no. 2, pp. 90–99.
- Smirnov, A.M. (2016), "Cooperation between the Russian Federation and Kazakhstan in the field of culture", *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*, no. 9–10, pp. 33–36.
- Tursunbaev, T.A. (2002), *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo Respubliki Kazakhstan v 90-e gg. XX v.* [International cooperation of the Republic of Kazakhstan in the 90s. 20th century], D. Sc. Thesis (History), Almaty, Kazakhstan.
- Zolotova, T.N., Selezneva, I.A. and Smirnova, T.B., eds. (2021), *Istoriko-kul'turnoe nasledie kak mekhanizm ukrepleniya edinstva rossiiskoi natsii na prigranichnykh territoriyakh Rossii s Kazakhstanom: sbornik nauchnykh trudov* [Historical and cultural heritage as a mechanism for strengthening the unity of the Russian nation in the border areas of Russia and Kazakhstan. Collected articles], Institut naslediya, Omsk, Russia.

Информация об авторе

Мария В. Петрищева, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия; 460000, Россия, Оренбург, Советская ул., д. 29; mariyapetrishcheva@bk.ru

ORCID ID 0009-0003-0092-8554

Information about the author

Maria V. Petrishcheva, Orenburg State University, Orenburg, Russia; 29, Sovetskaya St., Orenburg, Russia, 460000; mariyapetrishcheva@bk.ru

ORCID ID 0009-0003-0092-8554

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 930

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-77-94

Становление личности будущей императрицы
Марии Александровны (1824–1880):
по материалам Гессенского государственного
архива Дармштадта

Ирек Т. Сулейманов

*Объединенный институт ядерных исследований,
Дубна, Россия, irek_s@mail.ru*

Аннотация. В статье представлен анализ документов Гессенского государственного архива Дармштадта, касающихся становления личности принцессы Марии Гессенской и Прирейнской (1824–1880), будущей императрицы Марии Александровны. Рассматривается структура соответствующих архивных фондов и особенности их формирования. Документы иллюстрируют положение принцессы Марии в системе династических связей, дают представление о рассматривавшихся в ее отношении матримониальных траекториях. Материалы позволяют сделать выводы о формах и содержании образования принцессы Марии, ценностном базисе воспитательной программы будущей императрицы. Корпус сохранившихся в Гессенском государственном архиве Дармштадта документов, описывающих детство и отрочество принцессы Марии, носит фрагментарный характер, будучи меньше соответствующих фондов ее братьев, что обусловлено изъятиями части документов сыновьями императрицы. Фрагменты документов, представленных рукописями на немецком языке (готический курсив) и французском языке, расшифрованы, переведены на русский язык и приводятся в статье.

Ключевые слова: императрица Мария Александровна, принцесса Мария Гессенская и Прирейнская, Гессенский дом, династия Романовых, Гессенский государственный архив Дармштадта, Великое герцогство Гессенское и Прирейнское

Для цитирования: Сулейманов И.Т. Становление личности будущей императрицы Марии Александровны (1824–1880): по материалам Гессенского государственного архива Дармштадта // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 1. С. 77–94. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-77-94

© Сулейманов И.Т., 2025

The formation of the personality
of the future Empress Maria Alexandrovna (1824–1880).
Based on materials from the Hessian State Archive
in Darmstadt

Irek T. Suleimanov

*Joint Institute for Nuclear Research, Dubna, Russia,
irek_s@mail.ru*

Abstract. The article presents an analysis of documents from the Hessian State Archive in Darmstadt concerning the development of Princess Marie of Hesse and by Rhine (1824–1880), the future Empress Maria Alexandrovna. It examines the structure of the relevant archival collections and the specifics of their formation. The documents illustrate Princess Marie's position within the dynastic relationships and provide insights into the marital trajectories considered for her. The materials allow conclusions to be drawn about the forms and content of Princess Marie's education and the foundational values of the future Empress's upbringing program. The collection of surviving documents in the Hessian State Archive in Darmstadt, which describe Princess Marie's childhood and adolescence, is fragmentary and smaller than the corresponding collections of her brothers. This discrepancy is due to some documents being removed by the sons of the Empress. Fragments of documents, presented in manuscripts in German (Gothic cursive) and French languages, have been deciphered, translated into Russian, and included in the article.

Keywords: Empress Maria Alexandrovna, Princess Maria of Hesse and by Rhine, House of Hesse, Romanov dynasty, Hesse State Archive in Darmstadt, Grand Duchy of Hesse and by Rhine

For citation: Suleimanov, I.T. (2025), "The formation of the personality of the future Empress Maria Alexandrovna (1824–1880). Based on materials from the Hessian State Archive in Darmstadt", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 77–94, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-77-94

Введение

Фигура императрицы Марии Александровны (1824–1880), одной из ярких представительниц Гессенского дома в династии Романовых, остается мало исследованной как в отечественной, так и зарубежной историографии. В немногочисленных отечественных

работах (П.П. Каратыгин¹, А.А. Поповкин и др.²), посвященных этой исторической личности, часто формируется образ, во многом апеллирующий к концептам религиозности, благотворительности и милосердия [Поповкин 2018]. При этом опускаются исходные предпосылки и базис формирования личности, взглядов, ценностных ориентиров и в целом особенностей идентичности принцессы Марии, ставшей императрицей Марией Александровной. В этой связи крайне важно изучение ее биографии сквозь призму особенностей процесса социализации.

Наиболее ранним и подробным трудом, в котором детство императрицы рассматривалось в качестве отдельного раздела жизнеописания остаются воспоминания адмирала Д.С. Арсеньева, воспитателя младших детей императрицы Марии Александровны и императора Александра II. Датированная 1914 г. рукопись построена (в части, касающейся детства принцессы Марии) на анализе немногочисленного архивного материала, имевшегося в распоряжении мемуариста – учебные тетради принцессы, когда ей было 14–15 лет, которые «сохраняются в библиотеке Его Величества»³. Очевидно, недостаток «архивной фактуры» приводит и к доминированию в повествовании Д.С. Арсеньева информации о Великой герцогине Вильгельмине Баденской (1788–1836), матери принцессы Марии. Как признается Д.С. Арсеньев, «...мы не имеем более подробных сведений о детстве и отрочестве принцессы Марии, и все подробности о формировании ее нравственной личности заимствованы... из бесед с принцем Карлом и графом А.В. Адлербергом»⁴.

Отдельного внимания заслуживают «детские страницы» в книге Э. Корти⁵, который строит изложение на основе архивных материалов большей частью из коллекции потомков и наследников принца Александра Гессенского: этим обусловлен «перекос»

¹ *Каратыгин П.П.* Императрица Мария Александровна, 1824–1880 // Русская старина. Кн. 5. СПб., 1881. 30 с.

² Гессенские принцессы в российской истории: каталог выставки 19 декабря 2017 г. – 25 февраля 2018 г. / авт. идеи и рук. проекта А.В. Громова. Франкфурт н/М.: Музей иконы, 2018. 320 с.

³ *Арсеньев Д.С.* Жизнеописание императрицы Марии Александровны: 1838–1854. М.: Кучково поле: Воевода, 2018. С. 55.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ *Corti C.E.C.* Unter Zaren und gekrönten Frauen. Schicksal und Tragik europäischer Kaiserreiche an Hand von Briefen, Tagebüchern und Geheimpdokumenten der Zarin Marie von Russland und des Prinzen Alexander von Hessen. Graz, 1943. 506 S.

изложения в сторону брата принцессы Марии. Однако введенные Корти в оборот сведения безусловно интересны с точки зрения организации обучения младших детей великогерцогской семьи. М. Бутеншён [Butenschön 2017] в своей работе во многом дублирует информацию из книги Э. Корти, лишь кратко упоминая некоторые материалы из Гессенского государственного архива Дармштадта, в частности, приводя одно из письменных упражнений принцессы Марии на французском языке.

В работах Т.П. Петерс, А.А. Поповкина представление детства будущей императрицы фактически отождествляется с общими описаниями культурных и литературных течений Европы того времени, упоминанием характеризующих эпоху писателей и мыслителей, а также живописанием природных ландшафтов Гессена, архитектурных и иных культурно-исторических реалий⁶. Обзор исследований, посвященных биографии императрицы, демонстрирует общий дефицит фактологии в изложении периода становления личности Марии Александровны, что заставляет исследователей использовать «суррогаты» на основе мемуаров лиц из окружения императрицы, к примеру, воспоминания фрейлины А.Ф. Тютчевой. Как справедливо отмечает Т.П. Петерс, информации о том, как протекало детство принцессы Марии сохранилось мало⁷. В этой связи особый интерес представляют архивные материалы, сохранившиеся на родине принцессы Марии. Настоящая статья подготовлена на основе расшифровки, перевода на русский язык и анализа материалов, содержащихся в Гессенском государственном архиве Дармштадта (HStAD).

Объекты и методы исследования

Хронологические рамки исследования обусловлены датой рождения будущей императрицы Марии Александровны (8 августа 1824 г.) и моментом встречи с цесаревичем Александром Николаевичем (ее будущим супругом, императором Александром II) 25 марта 1839 г. Этой датой фактически маркируется переход принцессы в супружескую, взрослую жизнь.

Гессенский государственный архив Дармштадта (Das Hessische Staatsarchiv Darmstadt, HStAD) является одним из подразделений Гессенского земельного архива наряду с Главным государственным

⁶ Арсеньев Д.С. Указ. соч. См. также [Butenschön 2017].

⁷ Арсеньев Д.С. Указ. соч. С. 20.

архивом земли Гессен в Висбадене и Государственным архивом земли Гессен в Марбурге⁸.

Фактически предшественником Гессенского государственно-го архива Дармштадта являлся Придворный и государственный архив Великого герцога Гессенского, который, в свою очередь, сформировался в результате эволюции Регистратуры канцелярии ландграфства Гессен-Дармштадта (начинает работать в XVI в.). С 1725 г. фонды архива размещались в дармштадтском дворце-резиденции ландграфов, а позднее и Великих герцогов Гессенских.

Фонды Гессенского государственного архива Дармштадта охватывают период от периода Каролингов до наших дней. Для биографических исследований Гессенских принцесс династии Романовых особый интерес представляют коллекции документов из Великогерцогского архива Гессенского Дома и семейного архива Гессенского дома.

Архив Гессенского дома сформировался путем объединения в 1919 г. древних фондов из личных архивов ландграфов Гессен-Дармштадтских и Великих герцогов Гессенских и Прирейнских вплоть до Великого герцога Людвига III с бывшим «кабинетным архивом», документами гофмаршалского ведомства и бывшего Архива Дома Гессен-Хомбург. Следует отметить, что архивные фонды пострадали в 1944 г. и частично утрачены (в контексте нашего исследования, в частности, материалы из фондов Великого герцога Людвига II, отца императрицы Марии Александровны). Согласно договору 1968 г., архив находится в совместной собственности Федеральной земли Гессен и Гессенского дома, представленного Фондом Гессенского дома. После снятия первоначальной частичной секретности фонды в настоящее время считаются общедоступными для исследовательской работы (согласно правилам пользования государственными архивами Гессена).

Семейный архив последней правящей линии Великогерцогского дома (архив младшей линии Дома Брабантов) был отделен от Архива Гессенского дома как частная собственность семьи в ходе имущественного разбирательства 1919 г. Вместе с тем эти фонды были переданы в качестве безотзывного депозита в Гессенский государственный архив и дополнялись более поздними документами. Собственником этого архива остается фонд Гессенского дома. Для использования части фондов семейного архива необходимо специальное разрешение от семейного архивариуса Гессенского

⁸ Gesetz zur Neuregelung des Archivwesens und des Pflichtexemplarrechts // Gesetz- und Verordnungsblatt für das Land Hessen. 2012. Nr. 24. S. 458–463.

дома⁹. Материалы, касающиеся Марии, принцессы Гессенской и Прирейнской, будущей императрицы Марии Александровны, в соответствии с имевшейся практикой структурно отнесены к фонду «Дети Великого герцога Людвига II (кроме Людвига III)» [Rouven 2008, S. 24–27].

В настоящей работе рассмотрены и проанализированы материалы, входящие в искомые хронологические рамки исследования: 1824–1839 гг.

8 августа 1824 г. древний Гессенский дом, восходящий к Бранбантам, пополнится новорожденной принцессой – в Дармштадте, столице Великого герцогства Гессенского и Прирейнского¹⁰, на свет появится принцесса Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария. Она будет пятым ребенком в семье наследного великого герцога Людвига (1777–1848) и принцессы Вильгельмины Баденской (1788–1836). По устоявшемуся порядку¹¹ по случаю рождения принцессы были подготовлены уведомительные грамоты, о чем свидетельствует сохранившийся реестр адресов рассылки. Именно этим документом¹² и начинается архивный фонд принцессы Марии. «По случаю последовавшего 8 августа

⁹ Repertorien des Hessischen Staatsarchivs Darmstadt, Abteilung D 1 – D 9, D 12 Großherzogliches Hausarchiv. Bd. 2: D 5 – D 12. Darmstadt, April 2000. S. 12–13.

¹⁰ Титулом «принцессы Гессенской и Прирейнской» Мария «обязана» харизматичному деду по отцовской линии. Свое правление в 1790 г. он начнет как Людвиг X Ландграф Гессен-Дармштадтский (1752–1830), однако завершит его уже как великий герцог Людвиг I. 13 августа 1806 г. своим манифестом он сообщит подданным о новых территориальных приобретениях (фактически это была «плата» Наполеона за вступление Гессен-Дармштадта в Рейнский союз). Однако даже поражение французов Людвиг умудрится использовать на пользу родному Гессену: по итогам Венского конгресса Людвиг обеспечил удвоение территории и населения Гессена – к моменту рождения принцессы Марии в 1824 г. в Великом герцогстве будут проживать 687 тыс. подданных (для сравнения: численность населения Петербурга в те годы составляла около 420 тыс. чел.). А тот факт, что страна получила территории на левом берегу Рейна, с 7 июля 1816 г. отразится в новом титуле великого герцога, отныне именовавшего себя «Гессенским и Прирейнским».

¹¹ Marlow U. Tagungsbericht: Fürstliche Korrespondenzen des 19. und 20. Jahrhunderts // H-Soz-Kult. URL: https://www.hsozkult.de/conferencereport/id/fdkn-131269#mtAc_event-84849 (дата обращения 2 апреля 2024).

¹² Das Hessische Staatsarchiv Darmstadt (далее – HStAD) Bestand. D 4. Nr. 720/6. Bl. 2–3.

1824 г. разрешения от бремени Ее Высочества, великой и наследной принцессы Гессенской, последующие уведомительные грамоты были поданы на Высочайшее рассмотрение», – гласит рукописный список рассылки. Очевидно, документ структурирован по степени значимости адресатов для новорожденной и ее родителей. Так, первые четыре адресата – «Высокие крестные родители»: король Баварии, королева Нидерландов, курфюрстина Гессенская, маркграфиня, супруга Леопольда Баденского. Далее следуют венценосные родственники родителей по гессенской и баденской линиям: маркграфиня Баденская, великая герцогиня Саксен-Веймарская¹³, ландграф Гессен-Гомбургский, курфюрст Гессенский, ландграфы Георг Гессенский, Карл и Фридрих Гессен-Кассельские, ландграфы Гессен-Филиппстальский, Гессен-Ротенбургский.

В последующем разделе перечня приводятся императоры; можно предположить, что последовательность адресатов продиктована не только «рангом» и влиянием, но и степенью их (династической) близости: начинается список с австрийского¹⁴ и российского императоров¹⁵, затем следуют короли Пруссии¹⁶, Дании, Швеции, Франции, Сардинии, Саксонии, Вюртемберга, Нидерландов, Великобритании (последний упомянут дважды – отдельно в его функции «короля Ганновера»). Примечательно, что в первой тройке указаны три великие державы, составившие Священный союз, и фактически определившие судьбу и границы Великого герцогства Гессенского по итогам Венского конгресса. При этом нумерация перечня все же отражает приоритетную роль Австрии как доминантного для Гессенского двора политического и экономического центра. Несколько позднее это выразится и в том, что Дармштадт

¹³ Луиза Августа, урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская (1757–1830).

¹⁴ Франц I (1768–1835), первый император Австрии, с 1804 г.; на момент рождения принцессы Марии его супругой будет Каролина Августа Баварская – дочь Баварского Короля Максимилиана I и Августы Вильгельмины Гессен-Дармштадтской.

¹⁵ Отметим, что император Александр I приходился новорожденной дядей: старшая сестра Вильгельмины Баденской, императрица Елизавета Алексеевна (1779–1826) была супругой Александра I.

¹⁶ Фридрих Вильгельм III (1770–1840) – сын Фридриха Вильгельма II и Фридерики Луизы Гессен-Дармштадтской. Его жена Луиза Мекленбург-Стрелицкая – дочь Фридерики Каролины Луизы Гессен-Дармштадтской. Их дочь, Шарлотта Прусская, станет российской императрицей Александрой Федоровной и будет свекровью принцессы Марии.

будет сторонником великогерманского пути объединения Германии, парадигмы, которую интериоризируют несколько поколений членов Гессенского дома, включая принцессу Марию.

Далее перечень содержит целый ряд представителей Венского двора, а также несочтаемое перечисление правителей малых германских княжеств от герцога Саксен-Гильдбурггаузенского до герцога Ангальт-Кётенского... Замыкают перечень «Республика Берн, как председательствующая в Швейцарии», и город Франкфурт.

Дело новорожденной принцессы Марии содержит и рукописную «Выписку из Великогерцогской гессенской газеты 1824 г.»¹⁷. В документе говорится: «Дармштадт, 26 августа. В присутствии Ее Королевского Высочества, великой герцогини Гессенской и всего Великогерцогского двора сегодня во дворце Его Высочества великого и наследного принца состоялось торжественное крещение новорожденной принцессы. принцесса получила имя Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария. Крестными родителями¹⁸ являются Его Величество король Баварии, Ее Величество Королева Нидерландов, Ее Королевское Высочество курфюрстина Гессенская и Ее Королевское Высочество маркграфиня, супруга Леопольда Баденского».

При этом обращает на себя внимание, что на торжественном мероприятии 26 августа 1824 г. принимает участие лишь бабушка крестницы – великая герцогиня Луиза Гессен-Дармштадтская (1761–1829). Отсутствие упоминания венценосного деда крестницы может объясняться кривотолками относительно происхождения новорожденной. Биографы родителей принцессы приходят к мнению, что примерно с 1810 г. Вильгельмина и Людвиг отдаляются друг от друга и фактически ведут раздельное хозяйство. Приглашенный на работу в 1815 г. швейцарский аристократ Август

¹⁷ HStAD Bestand. D 4. Nr. 720/6. Bl. 4.

¹⁸ Выбор крестных родителей неслучаен – Максимилиан I Баварский (1756–1825) соединил в своей биографии высокородные фамилии родителей крестницы: первая жена короля – представительница Гессенского дома (Августа Вильгельмина Гессен-Дармштадтская, 1765–1796), вторая супруга – Каролина Баденская (1776–1841), родная сестра Вильгельмины Баденской (по этой линии Король приходился дядей своей гессенской крестнице). В числе крестных восприемниц Марии видим тетушку будущего мужа – Великую княгиню Анну Павловну (1795–1865) – королеву Нидерландов, сестру императора Александра I и будущего свекра новорожденной принцессы, императора Николая I (1796–1855). Другие крестные принцессы Марии приходились ей родственницами по гессенской и баденской линиям.

фон Сенарклен де Гранси (1794–1871) станет конюшенным, а затем и спутником жизни Великой герцогини¹⁹. Открытой тайной было то, что фактическим отцом младших детей Вильгельмины был фон Сенарклен де Гранси. Вместе с тем Людвиг II не без нажима со стороны влиятельных родственников Вильгельмины, как утверждают исследователи²⁰, признал отцовство над Александром (1823–1888) и Марией.

Своеобразная «дуальность» происхождения порой причудливым образом отражается и в эпистолярном наследии принцессы Марии. Так, в относительно разнородном деле «720/9. Документы, касающиеся принцессы Марии» наряду с документами, относящимися уже к периоду знакомства с цесаревичем Александром Николаевичем и выписками о ходе болезни принцессы (без датировок) приводится письмо, атрибутированное как «письмо отцу, великому герцогу Людвигу II». В датированном 19 августа 1836 г. документе говорится: «Дорогой папа! Прими мои самые искренние пожелания в Твой, надеюсь, часто повторяющийся день именин, надеюсь, Ты проживешь еще много лет в здравии, а твоя старость будет подслащена любовью и заботой твоих детей. ...да благословит тебя небо – это ежедневная молитва Твоей послушной и преданной дочери Мари»²¹. Дело в том, что 19 августа – день рождения Августа фон Сенарклена де Гранси, фактического отца принцессы Марии. В то же время письмо, очевидно, могло быть приурочено к одному из дней тезоименитства Людвигу II, 19 августа – день памяти Святого Людовика Анжуйского, а с недельным интервалом, 25 августа католической церковью отмечается день Людовика IX Святого.

Продолжая анализ содержания «детских» фондов принцессы Марии в Гессенском государственном архиве Дармштадта, обратим внимание и на содержащиеся там счета за вещи, товары и услуги, приобретаемые для девочки – «платежные свидетельства» ее бытования в буквальном смысле с самых первых лет жизни: первый счет на имя принцессы Марии будет выставлен уже в августе 1824 г. за «шесть шерстяных ковриков, шитье двух чепчиков на подкладке, две шелковые нижние кофточка...»²². Документ дает представление о рачительности и даже некоторой прижимистости в ведении хозяй-

¹⁹ *Franz E.G.* Wilhelmine Großherzogin von Hessen und bei Rhein // *Stadtllexikon Darmstadt*. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 2006. S. 991.

²⁰ *Hoetzsch O.* Kaiserin Maria Alexandrowna von Rußland, geb. Prinzessin Marie von Hessen-Darmstadt, Umriss einer Biographie // *Archiv für hessische Geschichte und Altertumskunde*. 1940. S. 81–116.

²¹ HStAD Bestand. D 4. Nr. 720/9. Bl. 2–3.

²² *Ibid.* Bl. 4.

ственных дел при Гессенском дворе. Счет содержит информацию о том, что для юной принцессы «починили чепчики и платица», украсили «одно платице фестолами», а «пять чепчиков – кружевами». Очевидно, речь идет о предметах одежды, уже использовавшихся младшими детьми Вильгельмины. Счета за последние годы отражают растущие потребности юной принцессы – приобретаются «гребень, губки, чашка, тарелка, два карандаша, ...ночной горшок». Судя по сохранившимся счетам, Мария проявляла интерес к рисованию – на это указывает количество приобретаемых для нее карандашей. Отдельная статья значительных расходов – детская обувь. Выделяется на фоне типичных приобретений для девочки счет от февраля 1830 г., выставленный «придворным ножовщиком» Ж. Карпом: «По указанию Ее Высочества принцессы Марии изготовил малый перочинный нож с серебряным лезвием»²³.

В обособленное дело в архиве выделены материалы, касающиеся образования и воспитания принцессы Марии. Коллекция документов содержит примеры сочинений и письменных упражнений принцессы на немецком и французском языках.

Таблица

Программа для принца Александра, Его Высочества, на июнь 1836 г.²⁴

	Понедель- ник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота
7–8	Француз- ский*	Немец- кий язык	Исто- рия	Геогра- фия	История	Англий- ский
8–9	Латинский	Матема- тика	Латин- ский	Матема- тика	Латин- ский	Матема- тика
9–10	География	Письмо*	Француз- ский*	Рисо- вание*	Француз- ский*	Рисо- вание*
11–12	Религия	Англий- ский		Англий- ский	Религия	
12–13	Ф о р т е п и а н о					
4 ½ – 6 ½	Ботаника*					

Примечание: Уроки, отмеченные *, проводятся совместно с принцессой Марией, Ее Высочеством.

²³ Ibid. Bl. 14.

²⁴ Ibid. Nr. 719/6. Bl. 16.

Представление об организации «урочной» части образовательного процесса дает сохранившееся в архивном фонде принца Александра учебное расписание, составленное капитаном Кристианом Конрадом Фраем (1798–1870). В ноябре 1829 г. он будет назначен воспитателем 5-летней Марии и ее 6-летнего брата. Эту почетную обязанность он будет исполнять вплоть до отъезда обоих его воспитанников в Санкт-Петербург.

Анализ учебных материалов в деле принцессе Марии позволяет предположить, что значительный объем «образовательной программы» составляла европейская история, в особенности, история родственных правящих домов. Следует отметить, что сохранившиеся сочинения зачастую сформулированы в остроумной и поучительной манере. К примеру, текст, написанный принцессой Марией на французском языке о шведском короле Густаве Адольфе: «Видя, как в его армии происходят дуэли, он запрещал их под страхом смертной казни. Два офицера, желая драться, попросили у Густава разрешения: он его дал, а сам отправился на площадь, где они собрались драться на дуэли, взял с собой палача и сказал ему: “Тому, кто не будет убит, ты отрубишь голову”. Тогда оба офицера упали к его ногам, моля о пощаде»²⁵.

Продолжает «шведский сюжет» и написанное принцессой Марией уже на немецком языке сочинение о биографических перипетиях Густава Вазы: «...успешно бежал из плена в Дании и высадился на побережье Швеции, когда оказался в опасности со всех сторон, опасаясь быть схваченным и доставленным к жестокому королю Кристиану II. Поэтому он надел крестьянскую одежду и сбежал к своему зятю <мужу сестры>, рейхсрату Браге; однако тот очень умолял его поскорее покинуть его, ибо было запрещено укрывать его. Затем он скрылся в имении своего отца... Здесь он получил известие о Стокгольмской резне, в которой погиб и его отец...». Такое внимание шведской истории могло быть обусловлено династическими связями с Швецией – родная тетя принцессы Марии была Королевой Швеции (до свержения ее супруга Короля Густава IV Адольфа).

Значительный объем материалов на французском языке подтверждает тот факт, что мать будущей императрицы благоволила франкофонной культуре, так как была воспитана, когда «французское влияние преобладало в Бадене, и французский язык был общепринятым при дворе и ...сделался как бы природным языком гросс-герцогини Вильгельмины»²⁶. Фактически принцесса Мария социализирована в билингвальной языковой среде, что вырази-

²⁵ Ibid. Nr. 720/8. Bl. 2–3.

²⁶ Арсеньев Д.С. Указ. соч. С. 54.

лось в паритетном использовании ею обоих языков, немецкого и французского, о чем можно судить, глядя на общий массив эпистолярного наследия императрицы. Кроме того, отметим, что сохранившиеся письма Вильгельмины Баденской в адрес дочери косвенно свидетельствуют о том, что мать общалась с дочерью как на французском, так и немецком языке.

Судя по имеющемуся в «учебном фонде» написанному принцессой тексте о дворце Зеехайм, Мария, предсказуемо, погрузилась и в историю владений Гессенского дома: «Зеехайм теперь представляет собой красивый загородный дом. Раньше там был только небольшой дом; но, когда в 1831 г. в наши края приблизилась инфекционная болезнь под названием “холера морбис”, было решено построить в Зеехайме бревенчатый дом, чтобы по возможности обезопасить себя от заражения. За 15 дней был построен и сдан под крышу дом, в котором было 29 комнат. Этот тип строительства особенно распространен в России, где обилие дерева»²⁷. Действительно, в 1808 г. дед принцессы Марии, Людвиг I, купит поместье у своего амтмана Иоганна Пистора. Владение будет включать в себя и большой парк в стиле рококо на западном склоне Оденвальда близ Зеехайма. В начале 1830-х гг., как справедливо пишет юная принцесса, уже ее отец Людвиг II расширил имение до полноценного загородного поместья, при этом основной целью было стремление избежать угрозы шедшей с востока эпидемии холеры [Lisner 2009]. Однако обратим внимание и на то, что ученица демонстрирует в своем сочинении страноведческие познания в отношении России, ее ресурсной обеспеченности древесиной и, соответственно, предпочтительных принципах строительства. Учитывая это наблюдение, а также опираясь на школьные материалы принцессы, сохранившиеся в других архивах (в частности, в коллекции Государственного архива Российской Федерации), справедливо заключение, что «российская линия» явно прослеживается в «куррикулуме» принцессы. Очевидно, это подкрепляет тезис некоторых исследователей о «запрограммированном» влиятельными родственницами²⁸ Марии

²⁷ Ibid. Nr. 720/8. Bl. 8.

²⁸ Стоит упомянуть, что второй супругой Павла I станет София Доротея Вюртембергская (1759–1828), обрученная ранее с Людвигом I, дедом принцессы Марии. Однако гессенец согласится разорвать помолвку. София Доротея, ставшая императрицей Марией Федоровной, милость бывшего гессенского жениха не забудет, и, как считают некоторые историки (в частности, О. Хётч), хлопочет об общей судьбе его внучки Марии и своего внука Александра.

матримониальном плане женитьбы российского цесаревича на гессенской принцессе²⁹.

Гессенские архивариусы предусмотрительно сохранили и текст сочинения принцессы Марии о Георге I (1547–1596), ландграфе Гессен-Дармштадтском, основателе гессен-дармштадтской линии. Вот что пишет Мария о далеком предке: «Георг, младший сын Филиппа Великодушного, получил в качестве своей части наследства в 1567 г. 5000 флоринов и Верхнее графство Каценельнбоген³⁰, в состав которого входили округа Дармштадт, Дорнберг, Рюссельсхайм, Ауэрбах, Лихтенберг и Рейнхайм. Лишь позже он получил Бикенбах с Альсбахом, Гомбург-ан-дер-Хёе, Шторнфельс, Шоттен и треть округа Браубах...». Именно с Георга I начнется восходящее развитие Дармштадта как города-резиденции и столицы будущего Великого герцогства. Таким образом, несмотря на тонкости семейных отношений, образовательная программа принцессы Марии была направлена и на формирование «бесшовной» идентичности с Гессенским домом, принадлежности этому древнему роду.

Другой блок материалов кристаллизуется вокруг ценностного целеполагания учебно-воспитательной работы с принцессой Марией. Они свидетельствуют о том, что девочка воспитывалась в категориях ответственности и долга. Из-под ее пера вышел, к примеру, такой текст: «Всегда добра, послушна, трудолюбива, чиста, свободна от обмана и лжи, всем угождающая и верная своему долгу, лишь это – радость, это – счастье, все это поднимает настроение, я такова же и поступаю так всегда, родителям моим на радость». В сходном ценностном модусе сформулирован написанный рукой принцессы Марии стих «Правдивость»³¹:

Правда, дитя, в словах и во взглядах,
В каждом поступке и деле твоём.
Только истина счастье подарит,
На правды путь тебя приведет...

²⁹ *Franz E.G. Ludwig II., Großherzog von Hessen und bei Rhein... // Neue Deutsche Biographie. Bd. 15. Berlin: Duncker & Humblot, 1987. S. 397.*

³⁰ Исторически восходит к Верхнему графству Каценельнбоген – государству Священной Римской империи. Считается, что оно просуществовало с 1260 по 1479 г., когда со смертью Графа Филиппа I пресеклась мужская линия правящего рода. Фактически графство переходит к ландграфу Верхнего Гессена Генриху III (как приданное его жены Анны, дочери графа Филиппа I). Таким образом, Верхнее графство Каценельнбоген становится основой будущего ландграфства Гессен-Дармштадтского.

³¹ HStAD Bestand. D 4. Nr. 720/8. Bl. 15.

Во второй части этого поэтического текста на немецком языке проявляется значительная роль религиозного воспитания принцессы и органичная включенность элементов христианской религии в жизненную картину мира ребенка:

...Дай, Боже, сохранить мне
Совесьть в ее свободе, чистоте,
Все, что доверено судьбой, и
Счастье даст воззреть Твой лик!

Отметим, что законоучителем принцессы станет Карл Циммерманн (1803–1877). Этот придворный великогерцогский проповедник считается одним из наиболее значимых гессенских евангелических теологов. Занятия с Циммерманном начнутся для Марии в 1832 г. и продолжатся до 1840 г.³² Теолог, ставший впоследствии главой гессенской евангелической церкви и искренне ценивший свою воспитанницу, даже посвятит стихи по случаю ее помолвки с цесаревичем Александром Николаевичем.

До настоящего времени не опубликовано документальных свидетельств того, как в воспитательный процесс принцессы была интегрирована музыка. Рассматриваемые материалы свидетельствуют, что одной из форм работы было разучивание поучительных песен. Это подтверждает переписанная принцессой песенка Иоганна Борнхардта (1774–1843), который был не только талантливым композитором, пианистом и гитаристом, но и работал учителем музыки в Брауншвейге. Его «дидактические» наработки пользовались популярностью и при Гессенском дворе. Для понимания предпосылок формирования художественных вкусов у Марии интересен и тот факт, что Борнхард был другом писателя-романтика Эрнста Клингемана (1777–1831), того самого, что известен под псевдонимом Бонаventura. Содержание песни «Добродетель»³³ вполне вписывается в сформированный Вильгельминой Баденской ценностный канон образовательной программы для принцессы Марии:

...Без доброты, без сердца благородства
Была б я мертвецом уж в юные года.
О, добродетель! Веди меня вперед,
Пусть каждый сердца моего удар
Звучит тебе во Славу!

³² Franz E.G. Wilhelmine Großherzogin von Hessen und bei Rhein... S. 991.

³³ Ibid. Bl. 16.

Еще один элемент архивной коллекции представляет собой французский текст назидательного характера, ориентированный на формирование поведенческих навыков принцессы: «Никогда не молви слова, дитя мое, не подумав о том, что хочешь сказать, и хорошо запомни пословицу, которая учит семь раз повернуть язык во рту, прежде чем произнести слово»³⁴. Сохранился в корпусе ученических работ принцессы Марии и забавный «междисциплинарный» текст на французском языке под названием «Особое приданое», сочетающий в себе как ироничность изложения, так и элементы математических расчетов: «Примерно в 1770 г. лондонский купец, выдававший замуж 11 девиц, давал каждой из них по горстке монет в полпенни за каждый фунт их веса. Все девушки вынуждены были иметь избыточный вес. Самая последняя весила 50 фунтов, она получила 12 сотен франков»³⁵.

Этот пример подтверждает тезис о том, что одним из элементов образовательной программы, составленной великой герцогиней Вильгельминой, была «финансовая грамотность и ответственность». Подкрепляют это и сохранившиеся в фондах Гессенского архива помесячные ведомости расходов, которые вели как принц Александр, так и принцесса Мария. Обратим внимание, что свои расходы принцесса, в отличие от брата, фиксирует на французском языке. Деньги девочка тратит «на книгу, малину» и пр. повседневные вещи. При этом большая часть расходов приходилась на пожертвования, о чем говорят соответствующие формулировки: «в церкви», «девочке», «женщине», «мужчине», «немому мальчику»³⁶ и пр. Очевидно, девочка действовала, следуя примеру своей матери, которая вносила заметный вклад в систему образования и благотворительности Гессена, в частности, основав в 1821 г. образовательное учреждение для осиротевших дочерей гессенских государственных служащих («Елизаветинский приют» в г. Нидер-Рамштадте). Исходный опыт благотворительности «вырастет» в одну из определяющих ипостасей деятельности будущей императрицы в России.

Комплементарной составляющей образования принцессы Марии были ее поездки, о которых можно судить по имеющимся письмам принцессы: «...мы отправляемся в Бидерштайн, чему я очень рада, а также увидеть Мюнхен, Луи и Матильду, которые скоро туда приедут...». Очевидно, направления поездок были детерминированы визитами к родственникам, например, в Баварию или Баден. Разумеется, эти путешествия не сопоставимы с масштаб-

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid. Bl. 19.

ными учебными поездками будущего супруга принцессы, цесаревича Александра Николаевича.

Ближайшим «соратником» как в классе, так и в играх для принцессы Марии станет брат принц Александр. Вместе с сестрой он будет отправлен в Петербург. Сохранившийся в архивном фонде принца Александра написанный им «Дневник моей поездки в Баден с 26 по 30 июня 1832 г.» позволяет сделать вывод не только об обучающем характере поездок младших великогерцогских детей, но и об особом характере сложившегося дружеского треугольника Вильгельмины, Александра и Марии:

Пока моя сестра спала, между Гейдельбергом и Вислохом прошел сильный град. В последнем месте нас сопровождала крестьянка. В Лангенбрюккене мы проезжали бычий рынок и фройляйн фон Гранси предложила купить быка и привезти его с собой графине Оттинг. В 12 часов мы прибыли в Брухзаль, сели за стол и после чрезвычайно обильного обеда поехали в Дурхлах на четверке сивых лошадей. Оттуда до Эттлингена у нас тоже была сивая лошадь, как и от Раштата до Бадена. Великолепная радуга выгнулась над этим городом. Когда мы остановились в Церингер-Хоф, нас встретили мама, тетя и кузины...

Четверг, 28 июня... В 10 с половиной часов я проехал мимо «Фаворита», загородного дворца Великого герцога Баденского, стены которого покрыты речными камнями, вместе с моей мамой, братом Людвигом и моей сестрой, в долину Мурга. В Гаггенау мы с моей сестрой впервые увидели стеклодувную мастерскую, и мы оба выдули стакан. Потом мы позавтракали и пошли пешком на гору Амалиенберг... Вечером мы пили чай в тетушкином павильоне, и я качался на качелях с кузинами и моей сестрой³⁷.

Обращает на себя внимание эlegantное лингвистическое разграничение Александром родного и единоутробного сиблингов: мальчик последовательно использует конструкцию «брат Людвиг» (с определенным артиклем) – без притяжательного местоимения, тогда как слово сестра используется всегда с притяжательными местоимением «моя».

Исследователи едины во мнении, что одним из переломных пунктов формирования личности принцессы Марии станет ранняя смерть ее матери, Вильгельмины Баденской в 1836 г., когда девочке не исполнилось и 12 лет. Это событие, возвращаясь к корпусу материалов «детского архива» принцессы Марии, иллюстрирует сохранившаяся опись «драгоценностей и жемчугов, что по воле Ее

³⁷ Ibid. Nr. 719/6. Bl. 9–15.

Королевского Высочества великой герцогини Гессенской и Прирейнской, определены были в качестве наследства Ее Высочества Марии». Примечательно, что «предметы опечатаны... в присутствии обер-штальмейстера Гранси, фрейлины Ее Королевского Высочества великой герцогини Эмилии Бёкманн и ювелира г-на Якоба Шпельца из Франкфурта»³⁸. Внушительный список из 65 позиций завершается перечнем украшений, рекомендуемых к продаже. По более поздним воспоминаниям фрейлин императрицы Марии Александровны можно сделать вывод о том, что часть материнских драгоценностей она хранила и носила всю жизнь.

Этот переломный момент, связанный с горем и переживанием, Д.С. Арсеньев³⁹ ассоциирует с углублением девочки-подростка в молитву и веру, закладывая тем самым фундамент для нарратива традиционного жизнеописания императрицы Марии Александровны в категориях женщины-христианки, женщины-искупительницы, женщины-молельщицы. При этом граф Орлов писал о юной невесте цесаревича в мае 1840 г., что «она очень религиозна, но без фанатизма»⁴⁰. После смерти матери ее фрейлина баронесса Марианна фон Сенарклен де Гранси переняла воспитательное попечение об 11-летней принцессе Марии, став одним из самых близких людей для будущей императрицы.

Заключение

Архивные документы Гессенского государственного архива Дармштадта, касающиеся детства и отрочества принцессы Марии, комплементарно дополняют имевшиеся общие представления о детстве будущей императрицы Марии Александровны, иллюстрируя различные аспекты ее биографии – от протоколно-дипломатических аспектов ее рождения, хозяйственно-бытовых реалий детства, вопросов наследования и семейных отношений, вплоть до учебно-воспитательной составляющей процесса социализации принцессы Марии. При всей фрагментарности коллекции имеющиеся документы подкрепляют тезис о билингвальном характере воспитательного и образовательного процесса принцессы Марии, формировании содержания образования на основе императивов династической прагматики, его ориентации на христианские ценности, практику благотворительности, а также финансовой рачительности.

³⁸ Ibid. Nr. 720/10. Bl. 2.

³⁹ Арсеньев Д.С. Указ. соч. С. 57.

⁴⁰ Там же. С. 80.

Литература

- Поповкин 2018 – *Поповкин А.А.* Российская императрица Мария Александровна (1824–1880). М.: Елизаветинско-Сергиевское просветительское общество; Издат. дом ТОНЧУ, 2018. 256 с.
- Butenschön 2017 – *Butenschön M.* Die Hessin auf dem Zarenthron: Maria, Kaiserin von Russland. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag GmbH, 2017. 320 S.
- Lisner 2009 – *Listner K.* Das Seeheimer Schloss und seine faszinierende Geschichte – 220 Jahre in zehn Episoden. Seeheim-Jugenheim: Museumsverein Seeheim-Jugenheim e.V., 2009. 120 S.
- Rouven 2008 – *Rouven P.* Landesgeschichte in europäischer Dimension. Neuverzeichnung des Großherzoglich Hessischen Hausarchivs in Darmstadt // *Archivnachrichten aus Hessen*. 2008. Nr. 8/1. S. 24–27.

References

- Butenschön, M. (2017), *Die Hessin auf dem Zarenthron: Maria, Kaiserin von Russland*, Konrad Theiss Verlag GmbH, Stuttgart, Germany.
- Listner, K. (2009), *Das Seeheimer Schloss und seine faszinierende Geschichte – 220 Jahre in zehn Episoden*, Museumsverein Seeheim-Jugenheim e.V., Seeheim-Jugenheim, Germany.
- Popovkin, A.A. (2018), *Rossiiskaya imperatritsa Mariya Aleksandrovna (1824–1880)* [Russian Empress Maria Alexandrovna (1824–1880)]. Elizavetinsko-Sergievskoe prosvetitel'skoe obshchestvo; Izdatel'skii dom TONChU, Moscow, Russia.
- Rouven, P. (2008), “Landesgeschichte in europäischer Dimension. Neuverzeichnung des Großherzoglich Hessischen Hausarchivs in Darmstadt”, *Archivnachrichten aus Hessen*, Nr. 8/1, SS. 24–27.

Информация об авторе

Ирек Т. Сулейманов, кандидат педагогических наук, Объединенный институт ядерных исследований, Дубна, Московская область, Россия; 141980, Россия, Московская область, Дубна, ул. Жолио-Кюри, д. 6; irek_s@mail.ru

ORCID ID: 0009-0009-7766-7034

Information about the author

Irek T. Suleimanov, Cand. of Sci. (Pedagogics), Joint Institute for Nuclear Research, Dubna, Moscow Region, Russia; 6, Joliot-Cury St., Dubna, Moscow Region, Russia, 141980; irek_s@mail.ru

ORCID ID: 0009-0009-7766-7034

Циркуляры Министерства народного просвещения о нарушениях в средних образовательных учреждениях Российской империи в конце XIX – начале XX в.

Евгений В. Шандулин

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
shandulin@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению нарушений дисциплины и порядка в общеобразовательных средних учебных заведениях Российской империи на рубеже XIX–XX вв. В основе лежит изучение материалов циркулярных предписаний Министерства Народного просвещения с применением самых крайних мер лишения права на обучение в образовательных учреждениях страны. Проанализированы количественный и качественный состав нарушений, их динамика развития и взаимосвязь этого процесса с общ историческими процессами в российском обществе в указанный период. Сделаны выводы о нарастании революционного кризиса в обществе на примере образовательной системы в определенных временных рамках, иллюстрирующих развитие социального кризиса в России в начале XX в. Рассмотрены пропорции политических, административных и уголовных преступлений в средних образовательных учреждениях страны. В статье сделаны наблюдения о религиозном, национальном и половом составе нарушителей в средних учебных заведениях на рубеже веков и указаны некоторые меры правительства по нормализации ситуации в обществе.

Ключевые слова: средние учебные заведения, Российская империя, гимназии, реальные училища, воспитательный процесс в дореволюционной России

Для цитирования: Шандулин Е.В. Циркуляры Министерства народного просвещения о нарушениях в средних образовательных учреждениях Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 1. С. 95–110. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-95-110

Circulars of the Ministry of Public Education
on violations in secondary educational institutions
of the Russian Empire in the late 19th – early 20th century

Evgenii V. Shandulin

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
shandulin@yandex.ru*

Abstract. The article examines violations of discipline and order in general secondary educational institutions of the Russian Empire at the turn of the 19th – 20th centuries. The research is based on the materials of the circular regulations of the Ministry of Public Education which include the most extreme measures of deprivation of the right to study in educational institutions of the country. The quantitative and qualitative composition of violations, the dynamics of their development and the interaction of this process with the general historical processes in Russian society during this time period are analyzed. Conclusions are drawn about the growing revolutionary crisis in society including the example of the educational system within definite time and the development of the social crisis in Russia at the beginning of the 20th century. The proportions of political, administrative and criminal offenses in secondary educational institutions of the country are considered. The article makes observations about religious, national and sexual violators in secondary educational institutions at the turn of the 19th – 20th centuries and indicates some measures the government undertook to normalize the situation in the society.

Keywords: secondary educational institutions, the Russian Empire, gymnasiums, real schools, the educational process in pre-revolutionary Russia

For citation: Shandulin, E.V. (2025), “Circulars of the Ministry of Public Education on violations in secondary educational institutions of the Russian Empire in the late 19th – early 20th century”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 95–110, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-95-110

Введение

Тематика воспитания является одной из популярных тем исследований в отношении дореволюционной общеобразовательной системы, ее структуры и направленности [Перцев 2016]. Внимание в историографии к социальной и политической составляющей этого процесса расставляет акценты в ракурсе отношений власти и общества в широком контексте [Овчинникова, Козлова, Бозиев 2016] протестной активности учащейся университетской молодежи к на-

чалу XX в. [Пашкова 2014; Пашкова 2011]. Между тем нарушения в общеобразовательных учреждениях дореволюционной России не замыкались на политических или воспитательных вопросах. Сам процесс воспитания, по признанию исследователей, имел огромное значение для образовательной системы дореволюционной России [Перцев 2016]. Лишение права получать образование для ученика того времени было косвенным признанием провала процесса воспитания. Нарушения учениками порядка работы образовательных учреждений в дореволюционной России не являлись редким или уникальным явлением, отразившимся на работе не только столичных, но и региональных учебных заведений. Динамика развития нарушений в литературе справедливо рассматривается в контексте происходивших в стране событий, однако редко является самостоятельным предметом для изучения. Изменения в характере нарушений в период второй половины XIX – начала XX в. могут показать серьезные сдвиги в поведенческой модели учеников средних учебных заведений, что вполне отражает общие тенденции в обществе. В этой связи любопытной выглядит постановка проблемы взаимосвязи качества соблюдения общего распорядка работы в образовательной системе с социальными и связанными с ними политическими аспектами жизни общества в целом. Этот ракурс анализа важен ввиду того факта, что поведение детей, которые не вступили в период самостоятельной жизни, сильно зависит от окружающей обстановки. Максимальный возрастной потолок учащихся средних учебных заведений в дореволюционной России, как правило, не превышал 16–17 лет, хотя единых жестких правил по регулированию возрастного ценза в стране не было и были отступления от этого порога.

Гимназии и прогимназии относились к общеобразовательным учреждениям Министерства Народного просвещения [Любжин 2018, с. 327], к которым в начале XX в. нормативно были «подтянуты» реальные училища. Они задавали структурную и нормативную планку, на которую равнялись все остальные средние образовательные учреждения страны. К началу XX в. нормативная система в России прошла долгий период развития и в целом достигла нового качественного состояния [Хаминов 2022, с. 295], однако это не привело к резкому росту качества воспитательной и административной работы в учреждениях.

Переход российского общества к революционному кризису не был одномоментным. На примере средней школы видно, что политически мотивированным действиям общества предшествовал длительный период нарастания потока социальных нарушений и отступлений от существующих правил и распорядка работы.

Революционный кризис связан с ростом девиантного поведения, который можно отследить через документы, отражающие нормативную составляющую жизни образовательного учреждения. Одним из таких источников являются циркуляры Министерства народного просвещения Российской империи. Эта разновидность делопроизводственной документации наиболее близка по смыслу современному понятию «рассылка», когда вышестоящее лицо или структура рассылает распоряжения или справочную информацию нижестоящей группе лиц или учреждений. Циркуляры носили в тот период как справочный, так и регламентный характер, в зависимости от содержания. Все циркуляры подшивались в единый журнал входящей документации и хранились в гимназии или училище для отчетности.

Переход в конце XIX в. служебной переписки с рукописной в печатную машинописную форму резко увеличил количество переписки, значительный объем которой и составляли министерские «циркуляры». Учитывая управленческую природу происхождения циркуляров, стоит отметить, что содержащаяся в них информация рассылалась всем образовательным учреждениям округа от имени Министерства народного просвещения и могла дублироваться во входящем журнале других учреждений. При поиске материалов приходится учитывать временные факторы публикации, чтобы избежать дублирования событий в разных учреждениях.

Содержащаяся в делопроизводственных документах информация достаточно явственно отражает широту и глубину социального процесса, охватывающего территорию всей империи. Тот или иной прецедент в образовательном учреждении страны через циркуляр становился значимым фактором для целого региона в рамках учебного округа и даже всей страны, что отражало историческую ситуацию не только регионального, но и общенационального характера.

Циркуляры МНП как источник по деятельности средних образовательных учреждений

Интенсивность циркуляров с образовательными структурами в второй половине XIX – начале XX в. не была однородной. В течение одного календарного года в 70-е годы XIX в. прямой подсчет отложившихся документов в одном образовательном учреждении в рукописной форме показывает, что их численность не превышала одной сотни писем. К концу века этот показатель стал выше во многом за счет рассылаемых материалов других организаций, которые в соответствии с предписаниями министерства увеличивали

горизонтальный документооборот между учреждениями. С введением в практику документооборота с применением печатной машинки, начиная с 1898 г., число циркуляров продолжило расти вместе с ростом сопроводительной и справочной информации в более высоких темпах. Объем журнала общей переписки за календарный год в начале XX в. составлял уже более 300 документов разного рода и характера в зависимости от степени сохранности материалов в учреждении. Можно констатировать, что с учетом ежегодной объемной отчетности о деятельности учреждений перед министерством документационная нагрузка на образовательные учреждения существенно выросла. Структурно общая переписка образовательных учреждений с министерством народного просвещения может быть поделена на несколько больших тематических групп, в которых в разных пропорциях выделяются вопросы методического характера, финансовые проблемы, а также вопросы организации учебного процесса.

В этой связи стоит особо отметить такое направление, как воспитательная работа в учреждениях. Документы, отражающие вопросы контроля и воспитания обучающихся обладают собственной содержательной динамикой. В этом отношении наиболее показательным маркером социальной динамики проблем воспитательной работы стали циркулярные уведомления учреждений образовательного округа о выявленных нарушениях учениками каких-либо школ правил поведения или регламента работы.

Нормативно циркуляры до начала XX в. основывались на правилах работы средних образовательных учреждений от 1874 г.¹, в которых выделялись 19 степеней нарушений учениками регламента работы учреждений, за которые следовали соответствующие санкции, начиная от обычной беседы с преподавателем, поднимаясь до карцера и даже полного исключения из состава учеников учреждения без права поступления в какое-либо образовательное учреждение в дальнейшем. Циркулярно министерство через попечителя образовательного округа уведомляло всех директоров гимназий и реальных училищ об отчислении учащегося из учебного заведения, характере правонарушения и в некоторых случаях предписывало не принимать его более ни в какие образовательные структуры в дальнейшем. Это была самая жесткая норма запрета, предусмотренная в рамках прав министерства народного просвещения, которая применялась при

¹ Правила для учеников гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения (Утвержденные министром народного просвещения 4 мая 1874 г.). Казань, 1874.

серьезных преступлениях, выше которых следовала административная или уголовная ответственность вне пределов образовательной системы.

Стоит отметить, что прецедентами выступали нарушения или преступления, совершенные на всей территории страны, а не только в одном образовательном округе. Предполагалось, что ученик, совершивший правонарушение в одном регионе, больше не должен иметь возможности проходить обучения нигде на территории империи ни в каком образовательном округе.

Циркуляры правительства, ограничивающие право на обучение, являются крайней мерой, и их наличие говорит о падении дисциплины в школе и необходимости корректировки социальной работы в обществе. Это стойкий маркер нарастающих общих проблем в управлении образовательной системой, свидетельствующих о крайне серьезных нарушениях, которые доводятся до сведения директоров учреждений через попечителей для усиления воспитательной работы.

Проанализировав состав этих циркуляров в начале XX в., можно получить представление о характере происходивших в школе изменений и некоторых социальных процессах, проявляющихся в экстраординарной форме. Также любопытной с научной точки зрения оказалась иерархия самих правонарушений, за которые полагалась такая жесткая ограничительная норма. В материалах некоторых средних учебных заведений сохранились достаточно полные наборы циркуляров, которые позволяют делать оценки, что дает возможность провести выборочный количественный анализ, и прийти к заключению об общих трендах социальных процессов в системе образования.

До начала XX в. циркуляры с использованием запретов на обучение встречаются достаточно редко. Первыми самыми заметными случаями, попавшими в рассылки Министерства народного просвещения, были ситуации с использованием огнестрельного оружия в учебных заведениях в развлекательных целях. Такая опасная ситуация, например, была в 1878 г., когда один ученик ранил другого на перемене по неосторожности². В этом случае министр народного просвещения граф Д.А. Толстой предписывал усилить надзор в учреждениях и со стороны родителей для недопущения попадания оружия в образовательные учреждения. Подобные ситуации возникали достаточно регулярно вплоть до первой российской революции, но редко сопровождались персональными

² Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 349. Оп. 1. Д. 22. Л. 24.

ограничениями на право обучения. По всей вероятности, возникавшие вопросы с учениками решались местными властями, и необходимости оповещать все учебные округа о тех или иных взысканиях у правительства не возникало.

Период революции и последовавшей мировой войны резко усугубил ситуацию с воспитательной работой в учреждениях, «нарушил нормальное течение жизни школы», что признавалась самим министерством: в сложившейся ситуации «одного надзора и дисциплинарных взысканий недостаточно»³. Первые циркуляры от правительства, наказывающие учеников за поведение лишением права обучаться в образовательных учреждениях, появляются в начале XX в. В этот период наиболее заметными были материалы об усилении надзора за поведением учеников в увольнении, летних каникулах, на железной дороге и т. д.⁴ Наиболее частыми случаями были административные вопросы несоблюдения дисциплины, нарушения формы одежды в общественных местах, непредставления документов надзирателю и т. д. Однако ограничение на право обучения массово не применялось, а единичные случаи запрета зачастую сопровождалось через некоторое время его снятием. Политические мотивировки в 1901–1904 гг. находились в явном меньшинстве и редко раскрывали суть нарушения, ограничиваясь пометкой о политической неблагонадежности. Эта словесная формула, судя по документам, также использовалась в сопроводительных письмах (характеристиках) при переводах учеников на новое место обучения и до первой российской революции в циркулярах была относительной редкостью.

Резкий скачок циркулярных писем с применением п. 19 правил о работе образовательных учреждений от имени попечителя Харьковского учебного округа происходит в период с весны до декабря 1905 г. В фонде Новочеркасского реального училища отложилась группа таких материалов, согласно которым в стране педагогическими советами средних учебных заведений начали активно применяться правила исключения учеников из состава учебных заведений. Из 30 имеющихся в фонде писем этого периода более половины составляли письма с санкциями против учащихся средних специальных и педагогических училищ. Ученики среди классических гимназий и реальных училищ встречаются значительно реже. Появились формулировки о политической неблагонадежности, которые составили большую часть обоснований нарушений.

³ Там же. Ф. 255. Оп. 1. Д. 30. Л. 43.

⁴ Там же. Д. 20. Л. 246.

Административные, уголовные или религиозные нарушения в этот период составили менее 10% писем с формулировками: «за оскорбление действием училищного начальства»⁵, «неподчинение требованиям совета, направленным для поддержания... порядка и спокойствия». Наиболее часто встречающиеся формулировки носили выраженный политический характер: «ввиду политической неблагонадежности»⁶. Также можно найти целые списки учеников по некоторым гимназиям, которыми администрации уведомляли окружного попечителя о количестве отчисленных учеников по п. 17 нарушений правил гимназий и прогимназий, например за пропуски без уважительной причины с правом восстановления в учреждении, сопоставимо с количеством отчисленных по п. 19 без права на дальнейшее обучение. Часть циркуляров в 1905 и 1906 гг. носили пометку «секретно», хотя в дальнейшем этот гриф на такого рода документах уже не использовался. По всей видимости власти начали использовать впоследствии этот тип документов как публичный материал для воспитательной работы.

Несмотря на несистемный характер отложившихся материалов периода первой российской революции можно констатировать, что около четверти материалов нельзя однозначно определить по степени совершенного нарушения, так как письмоводители не всегда называли причину запрета на обучение и характер нарушения, отмечая, например, только формулировку, запрещающую дальнейшее обучение. В 1905 г. нарушения встречаются как среди православных, так и среди евреев. Другие конфессиональные группы в циркулярах встречаются достаточно редко. Этот фактор зависит от региона, однако стоит отметить, что количественно число циркуляров по нарушителям православного и иудейского вероисповедания сопоставимо. С 1906 г. число циркуляров с ограничениями на получение образования резко снижается. Несколько лет ситуация, очевидно, оставалась под контролем администраций, и количественно объем писем с применением отчислений практически сравним с объемом таких писем начала века до первой революции. На первый план снова выходят вопросы посещения занятий, дисциплины и т. д.

С 1911 г. ситуация с циркулярными письмами резко меняется. Появляются многочисленные правительственные циркуляры, связанные с хулиганским или социально опасным поведением учеников: поджоги⁷, подложные документы о крещении (для

⁵ Там же. Ф. 349. Оп. 1. Д. 437. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 5, 6, 7.

⁷ Там же. Ф. 347. Оп. 1. Д. 10. Л. 227.

иудеев)⁸, состояние в преступном сообществе⁹. Произошел очевидный рост уголовных преступлений среди учеников. В дальнейшем эта категория нарушений будет составлять не менее четверти всех обоснований на лишение права обучения.

В 1911 г. в связи с появлением таких циркуляров министерство рассылоало специальные пояснения использования п. 19 правил о взысканиях с учеников гимназий и прогимназий 1874 г.¹⁰ В этих пояснениях указывалось, что, «по мнению товарища министра Георгиевского», применение самой жесткой меры наказания оправдано. Также в тексте рекомендаций добавляется, что необходимо в выдаваемых документах при отчислении указывать статью, по которой ученик отчислялся из состава учреждения, что до этого делалось нерегулярно. Гриф «секретно» с писем был снят, и они стали встречаться значительно чаще.

Таким образом, наличие п. 19 правил о взысканиях в справке об обучении, которую получал ученик при отчислении, с этого времени стояла пометка, которая запрещала всякую возможность учиться дальше.

С началом Первой мировой войны ситуация еще более обострилась. Всего за два неполных военных года только в журнале нахичеванской-на-Дону мужской гимназии отложились более 50 писем с предписаниями о запрете на обучение по преступлениям учеников, совершенных на территории империи. Типологически нарушения в этот период можно поделить на несколько групп, часть из которых носит уголовный характер, а часть имеет состав преступления, характерный для периода войны и связанный с нарушением политических, культурных и религиозных норм.

Одну группу, около трети от общего числа, составили уголовные преступления, которые были связаны с мошенничеством, вымогательством, угрозой жизни ученику или учителю и даже убийства. Эта группа не составляла абсолютного большинства в общей выборке правонарушений, однако попадала в циркуляры министерства по всему Харьковскому учебному округу как критически важная. Осенью 1914 г. воспитанник Благовещенской учительской семинарии Уфимской губернии был уволен из семинарии по решению педагогического совета за «нанесение кинжалом раны воспитаннику того же класса... лишен права поступления в какое-либо учебное заведение ведомства народного просвещения»¹¹.

⁸ Там же. Л. 243.

⁹ Там же. Л. 184.

¹⁰ Там же. Л. 240.

¹¹ Там же. Ф. 255. Оп. 1. Д. 15. Л. 298.

Были указаны случаи нападения не только на учеников, но и на учителей¹², «покушение на кражу при оружии»¹³. Как уже отмечалось, до начала XX в. за оружие в учебных заведениях так жестко не наказывали, что говорит о явно возросшей социальной опасности и более осознанном применении оружия.

Вторую крупную группу, так же около трети от общей массы циркуляров такого рода, составили правонарушения, которые квалифицировались как оскорбительные с религиозной или социальной точки зрения. Тут наблюдается заметное разнообразие формулировок в мотивировочной части, так как ситуации были достаточно разнородны.

Осенью 1914 г. ученик среднего учебного заведения г. Харькова в общественном месте неподобающе себя вел, был без «выходного билета» и отказался идти с наблюдателем для выяснения личности. По итогам разбирательства министерством ученик циркулярно лишался права поступать и учиться в учреждениях города. Причем в документе прописано, что впредь, если ученики не будут «беспрекословно исполнять предложения наблюдателя отправиться вместе с ним для выяснения личности или другой цели, оказывать полное повиновение требованиям наблюдателя, то будут подвергаться строгому взысканию, не исключая и высшей меры его исключения из учебного заведения даже без права поступления в другое»¹⁴. Вполне очевидно, что подобный случай не был в регионе в этот период исключительным, а стал частым явлением, что вынудило администрацию превращать циркулярные распоряжения в карательные и воспитательные меры, ориентируя руководство учебных заведений поступать соответственно. Встречаются формулировки «оскорбление действием преподавателя»¹⁵, «оскорбление действием исполняющего обязанности инспектора» училища¹⁶, за которое также следовало исключение из учреждения.

Есть в числе документов оскорбления религиозного характера, где нередко наказывались «инородцы». Например, «ученик... Ицхак Логинский отчисляется из ремесленной школы без права поступления в другое заведение “за поругание в присутствии учеников школы площадной бранью животворящего Креста Господня”»¹⁷.

¹² Там же. Д. 30. Л. 123.

¹³ Там же. Л. 77.

¹⁴ Там же. Д. 15. Л. 292.

¹⁵ Там же. Д. 30. Л. 180.

¹⁶ Там же. Д. 15. Л. 241.

¹⁷ Там же. Л. 297.

Нередко в документах не расписывались виды нарушений, а ограничивались указанием имени и вероисповедания воспитанника и указанием общей формы «за совершение кощунства»¹⁸, «совершенно нетерпимое поведение»¹⁹. Стоит отметить, что примеры нарушения для рассылки использовались со всей территории империи с указанием не только имен, но учебных заведений, не ограничиваясь рамками одного учебного округа. По соображениям этики приводить их полностью не имеет смысла, поэтому будем ограничиваться типологией нарушений и временем их происхождения.

В качестве мер по борьбе с растущей напряженностью в школе циркулярно предлагались меры по «воспитанию в средней школе» о наращивания связи школы с семьей, в числе которых были: внимание к преподаванию Закона Божьего, повышение воспитательного значения образовательных предметов, введение воспитательных комиссий, наращивание значения физического воспитания в школе, эстетическое воспитание (увеличение часов рисования, посещение культурных мероприятий), использования института социального воспитания и товарищества, расширение экскурсий, различия в постановке преподавания и воспитания в мужских и женских учебных заведениях, усиление роли родительских комитетов²⁰. Нетрудно заметить, что вполне здраво звучащие предложения, которые могли влиять на ситуацию в долгосрочной перспективе, мало воздействовали на растущую кризисную ситуацию в школе в период военного времени и не снижали степень радикализации общества.

Третью группу в период войны в циркулярах составили политические правонарушения и пропаганда против военных действий. Эта группа так же занимала около трети от общего числа циркуляров об ограничении доступа к обучению и активизировалась в 1916 г., когда социальный и политический кризис в обществе в связи с военными действиями стал проявляться достаточно явно. В этой группе циркуляров фигурировали иные формулировки, согласно которым наказывали за «письма, составленные в непристойных выражениях и оскорбительные для нравственного и патриотического чувства русских людей»²¹, «распространение противоправительственных прокламаций»²². Встречаются письма, наказывающие за «резкое осуждение патриотических чувств уче-

¹⁸ Там же. Л. 319.

¹⁹ Там же. Д. 30. Л. 174.

²⁰ Там же. Л. 44.

²¹ Там же. Л. 277.

²² Там же. Л. 107.

ников, желавших поступить добровольцами в армию»²³, «дерзкое проявление сочувствия врагам России»²⁴, а также оскорбительные высказывания и действия в отношении императора или официальных портретов представителей династии²⁵. Надо отметить, что на рубеже веков символическая сторона воспитательной работы была достаточно широко представлена. Портреты монархов, военных, ученых закупались в каждом учреждении и были предметом постоянной заботы администрации. Частыми были в период первой мировой войны ограничительных правил оставались формулировки исключить из гимназии за «документы, весьма компрометирующие в политическом отношении», «ввиду политической неблагонадежности»²⁶. Подобная формулировка, вполне вписывающаяся в практику советского образования, как уже отмечалось, встречалась и до революции, что говорит о высоком уровне политического напряжения в средней школе.

Целый ряд нарушений сложно систематизировать, так как они не попадали под прямое ограничение на право обучения через циркуляр ввиду массовости нарушений и сложности их фиксации. Например, ряд циркуляров (5 писем) касались ограничительных мер коллегиально и безлично и носили предписывающий характер. В них не было отмечено конкретное лицо, наказываемое за правонарушение, но инструктивно указывалась необходимость решать проблему на месте. Например, к таким ситуациям относились вопросы незаконного приписывания евреями себе религиозного статуса христиан для продолжения обучения, непредставление достоверной документации о семье, посещение кинотеатров (по причине аморального содержания сеансов – «адюльтера»), запрет на исполнения танца танго как несоответствующего моральному облику общества и др.²⁷ Такие нетрадиционные ситуации предписывалось решать на месте, проводя разъяснительную работу, а в случае систематического повторения – приостанавливать обучение в учреждении. Очевидно, что происходило расширение использования практики применения ограничений на право обучения ввиду явного увеличения количества и уровня нарушений, которые стали не только более серьезными, но и более распространенными.

²³ Там же. Д. 20. Л. 6.

²⁴ Там же. Л. 175.

²⁵ Там же. Д. 27. Л. 188.

²⁶ Там же. Д. 30. Л. 145, 195, 218.

²⁷ Там же. Д. 15. Л. 83.

Нельзя сказать, что у правительства растущее социальное напряжение в школе не вызывало тревоги и реакции. Однако большинство предложенных мер носили декларативный и формальный характер. Предлагалось, например, проводить патриотические беседы, увеличить число патриотической литературы, усилить программы пожертвований для фронта, повесить портреты героев войны и августейших особ и т. д.

Любопытное наблюдение можно сделать по циркулярам, связанным с рекомендациями учреждениям принимать литературу для библиотек гимназий и реальных училищ, начиная с 1905 г. В конце XIX в. подавляющее большинство литературы, рекомендуемой для приобретения учреждениями, носило сугубо предметный и образовательный характер. В течение года в учреждении могло отложиться более двух десятков рекомендаций по книгам для сопровождения преподавания различных дисциплин. В начале XX в. в циркулярах резко увеличивается количество рекомендуемой литературы по патриотической тематике, биографиям выдающихся людей, просветительским журналам и даже книгам по психологии, которые не имеют прямого отношения к преподаваемым дисциплинам. Эти материалы всякий раз шли с пометкой как необходимые для воспитательной работы с учениками.

Реальное положение дел в образовании стремительно менялось и носило нелинейный характер. Усиление мер по воспитательной работе сопровождалось целым рядом явных послаблений. Циркуляры, начиная с 1915 г., содержат целый ряд нововведений, смягчающих часть запретов в жизни школы, за которые в прежнее время можно было лишиться статуса обучающегося. Например, фактически снимаются жесткие запреты на квотирование числа евреев в учебном заведении²⁸, ношение формы по общепринятому образцу, соблюдение расписания учреждения с использованием экстерната, разрешения обучаться переселенцам без представления полной информации о себе, разрешение принимать в начальные классы учебных заведений без испытаний и годовых отметок²⁹. Утверждения о необходимости сохранять порядок в учреждениях чередовались с фактическим признанием отступлений администраций учебных заведений от правил работы³⁰.

Следует отметить, что все указанные циркулярные письма лишили права на обучение только учеников мужского пола. Воспитательная работа в женских учебных заведениях заметно отличалась

²⁸ Там же. Л. 179.

²⁹ Там же. Д. 30. Л. 125.

³⁰ Там же. Д. 15. Л. 90.

от мужской и случаи попадания воспитанниц гимназий в имперские циркуляры с запретом на обучение большая редкость. Это не означает полного порядка работы в женских гимназиях. Это скорее говорит о значительной разнице в поведенческих правилах в обществе, когда полноценного равенства в обществе не сформировано, а основное внимание попечителей сосредоточено на социальных и военных задачах.

Заключение

В циркулярах Министерства народного просвещения применение суровых мер по ограничению права обучения в средних учебных заведениях до начала XX в. носило фрагментарный характер. С 1902 г. усложнение общей ситуации в обществе поставило под угрозу нормальный процесс обучения, что заставило активно использовать ограничения на право обучения. В 1905 г. подавляющее большинство циркулярных ограничений на право обучения носило политический характер. В период первой российской революции произошел резкий скачок политических нарушений в гимназиях и училищах, что было связано с активной протестной кампанией и началом открытой политической жизни в стране. До 1905 г. необходимости в таких жестких мерах не наблюдалось и процесс обучения шел по достаточно понятной и мало меняющейся траектории.

С 1911 г. в циркулярах происходит лавинообразный рост применения 19-го пункта правил поведения в гимназиях и прогимназиях. Помимо политических мотивировок активно растут уголовные и административные преступления в примерно равных пропорциях. В период первой мировой войны в самостоятельную группу нарушений выделились преступления против государства и антивоенная пропаганда.

Средняя школа вступила в период социального кризиса заметно позже, чем система высшего образования, но сделала это более резко и лавинообразно. Ужесточение наказаний за поведение учеников к первой мировой войне сочеталось с реальным распадом единой системы управления образованием. Усиление санкций в виде ограничения на право обучения сочеталось с смягчением многих норм управления образовательным процессом. Применение самых жестких мер ограничения допуска к образованию к периоду первой мировой войны в сочетании с мерами дерегулирования и смягчения контроля над многими аспектами образовательного процесса иллюстрирует общую тенденцию потери правительством контроля над ситуацией в обществе.

Литература

- Любжин 2018 – Любжин А. Образовательные пилотные проекты эпохи Александра II // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С. 326–333.
- Овчинникова, Козлова, Бозиев 2016 – Овчинникова А.В., Козлова Г.Н., Бозиев Р.С. Взаимоотношения власти и общества в сфере общего образования России второй половины XIX – начала XX в. // Педагогика. 2016. № 6. С. 89–99.
- Пашкова 2011 – Пашкова Т.И. Учащиеся средних учебных заведений Петербурга в первые месяцы революции 1905 г. // Политическая история России XX в.: К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: Сборник научных трудов / ред.-сост. Б.Д. Гальперина, А.Б. Николаев. СПб., 2011. Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., 2011. С. 93–104.
- Пашкова 2014 – Пашкова Т.И. «Учительский бунт» (к истории волнений в Санкт-Петербургском Первом реальном училище в 1905–1906 гг.) // Вестник Пермского университета. Серия: «История». 2014. Вып. 3 (26). С. 132–142.
- Перцев 2016 – Перцев В.В. Дореволюционная гимназия как воспитательная система // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 3. С. 41–45. URL: <http://e-koncept.ru/2016/16047.htm> (дата обращения 28 ноября 2024).
- Хаминов 2022 – Хаминов Д.В. Система общего и высшего образования в Российской империи: принципы и направления государственной политики, нормативное регулирование и органы управления (историко-правовой аспект) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 285–299.

References

- Khaminov, D.V. (2022), “The system of general and higher education in the Russian Empire. Principles and directions of state policy, regulatory framework and governing bodies (historical and legal aspect)”, *Tomsk State University Journal*, no. 474, pp. 285–299.
- Lyubzhin, A. (2018), “Educational pilot projects in the Reign of Alexander II”, *Tetradī po konservatizmu*, no. 3, pp. 326–333.
- Ovchinnikova, A.V., Kozlova, G.N. and Boziev, R.S. (2016), “The relationship between government and society in the field of general education in Russia in the second half of the 19th–early 20th centuries”, *Pedagogics*, no. 6, pp. 89–99.
- Pashkova, T.I. (2011), “Students of secondary educational institutions of St. Petersburg in the first months of the 1905 revolution”, in Gal’perina, B.D. and Nikolaev, A.B., eds., *Politicheskaya istoriya Rossii XX v.: K 80-letiyu professora Vitaliya Ivanovicha Startseva: Sbornik nauchnykh trudov* [Political history of Russia of the 20th century. On the 80th anniversary of professor Vitalii Ivanovich Startsev. Collected scientific papers], Izdatel’stvo RGPU im. A.I. Gertsena, Saint Petersburg, Russia, pp. 93–104.

- Pashkova, T.I. (2014), “‘Teachers’ revolt’ (on the history of unrest in the St. Petersburg First Real College in 1905–1906)”, *Perm University Herald. History*, Publishing Center of Perm University Press, Perm, vol. 26, iss. 3, pp. 132–142.
- Pertsev, V.V. (2016), “Pre-revolutionary gymnasium as educational system”, *Concept: Scientific and methodological electronic journal*, no. 3, pp. 41–45, available at: <http://e-koncept.ru/2016/16047.htm> (Accessed 28 Nov. 2024).

Информация об авторе

Евгений В. Шандулин, кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; 344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 140; shandulin@yandex.ru
ORCID 0000-0001-9077-1092

Information about the author

Evgenii V. Shandulin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; 140, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, Russia, 344006; shandulin@yandex.ru
ORCID 0000-0001-9077-1092

Государственная политика в санаторно-курортной сфере в период Первой мировой войны

Светлана В. Букалова
*Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС,
Орёл, Россия, STL1612@yandex.ru*

Аннотация. Статья освещает структуру санаторно-курортной отрасли Российской империи накануне Первой мировой войны и изменения, возникшие в данной сфере под влиянием войны. На основе публикаций специализированных изданий периода войны автор анализирует роль государства в решении задач развития курортной отрасли и мобилизации российских курортов на нужды войны. Сделан вывод о растущем государственном регулировании и финансировании развития отечественных лечебных местностей. Факторами, обусловившими трансформацию роли государства в управлении курортной сферой, стал резко выросший интерес к отечественным курортам среди гражданской публики в связи с закрытием границ и потребность в санаторной реабилитации раненых. Война привлекла общественное внимание к курортной отрасли. Земский союз и Союз городов предпринимали усилия по закреплению под своим началом организации санаторного лечения раненых при государственном финансировании. Возникли две влиятельные благотворительные организации, объединившие представителей элиты и ориентированные на развитие отечественных курортов – Всероссийское общество здравниц в память войны 1914 г. и Всероссийское общество для развития и усовершенствования русских лечебных местностей. Военный фактор вызвал тенденцию повышения доступности санаторного лечения для широких слоев.

Ключевые слова: Российская империя, Первая мировая война, курорты, санатории, раненые, инвалиды, Земский союз, Союз городов

Для цитирования: Букалова С.В. Государственная политика в санаторно-курортной сфере в период Первой мировой войны // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 1. С. 111–126. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-111-126

State policy in the sanatorium and resort during World War I

Svetlana V. Bukalova

*Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА,
Orel, Russia, STL1612@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the sanatorium industry in the Russian Empire before World War I. It also explores the way it changed under the influence of the war and analyzes the role the government played working out the tasks of developing the resort industry and using Russian resorts for military purposes. The author draws conclusions about the increased state regulation and funding of the domestic healthcare. The key factors that led to these changes included the increased inflow of ordinary people to Russian resorts due to the closure of foreign borders and the need for rehabilitation of wounded soldiers. The war inflicted attention to domestic resorts. The Zemstvo Union and the Union of Cities made efforts to organize under their leadership and at the state expenses the sanatorium treatment of wounded soldiers. Besides, there emerged two influential charitable organizations that united elite representatives and focused on the development of domestic health resorts – the All-Russian Society of Health Resorts in Memory of the War of 1914 and the All-Russian Society for the Development and Improvement of Medical Areas in Russia. The military context led to an increased tendency to make sanatorium treatment more accessible to the general public.

Keywords: The Russian Empire, the World War I, resorts, sanatoriums, the wounded, the disabled, the Zemstvo Union, the Union of Cities

For citation: Bukalova, S.V. (2025), “State policy in the sanatorium and resort during World War I”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 111–126, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-111-126

Введение

В начале XX в. отечественная курортная отрасль начала пользоваться растущим спросом и признанием, но все еще значительно отставала от европейской. Первая мировая война стала фактором, поставившим курортное дело в России на грань качественного изменения – создания нового формата массовых здравниц и освоения новых районов. Выявление акторов этого процесса трансформации отечественной курортной сферы, а также государственного участия в нем составляет предмет исследования настоящей статьи.

Новые тенденции в курортной отрасли освещались и обсуждались на страницах периодических изданий, прежде всего, специализированного журнала «Целебные силы России», а также «Вестника Красного Креста» и «Известий Всероссийского союза городов». Авторы публикаций стремились не только проинформировать потенциальных пациентов и медицинское сообщество о возможностях российских курортов, но и наметить основные принципы их адаптации к требованиям времени. Большую роль в решении этой задачи сыграл съезд по улучшению отечественных лечебных местностей, труды его участников были оперативно изданы и распространены среди заинтересованных лиц и организаций¹.

Представленные материалы были проанализированы с позиций выявления управленческих механизмов, отражавших как содержание государственной политики в отношении санаторно-курортной сферы, так и методов ее мобилизации на нужды войны. Системный подход позволил определить круг действующих субъектов развития курортной отрасли и принципы взаимодействия между ними.

Эволюция правового регулирования курортной сферы в России и его организационного воплощения представлена в монографии Т.В. Самариной [Самарина 2009]. Отмечена структурирующая роль монарха, делегирующего государственным структурам властные полномочия, расширяющиеся по мере роста отечественных курортов. Однако специфика Первой мировой войны не нашла отражения в данной работе. Внимание других исследователей было сосредоточено на изучении развития отдельных санаторно-курортных зон – Южного берега Крыма [Карагодин 2021], Черноморского побережья Кавказа² и даже Русского Севера [Трошина, Морозова 2023]. С.В. Бельчинкова освещает работу Всероссийского общества здравниц в память войны 1914 г. на основе документов Канцелярии императрицы Александры Федоровны [Бельчинкова 2021]. Касаясь периода Первой мировой войны в развитии инфраструктуры курортных местностей, авторы исследований не уделяли достаточно внимания общей стратегии развития курортного дела и его организационной основе. Между тем изучение проблемы с данной точки зрения может привести

¹ Труды Съезда по улучшению отечественных лечебных местностей / под ред. П.Н. Булатова. Т. 1. Вып. 1–3; Т. 2. Вып. 4–6. Пг., 1915. 1093 с.

² *Краснокутский В.С.* Курорты Северного Кавказа в период I мировой войны: Учебное пособие по дисциплине «История народов Северного Кавказа» / В.С. Краснокутский, Л.И. Краснокутская. Пятигорск: РИА-КМВ, 2019. 239 с.

к интересным и обладающим практической актуальностью выводам об опыте взаимодействия государственного регулирования и финансирования с частной и общественной инициативой в сфере рекреации и туризма.

Наиболее концептуальный характер имеет публикация японского историка-русиста Йоширо Икеды (Yoshiro Ikeda), который трактует трансформацию курортной отрасли, разворачивавшуюся под влиянием Первой мировой войны, как процесс национальной консолидации и становления российской гражданской нации, который проходил между двумя «полюсами» – патерналистско-имперским, олицетворяемым «Обществом здравниц в память войны» под патронажем императрицы, и демократическим, представленным Всероссийским земским союзом [Ikeda 2016]. По мнению автора, повышение доступности санаторного лечения, стоявшее на повестке дня в годы войны, трактовалось земской буржуазией как приобщение народных масс к природным богатствам Родины, тогда как состоявшие под августейшим патронажем благотворительные общества стремились консолидировать различные группы подданных вокруг династии.

Следует иметь в виду, что период Первой мировой войны был экстремальным, поставившим перед государством широкий ряд масштабных задач, требовавших неотложного решения. Тотальный (всеохватный) характер Первой мировой войны усиливал роль государства в жизни всех стран-участниц войны. Только государственная казна могла обеспечить финансирование мобилизационных проектов. Тем самым государственная и предлагаемая общественностью идеологии развития курортного дела не представляли альтернатив друг другу, а находились во взаимодействии и взаимовлиянии.

Российские курорты в начале XX в.

Проблемы «русских лечебных местностей» в начале XX в. были удивительно созвучны современным – прежде всего это неразвитая инфраструктура и низкий уровень сервиса. В курортных поселках не было канализации, улицы оставались немощеными, а жилье и еда были дороже и худшего качества, нежели на европейских курортах. Для того чтобы изменить сложившуюся ситуацию, требовались крупные инвестиции и государственное регулирование.

Центральное управление казенными курортами с 1899 г. осуществлял Горный департамент Министерства торговли и промышленности, в котором был образован Отдел соли и минеральных

вод. Во время Русско-японской войны в составе Министерства внутренних дел было создано Управление главного врачебного инспектора. Его 4-е делопроизводство – курортное – вело дела, касавшиеся санитарного благоустройства лечебных местностей [Трошина, Морозова 2023, с. 63–64]. В 1913 г. МВД провело Всероссийскую гигиеническую выставку, на которой было представлено и отделение по курортному делу [Самарина 2009, с. 45].

Отечественные лечебные местности находились в ведении разнообразных структур: в большинстве своем, минеральные воды находились в ведении Министерства торговли и промышленности, но некоторые могли управляться Военным ведомством, МВД, властями горного округа или местным самоуправлением³.

Курорты, прилегавшие к железнодорожным линиям, могли принадлежать акционерным обществам соответствующей железной дороги. Так, общее собрание акционеров Северодонецкой железной дороги ассигновало 1 млн руб. на улучшение Славянска и Славянских Гор, где предполагалось открыть новые санатории. Управления некоторых железных дорог устраивали для своих служащих климатические станции, санатории, кумысолечебницы и грязелечебницы. Так, Владикавказская железная дорога имела 5 собственных санаториев на 130 мест, Ташкентская – содержала кумысолечебницу на 112 мест, Рязанско-Уральская железная дорога – грязелечебницу на 100 мест на озере Эльтон⁴.

В собственности частных лиц находились Друскеники, Наленчов, Бирштаны и немногие другие, но их уровень оставлял желать лучшего, так как их владельцы не располагали необходимыми для развития курорта средствами. Исключение составлял Боржом, принадлежавший великому князю Николаю Михайловичу.

Для развития курортов мог привлекаться акционерный капитал. Например, в Хосте существовало акционерное общество, эксплуатировавшее Мацестинские минеральные источники. В Архангельской губернии было образовано акционерное общество для устройства курорта в районе Унской губы⁵.

³ *Фрейберг Н.Г.* Сосредоточение заведывания лечебными местностями в одном ведомстве // Труды Съезда по улучшению отечественных лечебных местностей. Т. 2. Вып. 4. С. 4.

⁴ *Деметьев Е.М., Заусайлов М.А.* Деятельность Министерства путей сообщения по оказанию специального врачевания железнодорожных служащим в лечебных местностях // Труды Съезда по улучшению отечественных лечебных местностей. Т. 2. Вып. 4. С. 49.

⁵ Русские лечебные местности // Вестник Красного Креста. 1916. № 6. С. 2188–2197.

Непосредственно санаторные заведения могли быть частными – как принадлежать отдельным лицам, так и быть в управлении акционерных обществ, находиться в ведении местных самоуправлений, либо же принадлежать каким-либо государственным ведомствам. Министерству финансов, например, принадлежали санитарные станции в Сочи, Евпатории, Гапсале и Буске, способные принять за сезон около 600 человек, которые использовались для нужд Отдельного корпуса пограничной стражи⁶.

Закон об охране лечебных местностей и его реализация

За несколько месяцев до вступления России в великую европейскую войну был принят Закон о санитарной и горной охране лечебных местностей от 24 апреля 1914 г.⁷ Совет министров предписал министру торговли и промышленности выработать меры, необходимые для упорядочения курортного дела в России. Было образовано совещание по вопросу о мерах для улучшения казенных лечебных местностей.

Курортной местности в законодательном порядке мог быть присвоен статус имеющей общественное значение, в этом случае устанавливались округа санитарной и горной охраны. Предполагалось, что постепенно в курортных районах будут образованы санитарные комиссии с функцией контроля, полномочиями подготовки проектов обязательных постановлений и установления курортных сборов, однако Положение о санитарных комиссиях так и не было введено в действие. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков заметил, что владельцы частных курортов не желали принимать ограничения, налагаемые признанием общественного значения лечебных местностей, и уклонялись от признания их таковыми. Министр указал, что, если в течение полугода от владельцев курортов не поступит заявления о присвоении им предусмотренного законом статуса, это будет сделано самим министерством⁸.

⁶ *Гурьев Н.Н.* Призрение раненых и больных воинов на санитарных станциях, состоящих в ведении Министерства финансов // Труды Съезда по улучшению отечественных лечебных местностей. Т. 2. Вып. 5. С. 137–144.

⁷ О санитарной и горной охране лечебных местностей. Одобренный Государственным советом и Государственной думой и высочайше утвержденный закон от 24 апреля 1914 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914. Отд. 1. № 105. Ст. 1212. С. 1727–1736.

⁸ Хроника // Целебные силы России. 1915. № 4. С. 8.

Главное управление землеустройства и земледелия циркулярно поручило заведующим землеустройством казенных земель до 1 ноября 1915 г. собрать сведения обо всех находящихся на казенных землях курортах, кумысолечебницах, климатических станциях и дачных поселках, и о тех казенных землях, которые могут быть предоставлены для устройства курортов. Следовало указать ближайшие необходимые мероприятия для лечебного использования этих земель⁹.

Закон о санитарной и горной охране лечебных местностей различал следующие их типы: горноклиматические и приморские станции, грязевые ванны, минеральные воды, кумысолечебницы. К 1915 г., по собранным анкетным данным, так или иначе функционировало около 600 лечебных местностей: 386 источников минеральной воды, 165 кумысных станций; 68 курортов располагали соляными ваннами, лиманами и грязями, были известны 65 местностей для морских купаний, 20 туберкулезных санаторий. В них ежегодно проходили лечение 504 тысячи больных, из которых в Крыму – 100 тыс., на восточном побережье Черного моря – 75 тыс., на Рижском взморье – 60 тыс., на минеральных водах – 40 тыс., серные ванны принимало 40 тыс., грязи, лиманы и соляные ванны посещали 126 тыс., кумысолечение – 25 тыс., в санаториях, специализирующихся на внутренних болезнях проходили лечение 3 тыс. человек¹⁰.

Первая мировая война и курортное дело

Мировая война существенным образом переформатировала санаторно-курортную сферу России. С одной стороны, публика оказалась отрезанной от привычных европейских курортов. С другой стороны, общество и государство обратили внимание на использование рекреационных ресурсов для помощи пострадавшим. По сведениям с мест, одновременно на российских курортах можно было разместить 25 тыс. раненых. Верховное попечение о русских лечебных местностях в смысле их приспособления к военным нуждам было возложено на Начальника санитарной и эвакуационной части – принца Ольденбургского. А.П. Ольденбургский был весьма осведомлен в курортном деле, развивая собственный проект

⁹ Подготовка русских лечебных местностей к сезону 1915 г. // Вестник Красного Креста. 1915. № 3. С. 940–942.

¹⁰ Статистика больных и лечебных мест в России // Целебные силы России. 1915. № 9. С. 185.

устройства климатической станции в Гаграх. При его посредстве из военного фонда началось выделение денег на потребности курортного лечения раненых из отпущенного кредита в 1,5 млн рублей на улучшение и развитие лечебных местностей. Для контроля состояния лечебных местностей и целесообразности произведенных расходов была назначена комиссия под председательством временного заведующего делами по улучшению отечественных лечебных местностей – члена Государственного совета, бывшего городского главы Таганрога и медика по образованию П.Ф. Иорданова¹¹.

Одновременно при Министерстве внутренних дел была образована межведомственная комиссия по вопросам управления лечебными местностями под председательством заместителя министра внутренних дел Н.В. Плеве, которая поручила председателю Медицинского совета, академику Императорской Военно-медицинской академии Г.Е. Рейну курировать организацию лечения раненых на курортах. В работе комиссии принимали участие известные российские ученые-медики Н.Ф. Гамалея, В.А. Левашов, Н.П. Симановский и другие [Краснокутский 2008].

Произведя осмотр 5,5 тыс. раненых, нуждавшихся в послелазаретном лечении, комиссия МВД пришла к выводу, что курортное лечение необходимо для 40 тыс. пострадавших на фронте. Ответственные организации существенно повышали эту цифру. Комиссия по организации помощи больным воинам в лечебных станциях и санаториях при Петроградском областном комитете Союза городов распространила по лазаретам опросные листы для выяснения числа нуждающихся в санаторном лечении. Всего были проанкетированы 7800 человек в 181 лазарете, из которых в специальных видах лечения нуждались 14,5%. Анкетирование московских лазаретов аналогичной Московской комиссией Союза городов, показало еще большую долю нуждавшихся в санаторном лечении: для 7,1% было признано желательным климатическое лечение, 10% нуждались в лечении водами, грязями и кумысом, и 2,6% страдали от туберкулеза. Таким образом, кандидатами на специальное лечение были 19,7% пациентов¹². Учитывая общее число раненых Первой мировой войны, количество потенциальных пациентов санаториев стремилось к 1 млн человек. Для них признавалась важность мер медицинской, в том числе санаторной реабилитации, позволявшей не только вернуть раненых в строй, но и восстановить трудоспособность, снизив долю инвалидизации.

¹¹ Хроника // Целебные силы России. 1915. № 15. С. 325.

¹² *Бертенсон Л.В.* Санаторная помощь больным и раненым воинам // Известия Всероссийского союза городов. 1915. № 9. С. 41–47.

Всего правительство предполагало ассигновать на развитие курортного дела 23 млн руб. Государственное финансирование распределяла Особая межведомственная комиссия по приспособлению отечественных лечебных местностей к лечению больных и раненых воинов под председательством товарища министра финансов А.И. Николаенко. Комиссия распределяла правительственные ссуды с обязательством предоставить для раненых оговоренное количество мест в лечебном сезоне 1915 и 1916 гг. Так, была одобрена ассигновка городу Бердянску 75 тыс. руб., городу Кашину 40 тыс. руб., Тотемскому уездному земству Вологодской губернии 20 тыс. руб., В.М. Стунскому, владельцу санатория «Царский дар» Бузулукского уезда Самарской губернии – 100 тыс. руб. Получатели ссуд обязались предоставить в 1915 г. 550 мест для раненых, а в 1916 г. – уже 800 мест¹³.

Общественное участие в развитии курортного дела

После начала мировой войны в России появились две общественные организации, поставившие своей целью содействие развитию отечественных курортов в соответствии с национальными интересами. Обе они были организованы на весьма представительном уровне. Сразу же после прекращения доступа российской публики на европейские курорты было образовано Всероссийское общество для развития и усовершенствования русских лечебных местностей, почетным председателем которого был избран Главнуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин. Основателями общества стали князь А.П. Багратион-Мухранский и князь С.П. Урусов. Среди членов правления были Н.И. Гучков, фрейлина Е.Ф. Джунковская, члены Государственного Совета А.С. Ермолаев, П.Ф. Иорданов, А.А. Риттих и князь А.М. Эристов, сенатор Н.Д. Чаплин. В состав Общества вошли многие выдающиеся представители курортного дела – как врачи, так и предприниматели. Учредительное собрание прошло 21 августа 1914 г., устав общества был утвержден 16 сентября, а первое собрание состоялось 1 октября 1914 г. На докладе об этом событии появилась резолюция императора: «Весьма своевременное и полезное начинание». На развитие деятельности нового общества Николай II отпустил крупную сумму¹⁴.

¹³ Хроника // Целебные силы России. 1915. № 12. С. 254.

¹⁴ Там же. № 1–2. С. 2–3.

Обществом было предпринято издание журнала «Целебные силы России», знакомявшего публику с рекреационным потенциалом страны и осведомлявшего деятелей курортной отрасли о происходившем в ней. Журнал отличался высоким полиграфическим качеством и разнообразием материалов. В крупных городах и курортных центрах были открыты местные отделения. Среди прочего, Общество поставило себе задачу выяснить условия приспособления курортных местностей для лечения раненых.

Всероссийское общество здравниц в память войны 1914 г. было создано по инициативе старшего врача одного из царскосельских лазаретов Б.Н. Беляева под покровительством императрицы Александры Федоровны¹⁵. Устав Общества был утвержден 10 мая 1916 г. Николаем II, им же было передано Обществу 600 тыс. рублей. В совет благотворительного общества были приглашены представители министерств, Верховного начальника санитарной и эвакуационной части, Земского союза и Союза городов. Общество начало деятельность в октябре 1915 г., располагая капиталом около 1 млн руб. Однако число санаторных мест, находящихся в распоряжении Общества здравниц в память войны 1914 г., было невелико. Под устройство санатория ему была передана дача эмира Бухарского в Железноводске¹⁶, а также туберкулезная санатория Военного ведомства в Массандре на 75 человек, перепрофилированная «для выздоравливающих и переутомленных» офицеров и чинов военного ведомства [Калинин 2002, с. 183–213].

Обществом рассматривались проекты строительства грязе-лечебницы на 700 мест под Евпаторией и здравницы на 200 мест в Царском Селе. Планировалось также открыть клинические санатории в каждом военном округе. Реализация планов и задумок благотворительной организации предполагалась преимущественно за счет казенного финансирования: летом 1916 г. в Совете министров было запрошено ассигнование в размере 10,4 млн рублей [Бельчинкова 2021].

В январе 1915 г. Министерством внутренних дел был организован Всероссийский съезд по улучшению отечественных лечебных местностей. На съезде присутствовали 1199 делегатов со всей России, которые всесторонне обсуждали проблемы и приоритеты развития курортной сферы. В работе съезда принимали

¹⁵ Всероссийское общество здравниц в память войны 1914–1915 гг.: Устав общества. Пг.: Гос. тип., 1915. 30 с.

¹⁶ Минеральный сезон // Вестник Красного Креста. 1916. № 6. С. 2197–2202.

участие многие заинтересованные ведомства: Медицинский совет МВД в полном составе, представитель I департамента Министерства юстиции, Министерства путей сообщения, Министерства торговли и промышленности, Государственного контроля, Главного управления землеустройства и земледелия, Министерства финансов, Министерства народного просвещения и Морского министерства, Главного военно-санитарного управления, Горного ученого комитета, Геологического комитета и Гидрологического комитета, Лесного департамента и Главного управления по делам местного хозяйства МВД. От общественности в работе съезда приняли участие представители Общества для развития и усовершенствования курортных местностей, Главного комитета Земского союза, Петроградского областного комитета Союза городов, отдельных городских самоуправлений и земств, университетов, научной и медицинской общественности, а также представители железнодорожных компаний. V отдел Съезда обсуждал вопрос о призрении раненых и больных воинов в лечебных местностях. Председателем отдела был врач-педиатр, почетный лейб-педиатр Двора С.А. Острогорский от Главного военно-санитарного управления.

Важной проблемой, которая поднималась как на съезде, так и на страницах периодики, был вопрос об организации управления санаторно-курортным делом в России, в том числе в связи с возросшим государственным финансированием этой сферы. М.С. Зернов – известный физиотерапевт, занимавшийся развитием курорта Ессентуки – утверждал, что задача экстренного расширения принимающей способности российских курортов, формирование сегмента массового оздоровления и создание условий для приема раненых может быть решена только Земским союзом и Союзом городов, и только на государственные средства¹⁷. П.Ф. Иорданов также призывал закрепить развитие лечебных местностей и руководство послезаветным курортным лечением за ВЗС и ВСГ. Такая резолюция была принята на заседании отдела¹⁸. Пожелания о передаче санаторного дела под эгиду Земского союза и привлечении земств и городов к устройству новых санаториев высказывались и на Пироговском съезде 1916 г. докторами З.П. Соловьёвым, представлявшим Лигу борьбы с туберкулезом,

¹⁷ *Зернов М.С.* Значение и роль отечественных лечебных местностей в современной войне // Труды Съезда по улучшению отечественных лечебных местностей. Т. 2. Вып. 5. С. 247–252.

¹⁸ *Иорданов П.Ф.* Первая поездка: Сведения о 10 лечебных местностях // Целебные силы России. 1915. № 1–2. С. 16–20.

и А.Л. Мендельсоном от Санкт-Петербургского городского попечительства о народной трезвости¹⁹. При Главных комитетах Союза городов и Земского союза в 1915 г. была создана Центральная объединенная санаторно-курортная комиссия, на которую была возложена практическая реализация развития бальнеологических лечебниц для раненых и больных воинов [Трошина, Морозова 2023]. Секретарем Санаторной комиссии стал З.П. Соловьёв.

Российское общество Красного Креста (РОКК) играло заметную роль в помощи раненым, располагая некоторым количеством санаторных мест, которые накануне войны использовались для лечения персонала. В распоряжении РОКК имелось три небольших санатории под Петроградом, а также в Одессе, Либаве, Ялте, Старой Руссе и на Кавказе²⁰. В ходе войны Красный Крест стремился расширить возможности санаторного лечения раненых. В 1915 г. Главное управление РОКК ассигновало в распоряжение Главноуполномоченного Красного Креста Южного района 200 тыс. рублей на организацию лечения раненых на одесских лиманах²¹. На Кавказе были открыты два санатория Красного Креста для душевнобольных воинов: специальный лазарет на 100 мест для душевнобольных, страдающих туберкулезом, малярией и легочными заболеваниями в Абастумане²² и дачная санатория на 120 мест близ станции Кобулеты [Полянская 2022]. В Пятигорске Красным Крестом открыт госпиталь на 85 коек для офицеров и сестер милосердия, в Ессентуках – на 230 коек, и в Кисловодске – на 80 мест²³. В 1915 г. представители Красного Креста вошли в состав Объединенной санаторно-курортной комиссии Земского союза и Союза городов, предоставив ей право распределять поток раненых из госпиталей союзов в санатории Красного Креста²⁴. В 1917 г. было решено приступить к устрой-

¹⁹ На Пироговском съезде // Вестник Красного Креста. 1916. № 6. С. 1956.

²⁰ Курортное лечение сестер милосердия // Вестник Красного Креста. 1915. № 3. С. 913.

²¹ Лиманное лечение // Вестник Красного Креста. 1915. № 4. С. 1258.

²² Отчет уполномоченного Психиатрической организации Красного Креста при Кавказской армии доктора А.И. Прусенко // Вестник Красного Креста. 1916. № 10. С. 129.

²³ Журналы заседаний Объединенной санаторно-курортной комиссии при Главных комитета Союзов земств и городов // Материалы по организации санаторно-курортного лечения больных и раненых воинов. Вып. 2. М.: Т-во типографии А.П. Мамонтова, 1916. С. 89–90.

²⁴ Там же. Вып. 1. С. 66.

ству собственных санаториев в Кисловодске, Ялте, Липецке. Для покупки участка в Кисловодске Верховным начальником санитарной и эвакуационной части в адрес РОКК был отпущен кредит в 250 тыс. руб.²⁵

Несмотря на то что концепция развития санаторного дела предусматривала и курортную реабилитацию инвалидов войны, приоритет отдавался помощи раненым. Это объясняет слабую вовлеченность в развитие курортной сферы крупных всероссийских организаций, оказывавших помощь жертвам войны. Лишь в Пермской губернии местному земству удалось достичь договоренности с Елизаветинским комитетом о совместном финансировании открытия и содержания 200 мест для больных воинов в местных минеральных источниках и кумысных пунктах²⁶.

Татьянинскому комитету, помогавшему беженцам, удалось заключить соглашение с владельцами лечебных заведений на Хаджибейском лимане, которые в сезоне 1916 г. бесплатно предоставили в распоряжение Комитета 200 мест для детей-беженцев и 100 мест для взрослых. По соглашению, 2/3 мест должно было быть отведено беженцам, опекаемым Одесским отделением Татьянинского комитета [Бахурин 2013, с. 159].

Заключение

В отличие от России, в других европейских странах-участниках Первой мировой войны накануне войны проходило активное формирование массового туризма и соответствующей инфраструктуры [МакКанелл 2023]. Война нанесла тяжелый удар по курортной сфере, лишив курорты большей части посетителей. Многие предприниматели разорились, курортная жизнь замерла. Более того, сам курортный досуг стал оцениваться как «непатриотичное» времяпрепровождение. Так, в Ницце власти осуждали владельцев отелей, которые продолжали принимать на своих террасах «беспечных бездельников». Некоторые развлечения, такие, как скачки или карнавал, были отменены. На французском Лазурном берегу и в Довиле часть курортных отелей были конфискованы под размещение госпиталей, персонал и отдыхающие испытывали нарастающие проблемы с продовольствием

²⁵ О более широкой постановке дела помощи РОКК больным и раненым, отправляющимся на южный берег Крыма // Вестник Красного Креста. 1916. № 7. С. 2526–2530.

²⁶ Целебные силы России. 1915. № 12. С. 252.

и топливом²⁷. Напротив, в России отдых гражданской публики на отечественных курортах рассматривался как патриотическая акция. Использование отечественных курортов для военных нужд, как можно судить, шло в направлении организации специализированного лечения пострадавших на фронте. Хотя звезда Серебряного века, публицист Д.В. Философов определял «курортную шумиху, поднятую в начале войны» и породившую надежды на быстрое преобразование отечественных курортов по образцу европейских, как «неисправимую маниловщину»²⁸, система лечения раненых, которая формировалась при участии государства, выступала драйвером развития курортных местностей, закладывая основы для послевоенного массового туризма. Общественные организации активно работали в этих двух направлениях – популяризации «целебных сил России» и расширения доступных средств размещения. Таким образом, относительно слабо развитая курортная отрасль России под воздействием военных факторов подверглась акселерации, опирающейся на государственное финансирование. Как и во многих других сферах общественной жизни, влияние войны на курортную отрасль стало фактором ее модернизации.

Литература

- Бахурин 2013 – *Бахурин Ю.А.* Дети-беженцы из московских приютов на курортах Юга России (1916–1918 гг.) // Инвалиды Первой мировой войны: Исторические и нравственные уроки: материалы II Международной научно-практической конференции (29–30 ноября 2012 г., Москва) / под общ. ред. С.С. Степанова, Е.Ю. Сергеева. М.: Изд-во МНЭПУ, 2013. С. 158–162.
- Бельчинкова 2021 – *Бельчинкова С.В.* Всероссийское общество здравниц в память войны 1914–1915 гг. // Вторые Пермские научно-образовательные чтения «История Императорского Дома Романовых»: Материалы научной конференции «Ратный подвиг и подвиг милосердия представителей Императорского Дома Романовых» (г. Пермь, 20 августа 2020 г.) / под ред. А.В. Громовой, С.В. Неганова. Пермь: ПермГАСПИ, 2021. С. 99–110.

²⁷ Довиль // Wikipedia: электронная энциклопедия. URL: https://en-m-wikipedia-org.translate.goog/wiki/Deauville?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения 12 октября 2024); Туристический кризис: Лазурный берег во время Первой мировой войны // Информационно-новостной портал HELLOMONACO. URL: <https://www.hellomonaco.ru/dostoprimechatelnosti/istoriya/turisticheskiy-krizis-lazurnyy-bereg-vo-vremya-pervoy-mirovoy-voynyi/> (дата обращения 12 октября 2024).

²⁸ *Философов Д.В.* Минеральный сезон // Речь. 14 мая 1916 г.

- Калинин 2002 – *Калинин Н.Н.* Романовы и Крым / Николай Калинин, Марина Земляниченко. Симферополь: Бизнес-Информ, 2002. 318 с.
- Карагодин 2021 – *Карагодин А.В.* «Сделать не хуже, чем за границей»: курорты Южного берега Крыма в годы I мировой войны // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 4. С. 83–105.
- Краснокутский 2008 – *Краснокутский В.С.* Переустройство курортов Кавказских Минеральных Вод в начале I мировой войны (1914 – начало 1915 г.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2008. № 5. С. 60–65.
- МакКанелл 2023 – *МакКанелл Д.* Турист: Новая теория праздного класса / пер. с англ. А. Боровиковой, Е. Изотова. 2-е изд. М.: Ad marginem, 2023. 256 с.
- Полянская 2022 – *Полянская Е.Е.* Российское общество Красного Креста и помощь душевнобольным воинам на Кавказском фронте (1914–1918) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2022. № 1. С. 57–73.
- Самарина 2009 – *Самарина Т.В.* Организационные и правовые основы государственного управления курортным делом: первая половина XVIII – начало XXI в. М.: Изд-во Современного гуманитарного ун-та, 2009. 198 с.
- Трошина, Морозова 2023 – *Трошина Т.И., Морозова О.М.* Небархатный сезон отечественного курортного дела, 1914–1922 // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2023. № 1 (100). С. 63–68.
- Ikeda 2016 – *Yoshiro Ikeda.* The homeland's bountiful nature heals wounded soldiers. Nation building and Russian health resorts during the First World War // Russia's home front in war and revolution, 1914–1922. Book 2: The experience of war and revolution / ed. by A. Lindenmeyr [et al.]. Indianapolis, 2016. P. 201–220.

References

- Bakhrin, Yu.A. (2013), “Refugee children from Moscow shelters in the resorts of Southern Russia (1916–1918)”, in Stepanov, S.S. and Sergeev, E.Yu., eds., *Invalidity Pervoi mirovoi voyny: Istoricheskie i nraivstvennye uroki: materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (29–30 noyabrya 2012 g., Moskva)* [Invalids of the World War I. Historical and moral lessons. Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference (29–30 Nov. 2012, Moscow)], Izdatel'stvo MNEPU, Moscow, Russia, pp. 158–162.
- Bel'chinkova, S.V. (2021), “All-Russian Society of Health Resorts in memory of the war of 1914–1915”, in Gromova A.V. and Neganov, S.V., eds., *Vtorye Permskie nauchno-obrazovatel'nye chteniya “Istoriya Imperatorskogo Doma Romanovykh”: Materialy nauchnoi konferentsii “Ratnyi podvig i podvig miloserdiya predstavitelei Imperatorskogo Doma Romanovykh” (g. Perm', 20 avgusta 2020 g.)* [The second Perm Scientific and Educational Readings “The History of the Imperial House of Romanov”. Proceedings of the scientific conference “Feat of arms and feat of mercy of representatives of the Imperial House of Romanov”, (Perm', 20 Aug. 2020)], PermGASPI, Perm', Russia, pp. 99–110.

- Kalinin, N.N. (2002), *Romanovy i Krym* [Romanovs and Crimea], Biznes-Inform, Simferopol', Ukraine.
- Karagodin, A.V. (2021), "‘To do no worse than abroad’. Resorts of the Southern coast of Crimea during the World War I", *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*, no. 4, pp. 83–105.
- Krasnokutskij, V.S. (2008), "Reconstruction of the resorts of the Caucasian Mineral Waters at the beginning of the World War First (1914 – early 1915)", *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Obshchestvennye nauki*, no. 5, pp. 60–65.
- Maccannell, D. (2023) *Turist. Novaya teoriya prazdnogo klassa* [The tourist. A new theory of the leisure class], Ad marginem, Moscow, Russia.
- Polyanskaya, E.E. (2022), "The Russian Red Cross Society and Assistance to mentally ill soldiers on the Caucasian Front (1914–1918)", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*, no. 1, pp. 57–73.
- Samarina, T.V. (2009), *Organizatsionnye i pravovye osnovy gosudarstvennogo upravleniya kurortnym delom: pervaya polovina XVIII – nachalo XXI v.* [Organizational and legal foundations of public administration of the resort business. The first half of the 18th – the beginning of the 21st century], Izdatel'stvo Sovremennogo gumanitarnogo universiteta, Moscow, Russia.
- Troshina, T.I. and Morozova, O.M. (2023), "The non-velvet season of the domestic resort business, 1914–1922", *Voprosy kurortologii, fizioterapii i lechebnoi fizicheskoi kul'tury*, vol. 100, no. 1, pp. 63–68.
- Yoshiro, Ikeda (2016), "The homeland's bountiful nature heals wounded soldiers. Nation building and Russian health resorts during the First World War", in Lindenmeyr, A., ed., *Russia's home front in war and revolution, 1914–1922*, book. 2, Indianapolis, USA, pp. 201–220.

Информация об авторе

Светлана В. Букалова, кандидат исторических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, Орёл, Россия; 302028, Россия, Орёл, ул. Октябрьская, д. 12; STL1612@yandex.ru
ORCID ID – orcid.org/0000-0001-7788-9299

Information about the author

Svetlana V. Bukalova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Central Russian Institute of Management – branch of RANEPa, Orel, Russia; 12, Oktyabrskaya St., Orel, Russia, 302028; STL1612@yandex.ru
ORCID ID – orcid.org/0000-0001-7788-9299

В.А. Вишневский (1888–1943):
история инженера на фоне эпохи электрификации

Ирина А. Гузельбаева

*Казанская государственная академия ветеринарной медицины
им. Н.Э. Баумана, Казань, Россия, i.guzelbaeva@yandex.ru*

Аннотация. Персональная история советских деятелей науки и инженерно-технических работников сегодня имеет особую актуальность для изучения. В статье рассмотрен жизненный и профессиональный путь Владимира Александровича Вишневого, инженера второй городской электростанции Казани. Исследование проведено на основе разных видов исторических источников: государственных архивов, семейного архива Вишневских, воспоминаний, дневника В.А. Вишневого, материалов периодических печатных и электронных изданий, государственных музеев, а также открытых интернет-источников. В ходе работы с источниками личного происхождения изучены ключевые страницы биографии инженерно-технического и научно-педагогического сотрудника Вишневого. Кроме того, важная для исследования информация предоставлена сотрудниками АО «Сетевая компания». В научный оборот вводятся неопубликованные источники, преимущественно личных архивов. В персональной истории В.А. Вишневого отражены знаменательные вехи отечественной истории конца XIX в. – 1940-х гг.

В.А. Вишневский, талантливый инженер-энергетик, внесший значительный вклад в развитие энергетической отрасли, прожил жизнь, тесно связанную с важнейшими событиями российской истории: завершением эпохи Российской империи, становлением советской власти, индустриализацией и репрессиями. Заслуги Вишневого были отмечены его коллегами: он был признан высококвалифицированным специалистом.

Ключевые слова: история семьи, персональная история, история энергетики, Татарская АССР, советская история, Вишневский

Для цитирования: Гузельбаева И.А. В.А. Вишневский (1888–1943 гг.): история инженера на фоне эпохи электрификации // Вестник РГТУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 1. С. 127–148. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-127-148

V.A. Wishnevsky (1888–1943).
The history of an engineer against the background
of the electrification era

Irina A. Guzelbaeva

*Kazan State Academy of Veterinary Medicine named after N.E. Bauman,
Kazan, Russia, i.guzelbaeva@yandex.ru*

Abstract. Personal history of Soviet scholars, engineers and technicians is of particular relevance for study today. The article considers personal and professional life of Vladimir A. Wishnevsky, an engineer at city power plant no. 2 in Kazan. The research is based on sources of different origin: state archives, the Wishnevsky family archive, memoirs, V.A. Wishnevsky's diary, data from of periodical printed and electronic publications, state museums, and open Internet sources. While studying the sources of personal origin, the author uncovered the key facts from Wishnevsky's biography as an engineering and scientific and pedagogical staff member. In addition, valuable information for the research was provided by the employees of JSC "Network Company". Unpublished sources, primarily from personal archives, were introduced into a wide scientific turn. The author concludes that V.A. Wishnevsky's personal history reflects the significant milestones of the national history from the late 19th century to 1940s.

V.A. Wishnevsky, a talented power engineer who made a significant contribution to the development of the energy industry, lived a life closely intertwined with major events in Russian history. His biography spans the period from the end of the Russian Empire to the establishment of Soviet power, industrialization, and repressions. Wishnevsky's professional achievements were recognized by his colleagues, who acknowledged his high qualifications.

Keywords: family history, personal history, history of energy, Tatar ASSR, Soviet history, Wishnevsky

For citation: Guzelbaeva, I.A. (2025), "V.A. Wishnevsky (1888–1943). The history of an engineer against the background of the electrification era", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 127–148, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-127-148

Введение

Биографические страницы Владимира Александровича Вишневецкого, связанные с развитием энергетики в ТАССР в контексте общей электрификации страны на заре формирования советского государства, ранее не становились предметом специального и це-

лостного изучения. Тема представляется актуальной в рамках объявленного в 2022 г. президентом России «Десятилетия науки и технологий», проводимого в стране в 2024 г. «Года семьи», а также «Года научно-технологического развития» в Республике Татарстан. На примере биографии В.А. Вишневского можно проследить важные вехи отечественной истории – от завершения времени Российской империи до эпохи советской индустриализации.

Для выявления лакун в понимании характерных черт этого периода, которые отразились на жизни и деятельности В.А. Вишневского, важно проведение краткого источниковедческого анализа. Изучение биографии В.А. Вишневского не только раскрывает его многогранную деятельность в научно-технической и педагогической сфере, но и восполняет пробел в историческом знании об условиях электрификации в ТАССР и стране, которые неизбежно требовали немалых организационных и профессиональных усилий со стороны специалистов в этой области.

Деятельность В.А. Вишневского уже была частично освещена в литературе, однако в этих исследованиях не раскрывалась целостно его биография с описанием особенностей профессионального пути, личного становления и историей повседневности. Опубликованные источники содержат ключевые сведения о В.А. Вишневском, но носят скорее справочный характер. Издан краткий биографический очерк о В.А. Вишневском в сборнике «На всю оставшуюся жизнь...», в большей мере посвященном воспоминаниям о Великой Отечественной войне, тем, кто пережил это трагическое время на фронте и в тылу, на свободе и в лагерях¹. Очерк включен, так как в 1941 г. В.А. Вишневский был репрессирован. Материал очерка использован и в данной статье.

Среди исследователей периода сталинских репрессий в регионе (ТАССР) можно выделить следующих: А.А. Иванова, А.Л. Литвина, Б.Ф. Султанбекова и другие. Фрагментарное исследование дела Казанского горсовета и Горкомхоза представлено в трудах Ф.Н. Багаудинова на материалах работы органов прокуратуры ТАССР. Общий контекст времени и концепции относительно репрессий на общесоюзном уровне рассмотрены у многих видных историков, среди которых О.В. Хлевнюк, А.В. Шубин, В.Н. Земсков и другие.

Имя В.А. Вишневского увековечено в Книге Памяти жертв политических репрессий Республики Татарстан, как человека, испы-

¹ На всю оставшуюся жизнь: Воспоминания о Великой Отечественной войне / ред. группа: С.И. Никонова (гл. ред.), Н.А. Мухинова (отв. ред.) и др. Казань: Изд-во Казанского государственного архитектурно-строительного ун-та, 2020. С. 31–38.

тавшего на себе маховик репрессивного механизма. Дела хранятся в Архиве Информационного центра МВД по РТ.

Ряд исследователей различных областей научного знания высоко оценили роль В.А. Вишневого в развитии энергетической отрасли РТ. Так, З.С. Мингалиев в книге «Энергия времени», посвященной выдающимся энергетикам, отмечает большой вклад Владимира Александровича в подготовку запуска электростанции имени III годовщины ТАССР в Казани в 1925 г. [Мингалиев 2021, с. 77–85]. В контексте глобальных изменений в республике и стране деятельность Вишневого упоминается в монографии «Татарская АССР в период постсталинизма (1945–1985 гг.)» [Галлямова 2015].

В статье А. Беляевой «Замкнутый круг» в газете «Вечерняя Казань» освещена биография с особым вниманием на этапы заключения Вишневого². Примечательно, что статья размещена на одной странице вместе с фрагментом автобиографического романа Е. Гинзбург «Крутой маршрут». Завершение перестройки, озаменованное лозунгом гласности, стало временем «нового витка» (после периода «оттепели») развития антисталинской темы в искусстве, литературе, публицистике и периодической печати, где особое внимание уделялось истории репрессий. Материалы периодической печати представляют собой ценный источник информации, обладающий преимуществом в многостороннем освещении духовной жизни общества определенного периода.

При современной цифровой трансформации, повлиявшей на хранение данных, особое значение приобретают открытые интернет-ресурсы и электронная информация, предлагаемая в том числе музеями.

В.А. Вишневецкий проявил себя не только как талантливый инженер-энергетик, но и как преподаватель высших учебных заведений. Казанский государственный архитектурно-строительный университет (КГАСУ) сохраняет память о В.А. Вишневецком в электронном архиве музея истории КГАСУ, за материалами которого следит директор музея Э.З. Гильмутдинова³.

На специальном ресурсе компании «ТатЭнерго», созданном к 75-летию организации, представлены статьи с биографиями личностей, которые внесли значимый вклад в развитие энергетики

² Вечерняя Казань. 1989. 17 апр. С. 3.

³ Вишневецкий Владимир Александрович // КГАСУ. Официальный сайт: Музей истории КГАСУ: Персоналии. URL: https://museum.kgasu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=366:2014-12-17-12-42-48&catid=2:2013-02-11-09-00-17&Itemid=3 (дата обращения 14 июля 2024).

республики. В том числе на сайте имеется краткое описание жизни и деятельности инженера В.А. Вишневского⁴.

Анализ доступных публикаций о В.А. Вишневском показывает, что основная часть источников – это узкоспециализированные материалы для историков энергетики Татарстана. Хотя некоторые монографии, статьи и сборники очерков освещают более широкую проблематику и исторический контекст, они не содержат информации о деталях биографии и становлении В.А. Вишневского. Для получения более полной картины его жизни и профессионального пути необходимо обращаться к неопубликованным материалам.

Большой массив данных, которые использованы в статье, почерпнут из неопубликованных источников. К ним можно отнести материалы Государственного архива Республики Татарстан (ГАРТ), Государственного архива Костромской области (ГАКО) и источники личного происхождения (дневники, мемуары, генеалогические сборники жизнеописаний) из семейного архива Вишневских. Официальные данные, представленные в справках, выписках и других документах архивов, позволили не только определить биографические факты о В.А. Вишневском, но и проследить линию событий, переживания о которых отразились в его дневнике. Источники личного происхождения, несмотря на субъективно-эмоциональную составляющую, обладают особой ценностью, передавая персональное восприятие исторических событий, а также атмосферу эпохи или характерной для нее ситуации.

Изучение жизни и деятельности В.А. Вишневского его потомками начинается с материалов, собранных для общей генеалогической истории его сыном, Всеволодом Владимировичем Вишневским⁵. Несмотря на представленный массив данных, работа имеет неточности, что дает право потомкам продолжать всецело изучать семейную историю.

Документы и сведения о В.А. Вишневском собирал и другой его сын, Владимир Владимирович. На основании этих данных его внучка, К.В. Кожаринова, провела большую работу, привлекая архивы, воспоминания членов семьи, и составила труд по истории семьи, где обстоятельная глава посвящена В.А. Вишневскому⁶. Различные

⁴ История энергетики Татарстана: Персоналии: Владимир Александрович Вишневский // Сайт ОАО «Татэнерго». 2006. URL: http://www.75.tatenergo.ru/75/person_03.html (дата обращения 17 июля 2024).

⁵ *Вишневский В.В.* Вехи истории. Т. 1. 2008 г. Из семейного архива Вишневских. 52 с.

⁶ *Кожаринова К.В.* Вишневские. История семьи. 2024 г. Из личного архива К.В. Кожариновой. С. 69–100.

аспекты жизни и научной деятельности В.А. Вишневого нашли отражение в журнале «Эхо веков» [Вишнеговский 2004, с. 217–219].

Заполнение пробелов в деле сохранения памяти о В.А. Вишнеговском видится возможным путем привлечения комплекса источников, в котором особое место занимают источники личного происхождения. В условиях современной ситуации для отечественной экономики необходимо повышение кадрового потенциала, в частности в области науки и техники, в связи с чем актуализируется опыт изучения биографий видных фигур из числа ИТР России и СССР.

Для формирования целостного представления о жизненном и профессиональном пути инженера В.А. Вишнеговского в историческом контексте эпох необходимо решение следующих задач: рассмотреть основные биографические сведения о В.А. Вишнеговском, выявить яркие эпизоды жизни, раскрывающие особенности эпох или событий, весьма значимых в масштабе отечественной истории, обозначить роль В.А. Вишнеговского в развитии энергетики ТАССР и СССР.

В статье представлены ключевые факты биографии В.А. Вишнеговского в хронологической последовательности: детство, отрочество, юность и учеба в Казанском императорском университете; арест и ссылка за участие в революционной работе; миграция в США и получение там высшего образования; возвращение на родину и особенности профессионального становления на стыке времен; личная жизнь, вклад в развитие энергетической отрасли и науки в стране и регионе (ТАССР); аресты и репрессии, конец жизни. Опора на ранее неопубликованные материалы, преимущественно личных архивов, позволила выявить элементы повседневности, обусловленные особенностями обозначенных выше эпох.

Начало жизненного пути В.А. Вишнеговского: детство и юность в двух странах

Владимир Александрович Вишнеговский родился в 1888 г. в Костромской губернии (Ярославская область в период с 1936 г., в настоящее время – Костромская область). В соответствии с данными свидетельства от Костромской духовной консистории, принадлежал «к званию почетного потомственного гражданства»⁷.

В детстве учился в церковно-приходской школе, пел в церковном хоре, был любознательным и всегда стремился к знаниям. Владимир Александрович окончил Галичское духовное училище и

⁷ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 977. Оп. л/д. Д. 36149. Л. 11.

поступил в Костромскую духовную семинарию. Уже в 1906 г. был зачислен в императорский Казанский университет на историко-филологический факультет⁸. В личном деле содержатся документы, которые направлялись при поступлении: свидетельство с оценками по окончании курса в четвертом классе семинарии; прошение о зачислении студентом университета; свидетельство из духовной консистории о происхождении; свидетельство о приписке к призывному участку⁹.

Сведения об участии Владимира Вишневского в политике сохранились у его брата Александра. Он вспоминает: «Как и большинство русских студентов, будучи очень политически активным, Володя был членом партии социал-революционеров. Он часто приносил домой революционные листовки, которые я тайно распространял среди крестьян»¹⁰. Однако сам Вишневский принадлежность к партии отрицал.

История студенчества Владимира Вишневского была отражена в период перестройки в периодической печати, где есть отсылка к республиканскому архиву. По сведениям начальника Казанского Губернского жандармского управления, полковника Каменева, студент Казанского университета В.А. Вишневский, бывший член Казанского комитета, заведующий кружком трамвайных служащих, являлся активным членом партии социалистов-революционеров. В ночь на 16 октября 1907 г. Вишневский был «подвергнут обыску и аресту». При обыске обнаружены переписка с политзаключенными, нелегальная литература, в том числе издание ученической организации при Казанском комитете партии социалистов-революционеров «Буревестник»¹¹. Этот эпизод показывает, как в ходе Первой русской революции горожане, в особенности студенчество, стали активно участвовать в политической жизни. Кроме того, аресты, под которые попал Вишневский, стали началом волны арестов эсеров 1907–1908 гг. после завершения революции, которые привели к их полному разгрому как парторганизации в Казани в будущем¹².

⁸ Обычно в семинарии надо было учиться 6 лет. Но во время учебы Владимира Александровича российское правительство разрешило поступать в университеты уже после четырех лет обучения в семинарии, чем он и воспользовался.

⁹ ГА РТ. Ф. 977. Оп. л/д. Д. 36149. Л.

¹⁰ *Кожаринова К.В.* Вишневские. История семьи. 2024 г. Из личного архива К.В. Кожариновой. С. 69.

¹¹ Вечерняя Казань. 1989. 17 апр. С. 3.

¹² *Шубин А.В.* Вячеслав Молотов: от революции до перестройки. М.: АСТ: РОССПЭН, 2024. С. 20.

Сын Владимира Александровича, Всеволод, пишет о дальнейших событиях: «24 января 1908 г. состоялся суд, который приговорил отца к 2 годам ссылки под гласный надзор полиции. Он был отправлен в село Никольское Вологодской губернии»¹³. Примечательно, что посланные за административные правонарушения не содержались в тюрьме, а свободно перемещались, через день отмечаясь в полиции.

Владимир Александрович понимал, что после окончания срока ссылки он не мог продолжить обучение в университете и, скорее всего, его бы ждала военная служба. Однако он запрашивает документы о том, что был студентом Казанского университета для возможной отсрочки от военной службы. В личном деле содержится данный запрос: «В 1906 г. я Владимир Александрович Вишневецкий был зачислен студентом Императорского Казанск<ого> университета на историко-филологический факультет, на секцию русской литературы и состоял таковым в течении 3 семестров – до января 1908 г. В январе же 1908 г., в виду того, что последовал мой арест и ссылка, я был исключен из него и документы направлены в распоряжение казанского губернатора. В настоящее время мне необходимо представить в Галичское (Костромской губ.) по воинским делом присутствие сведения о том, что я действительно состоял студентом в течении 1906 г. и 1907 г. в Императорском Каз<анском> университете, посему покорнейше прошу Канцелярию означенного университета дать таковые и направить в Галичское (Костр<омской> губ<ернии>) по воинским делам присутствие»¹⁴. Документ дублируется запросом от имени отца Владимира, Александра Александровича. Из канцелярии университета приходит отказ на удовлетворение просьбы с отсылкой к тому, что отсрочку могут получить только лица, которые являются студентами в настоящее время. Тогда Владимир Александрович совершает побег. Он добрался до Америки, работая кочегаром на судне, которое проследовало через Финляндию и другие европейские страны. Его тяготило незнание иностранного языка, о чем он писал в дневнике: «Уже три месяца в стране, а я еще плохо понимаю по-английски, и порой закрадывается недоверие к себе; смогу ли усвоить язык? Овладеть им?»¹⁵.

Владимир был трудолюбивым человеком и поэтому быстро перешел от работы садовником к более высокооплачиваемой ра-

¹³ Вишневецкий В.В. Вехи истории. Т. 1. 2008 г. Из семейного архива Вишневецких. С. 3.

¹⁴ ГА РТ. Ф. 977. Оп. л/д. Д. 36149. Л. 16.

¹⁵ Дневник Вишневецкого В.А. 1909 г. Из семейного архива Вишневецких.

боте мойщика окон. Однако он не забывал о своей мечте учиться¹⁶. И в городе Колумбус (штат Огайо) он поступает в Государственный университет Огайо на электромеханическое отделение инженерного факультета.

Сложность обустройства жизни в незнакомой стране приводит Владимира Александровича к большим переживаниям, которые, несомненно, отразились в его дневнике: «Но любопытная борьба: но разве хуже жить, чем умереть? Что-то должно произойти, что сильно опять изменит мой курс. Кажется, уже, что я родился под счастливой звездой. Мне думается, что здесь должно случиться что-то со мною хорошее... На мне лежит обязанность поднять род Вишневских»¹⁷. Параллельно учебе он зарабатывал средства на жизнь: трудился в столовых, прачечных, каменноугольной шахте и т. п.

В 1913 г. Владимир Александрович окончил университет¹⁸. Его дипломный проект в качестве инженера-электромеханика назывался «Проект электростанции в городе Галич, Россия». Информация об этом хранится в альбоме выпускников 1913 г. Государственного университета Огайо¹⁹.

После окончания учебы Владимир Александрович приступил к работе начальником лаборатории на сталелитейном предприятии “Jones and Laughlin Steel Corporation”. Брат Владимира Александр Александрович указывал, что Владимир Александрович также трудился в Америке в энергетической компании “Westinghouse”²⁰. К этому времени мать Владимира Александровича умерла, а родные в письмах сообщали о плохом самочувствии отца.

Родственники предполагали, что царская амнистия 1913 г. в честь трехсотлетия династии Романовых будет распространяться и на Владимира. Однако прибыв из Питтсбурга в Россию, он тут же был арестован и отправлен в Сольвычегодск, так как был сбежавшим заключенным. Примечательно, что о случившемся стало

¹⁶ См.: Вечерняя Казань. 1989. 17 апр. С. 3.

¹⁷ Дневник Вишневского В.А. 1909 г. Из семейного архива Вишневских.

¹⁸ Английское написание фамилии через “W” определяется дипломной документацией В.А. Вишневского.

¹⁹ Makio, 1 January 1913. Album of graduates of 1913. Engineering // Ohio State University website. University libraries. URL: <https://osupublicationarchives.osu.edu/?a=d&d=MKO19130101-01.2.89&srpos=45&e=-----en-20--41--txt-txIN-wishnevsky-----> (дата обращения 18 апреля 2024).

²⁰ Мемуары Вишневского А.А. 1967 г. / пер. с англ. К.В. Кожариновой. Из семейного архива Вишневских. С. 17.

известно и в Америке, а университетская газета “The Lantern” 19 ноября 1913 г. даже опубликовала об этом статью²¹. Через два месяца Владимир Александрович был освобожден по амнистии и приехал в Палкино (село в Костромской губернии, где жили родные), так как какое-то время ему было запрещено выезжать за пределы Костромской губернии.

Профессиональное развитие В.А. Вишневого на сломе времен: электрификация России и ТАССР

21 сентября 1914 г. Владимир Александрович женился на Варваре Ивановне Юниковой (была купеческой дочерью), с которой они до этого долго переписывались. О том свидетельствует запись метрической книги 1914 г. Николаевской церкви на Дору²².

Супруги уехали в Петербург, где Владимир Александрович приступил к работе заведующим электромеханическим оборудованием в «Акционерном Обществе Электромеханического и Телеграфного Завода Н.К. Гейслер и Ко». С началом Первой мировой войны заказы Военно-Морского и Военного ведомств возросли, завод работал с наибольшей загрузкой.

Варвара Ивановна была зачислена на историко-филологический факультет Бестужевских курсов²³. Всеволод Вишневецкий пишет: «К этому времени отец был увлечен инженерной деятельностью и совершенно отошел от политической»²⁴. В 1915 г. в Петербурге у Вишневецких родился старший сын Игорь, в 1919 г. – второй сын (Всеволод), умерший в младенческом возрасте. В 1921 г. родился следующий сын. Его также назвали Всеволодом (дед автора).

А в 1917 г. по предложению группы кожевенных заводчиков Владимир Александрович приступил к проектированию обувной фабрики, и семья переехала в город Галич Костромской губернии.

²¹ The Lantern, 19 November 1913 // Ohio State University website. University libraries. URL: <https://osupublicationarchives.osu.edu/?a=d&d=LTN 19131 119-01.2.60&srpos=2&e=-----en-20--1--txt-txIN-wishnevsky> (дата обращения 18 апреля 2024).

²² Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 56. Оп. 4. Д. 72. Л. 215 об. – 216.

²³ *Кожаринова К.В.* Вишневецкие. История семьи. 2024 г. Из личного архива К.В. Кожариновой. С. 80.

²⁴ *Вишневецкий В.В.* Вехи истории. Т. 1. 2008 г. Из семейного архива Вишневецких. С. 4.

Впоследствии он также стал директором-распорядителем Кожевенного завода, поставлявшего сапоги для Красной армии²⁵.

Владимир Александрович начинает воплощать в жизнь собственный дипломный проект – организовывать первую в Галиче электростанцию²⁶. 9 сентября 1920 г. в Галиче была запущена электростанция мощностью 225 кВт. Она стала одной из первых провинциальных электростанций, созданных в стране в годы Гражданской войны.

В сентябре 1922 г. семья Вишневских переехала в город Казань. Владимир Александрович занял должность заместителя начальника производственно-технического отдела Совнархоза.

В 1923 г. его брат Александр, проработав некоторое время в Казани, решил вернуться обратно в Америку и предложил Владимиру Александровичу последовать его примеру: «Когда я возвращался в Соединенные Штаты, у Владимира и его семьи была возможность сбежать в Финляндию, но он от этого отказался, настаивая на том, что обязан был помогать родной стране, независимо от формы правления...»²⁷. Так, часть научной и научно-технической интеллигенции, сформировавшейся в переломные годы раннего советского периода, продемонстрировала выдающуюся преданность профессиональному делу, несмотря на тяжелые условия, вызванные последствиями Революции и Гражданской войны. Яркие примеры можно найти среди представителей естественных наук. Одна из интересных личностей в данном контексте – профессор К.Г. Боль (1871–1959), стоявший у истоков формирования казанской школы ветеринарных патологоанатомов [Никитин 2021].

В 1923 г. Владимира Александровича пригласили председательствовать на ликвидационном съезде партии социалистов-революционеров (ПСР) в Казани²⁸. Он говорил, что не ведет политическую деятельность и пытался отказаться, ему сказали, что это задание компартии. Он провел съезд, и с тех пор за ним закрепилось прозвище «эсер»²⁹.

²⁵ Там же.

²⁶ *Мингалиев З.С.* План ГОЭЛРО – прорыв в электрификации республики // Энергетика Татарстана. 2005. № 2. С. 100–104.

²⁷ Мемуары А.А. Вишневского. 1967 г. / пер. с англ. К.В. Кожариновой. Из семейного архива Вишневских. С. 18.

²⁸ Детальное изучение съезда в Казани отсутствует. Общий контекст времени и политических событий в регионе рассматривается в трудах И.Р. Тагирова, З.Г. Гариповой, А.Г. Галлямовой. Во многих работах под призмой исследователя оказывается национальный вопрос.

²⁹ *Вишневский В.В.* Вехи истории. Т. 1. 2008 г. Из семейного архива Вишневских. С. 5.

В силу важности работы на электростанции он не успевал познакомиться с участниками конференции лично. Для него эта конференция была всего лишь эпизодом, в котором он участвовал, как «свадебный генерал» в произведениях Чехова, то есть формально присутствовал, но не имел реального влияния на происходящее³⁰. Такие съезды проходили в разных регионах страны³¹. Историк К.Н. Морозов подробно изучил московский и бакинский процессы, обозначая общие причины, методы и суть борьбы большевиков с эсерами, включавшие и пропаганду, и суды, и ликвидационные съезды для решения собственной стратегической задачи – уничтожение оппозиции [Морозов 2005, с. 334]. Он также обозначил важную роль бывших участников ПСР на процессах и ликвидационных съездах [Морозов 2005, с. 173]. Вероятно, Владимир Александрович оказался в подобном положении вынужденно, даже не принимая на тот момент активного участия в политической жизни.

Особое место в биографии Владимира Александровича занимает открытие второй городской электростанции Казани. «В 1923 г. продолжен монтаж электростанции имени III годовщины ТАССР мощностью 5350 кВт. Руководить монтажом оборудования и пуском станции было поручено инженеру Владимиру Александровичу Вишневному. 25 июня 1925 г. в Казани введен в эксплуатацию первый турбогенератор мощностью 1000 кВт на электростанции имени III годовщины Татарской Республики. Ввод в эксплуатацию этой электростанции ознаменовал новый этап в развитии энергетики города»³². Работа шла в тяжелых условиях постоянной нехватки средств и кадров.

Отмечая заслуги инженера Вишневного, в марте 1926 г. ЦИК и СНК ТАССР преподнесли ему адрес «с признательностью за проявленные в деле достройки электростанции технический опыт и организационные способности, как доказательство сознательного и искреннего участия в деле хозяйственного строительства республики и укрепления власти Советов» [Вишневский 2004, с. 218].

Появление второй городской электростанции Казани осуществлено в контексте реализации плана ГОЭЛРО³³. Электрифика-

³⁰ См.: Дополнение к показаниям следователю Левитину НКВД АТССР от В.А. Вишневного. 4.11.1941. Из семейного архива Вишневных.

³¹ Большевики уделяли особое внимание эсерам, видя в них потенциальную угрозу своей власти из-за значительного влияния эсеров среди крестьянства.

³² *Мингалиев З.С.* Электроэнергетика нашего края в фотографиях и цифрах // Энергетика Татарстана. 2011. № 2. С. 73–77.

³³ ГОЭЛРО (государственная программа электрификации России) предусматривала комплекс мер, направленных на восстановление и развитие

ция была направлена не только на решение экономических задач, но и соответствовала идеологическим целям большевиков. Госплан РСФСР определил Казань как город первой категории по электрификации³⁴. В целом Поволжье рассматривалось как территория развития тяжелой индустрии в будущем [Семенова 2020, с. 95]. С пуском электростанции электричество пришло во множество жилых домов, постепенно стали переводить ряд промышленных предприятий на централизованное электроснабжение³⁵. Трамвайные линии стали также получать питание уже от этой станции. Все фабрики и заводы в центральной части города, введенные в эксплуатацию в 1923–1932 гг., получали питание от новой электростанции. В их числе Казанская суконная фабрика, Казанский холодильник, меховая фабрика «Мелита» [Сайфутдинова 2014, с. 116–117]. Новая энергосистема Казани, дополненная электростанцией имени III годовщины ТАССР, существенно подняла престиж Казани как промышленного города.

Процесс электрификации города шел под контролем коммунального треста «Эльводтрам»³⁶. «К работе в нем были привлечены такие выдающиеся инженеры того времени, как И.И. Брюно, Г.Л. Соколовский, В.А. Вишневский, Ф.Н. Сердинский и другие». В 1927 г. Владимир Александрович стал техническим директором треста³⁷. Его профессионализм отразился в отчетности по аварийным случаям, где детально и аргументированно объяснялось происходившее. Например, авария на городском водопроводе

советской экономики, что остро требовалось после разрушений Гражданской войны. Электрификация была необходима для развития промышленности, сельского хозяйства и улучшения повседневной жизни граждан.

³⁴ Этому предшествовало техническое обоснование о мощном потенциале Казани для восстановления промышленности, которое подготовили инженеры И.И. Брюно, Г.Л. Соколовский и В.А. Вишневский.

³⁵ *Мингалиев З.С.* План ГОЭЛРО – прорыв в электрификации республики... С. 100–104.

³⁶ Трест был создан президиумом Казанского городского совета в 1923 г. В конце 1924 г. на заседании Малого Совнаркома ТАССР было принято решение об организации объединения «Эльводтрам» (объединения предприятий УКХ электростанции, водопровода и трамвая). Новому образованию, помимо эксплуатации и обслуживания объектов коммунального хозяйства, вменялось в обязанность курирование электрификации городов Татарской республики.

³⁷ *Мингалиев З.С.* Вердикт: достоин нашей памяти! // Livejournal. URL: <https://energobar.livejournal.com/128578.html> (дата обращения 11 апреля 2024).

рассмотрена не только с пояснением технических проблем, но и подробным указанием ответственных за проводимые работы³⁸.

В состав треста «Эльводтрам» входили электростанция, трамвай, водопровод, бани, авторемонтные мастерские, гостиницы. Под руководством Владимира Александровича в Казани с 1923 по 1927 г. был осуществлен переход электросети с постоянного тока на трехфазный переменный [Мингалиев 2021, с. 64–67]. В Казани на одной из трансформаторных подстанций, построенных в те годы, в 2023 г. энергетики установили памятную доску в честь этого значимого технологического события.

Параллельно с административной и производственной работой Владимир Александрович исследовал тему научной организации труда (НОТ).

Казанский институт научной организации труда (КИНОТ) был одним из ведущих научно-исследовательских центров в Советской России в 1920-е гг. Основанный в 1921 г. институт занимался изучением и совершенствованием организации и управления трудом в промышленности, сельском хозяйстве и государственном секторе. Сегодня это называется бережливое производство. Деятельность КИНОТ распространялась не только на государственные учреждения, но и другие организации [Железнякова, Козыренко 2009].

В 1926 г. Владимир Александрович как технический руководитель организовал обследование треста «Эльводтрам» по методике КИНОТ, затем трест был переведен на хозяйственный расчет. Больше стало уделяться внимания экономическим вопросам, изысканию внутренних резервов, средств и возможностей по решению насущных проблем коммунального хозяйства, в частности обеспечения населения городов республики электроэнергией. Введены были показатели и суммы премирования за ценные предложения, например по более экономичному использованию материалов или их замене на производстве. «Эльводтрам», по инициативе В.А. Вишневого, внедрил ряд социальных и коммерческих программ: 3-месячный кредит на электрификацию жилья для своих работников, разрешения на размещение радиотрансляционных линий на опорах ЛЭП, сеть магазинов с электротехническими товарами, а также предлагал и реализовывал проекты и сметы по заказу [Мингалиев 2021, с. 31–37]. После расформирования треста «Эльводтрам» Владимир Александрович занял должность главного инженера в Горкоммунхозе Казанского городского исполнительного комитета.

³⁸ Ответы и разъяснения // Республика Татарстан. 2005–2023. РТ Онлайн. Старые статьи. URL: <https://rt-online.ru/p10104219/> <https://rt-online.ru/> (дата обращения 11 апреля 2024).

В 1929 г. в семье Владимира Александровича родился еще один сын. Его назвали Владимир.

Признанием большого профессионализма Владимира Александровича может служить включение его в оргкомитет по составлению Генерального плана электрификации ТАССР в 1931 г.³⁹ В 1933 г. Владимир Александрович перешел на работу техническим директором завода Пишущих машин.

«В это же время он начинает упорную работу над диссертацией “Блуждающие токи и методы борьбы с ними”»⁴⁰. Работу он совмещал с преподаванием в Казанском институте инженеров коммунального строительства (КИИКС) и Казанском авиационном институте (КАИ). А в 1934 г. полностью перешел на должность старшего преподавателя КИИКСа. В этот период Владимир Александрович прорабатывал и проекты использования энергии ветра в Верхнеуслонском районе⁴¹.

Гибель В.А. Вишневого в контексте сталинских репрессий

По воспоминаниям Всеволода, спокойная жизнь семьи прервалась 5 января 1938 г., перед самой защитой диссертации: «Ночью в наш дом явились представители прокуратуры, начался обыск. Изъяты фотографии, документы, книги и т. д. Меня отправили в свою комнату. Потом и ко мне пришли. Начали перебирать мои тетради, учебники, отца увели, обвинив во вредительстве. Его посадили в тюрьму под Кремлем, где он уже был в 1907 г. <...> Отец привлекался по делу горсовета, где было арестовано более 100 человек, бывших работников, во главе с председателем Аксёновым <отец писателя Василия Аксёнова>⁴². Мама пыталась устроиться на работу, но кругом отказывали. Нашелся, правда, один храбрый руководитель и принял ее на работу в Татполиграф»⁴³. Так за этим арестом следовало осуждение за «вредительство при строительстве

³⁹ ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 1532. Л. 85.

⁴⁰ Вечерняя Казань. 1989. 17 апр. С. 3.

⁴¹ Из интервью В.В. Вишневого пресс-центру «Татэнерго». Личный архив З.С. Мингалиева.

⁴² Показания против П. Аксенова как «вредителя» были получены с применением насилия. По данному делу в целом органы прокуратуры стремились выявить «вражеских элементов».

⁴³ *Вишневский В.В.* Вехи истории. Т. 1. 2008 г. Из семейного архива Вишневских. С. 7–8.

асфальтобетонного завода». Однако дело прекращено за недостаточностью улик. 25 июня 1939 г. Владимир Александрович смог вернуться домой⁴⁴.

Расследование дела Казанского горсовета и горкомхоза против Аксенова и других, длившееся полтора года, с точки зрения прокуратуры, было направлено на борьбу с преступлениями вредительского характера [Багаутдинов 2014, с. 110].

Вскоре после освобождения Владимир Александрович вернулся к работе и исследованиям – успешно сдал кандидатский минимум, продолжил трудиться над кандидатской диссертацией, был избран доцентом, но в звании не утвержден⁴⁵. В мае 1941 г. был получен приказ о ликвидации КИИКСа и о передаче кадрового состава и имущества в КАИ.

А уже 7 июля 1941 г. Владимир Александрович вновь был арестован органами НКВД. Владимир (младший) вспоминает: «Зашли в дом какие-то люди, и один из них протянул отцу бумагу, прочитав которую, он побелел, как полотно: это был ордер на право обыска и ареста. Начали рыться в отцовских бумагах и охотничьем ящике, реквизировали ружье и порох, на бумагах отца обязали поставить подпись. Когда он ставил на папке с почти готовой диссертацией свою подпись под фразой “Принадлежит мне и изъято при обыске”, то он не выдержал и швырнул папку на пол, воскликнув: “Я ночами корпел над этой работой!”. Может быть, это подействовало, и диссертация осталась в семейном архиве» [Вишневский 2004, с. 217]. На семейном совете решили передать диссертацию как реликвию в музей развития энергетики и электрификации Республики Татарстан.

Таким образом, Владимир Александрович второй раз арестован 7 июля 1941 г., но осужден Особым совещанием НКВД СССР только 28 ноября 1942 г. якобы за «шпионаж в пользу Германии». Он находился в следственном изоляторе НКВД, а затем переведен

⁴⁴ Вишневский В.В. Путь длиною в жизнь. Казань: Ред.-издат. отдел ГБУ «РЦМКО», 2012. С. 167.

⁴⁵ Диссертация В.А. Вишневского «Блуждающие токи и методы борьбы с ними» представила результаты исследования блуждающих токов в высоковольтной кабельной линии Казани, проложенной параллельно трамвайным путям. В результате исследования Вишневским были разработаны новые методы защиты от блуждающих токов, которые успешно применялись для кабелей, трамвайных линий, трубопроводов и линий связи. Исследование показало, что внедрение предложенных Вишневским решений существенно снизило количество повреждений телефонных кабелей, которое до этого достигало 10–15 участков в год.

в исправительно-трудоуую колонию (ИТК) в Свияжске, где инженеры работали по специальности.

Его сын Всеволод вспоминал: «В начале 1943 г. отец был направлен для “работы по специальности” в Темниковские лагеря Мордовской АССР. Установилась переписка с отцом»⁴⁶.

В своих письмах из заключения Владимир Александрович просил постоянно держать его в курсе событий жизни семьи, интересовался судьбой родственников, передавал приветы друзьям и соседям. В каждом письме домой он просил жену прислать ему небольшую продовольственную посылку, но при этом успокаивал родных, что чувствует себя удовлетворительно. Писал о состоянии окружающих и вскользь о своем: «Сидят ни за что по много лет и умирают медленной смертью. На почве недоедания многие страдают голодным поносом и редко поправляются. Смертность очень большая. Но за меня не бойся. Сегодня у меня на ступнях уже нет отека, и колени работают почти нормально. Через пару дней все пройдет»⁴⁷.

27 сентября 1943 г. Владимир Александрович умер в тюрьме от воспаления легких, как сообщили семье. Это стало тяжелым ударом для родных; сын Всеволод приехал с фронта, чтобы поддержать мать.

Массовые репрессии 1930–1950-х гг. широко изучаются историками, особенно по мере рассекречивания архивов в конце 1980-х. Большинство исследователей выделяют 1937–1938 гг. как период «большого террора». Особое место среди современных исследований занимают работы О.В. Хлевнюка, который сформулировал свою концепцию сталинских репрессий, где обосновал, что они были спланированы властями и имели ряд направлений. Главное – борьба с потенциально опасными гражданами как «пятой колонной» в условиях угрозы войны. «Врагов» искали среди широких групп населения, в том числе административных, инженерных работников⁴⁸. Приказ НКВД № 00447 (июль 1937 г.) стал одним из ключевых документов, запустивших массовые репрессии в СССР.

С одной стороны, арест Вишнеvского, как и многих инженеров и руководителей, соответствовал распространенной практике осуждения «вредителей» и «шпионов». Более того, исследования, ко-

⁴⁶ *Вишнеvский В.В.* Вехи истории. Т. 1. 2008 г. Из семейного архива Вишнеvских. С. 9.

⁴⁷ Письмо В.А. Вишнеvского. 9.07.1942 / Из семейного архива Вишнеvских.

⁴⁸ *Хлевнюк О.В.* Сталин: Жизнь одного вождя. М.: АСТ: CORPUS, 2015. С. 215.

торые вел Владимир Александрович в рамках диссертации, имели практическую сторону, как было обозначено выше: высоковольтная кабельная линия прокладывалась вдоль трамвайных путей. Играет роль также предположение о том, что через эту работу пытались приписать «вредительство», связанное с асфальтом. С другой стороны, пристальное рассмотрение биографии В.А. Вишневого позволяет искать иные поводы ареста, так как на момент первого ареста он уже не осуществлял руководство крупными хозяйственными структурами, а перешел на преподавательскую и исследовательскую работу.

Более того, по материалам семейного архива второй арест (1941 г.) можно связать с доносом, в котором, предположительно, были обозначены слова Владимира Александровича про Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, сказанные среди родственников и знакомых: «Немцы все равно, несмотря на договор, нападут на нас»⁴⁹.

Исследователи сходятся в позиции, что многие подобные дела были сфальсифицированы, решения выносились по самооговорам и нереалистичным показаниям, которые были получены под давлением⁵⁰.

Владимир Александрович был посмертно реабилитирован 30 июня 1956 г. (справка Военного трибунала Приволжского военного округа № 549).

Заключение

В судьбе В.А. Вишневого отразились такие знаковые страницы истории, как предреволюционное время в Российской империи, Гражданская война, заря становления советской системы и время нэпа, начало индустриализации и политика репрессий сталинского периода. На примере биографии В.А. Вишневого можно изучать широкомасштабные процессы отечественной истории и обращаться к деталям и микропроцессам.

Значение профессиональной деятельности В.А. Вишневого в качестве инженера-энергетика, технического руководителя энергетического хозяйства крупного треста оценено по достоинству продолжателями его дела. Выдающиеся организаторские способности,

⁴⁹ Из интервью Т.И. Москалевой (интервьюер И.А. Гузельбаева). 30 сентября 2024 г. Из семейного архива Вишневских.

⁵⁰ См.: *Султанбеков Б.* История Татарстана: страницы секретных архивов: (Историко-публицистические очерки). Казань: Татарское кн. изд-во, 1994. С. 146–147.

инженерный талант, блестящий ум, природную интеллигентность отметили многие ветераны энергосистемы в своих воспоминаниях. Например, перевод Казани с постоянного на переменный ток потребовал большой объем строительных, так и организационно-технических мероприятий, которые талантливый руководитель запланировал и осуществил в сжатые сроки. Это событие описал в своей третьей части трилогии «Буря на Волге» писатель А. Салмин, который работал под руководством В.А. Вишневского.

Проведенная в статье реконструкция биографии В.А. Вишневского позволяет более целостно представить его деятельность в контексте эпох. В научный оборот введены ранее неопубликованные источники, среди которых особое значение имеют источники личного происхождения из семейного архива. Через элементы истории повседневности, отраженные в этих уникальных материалах, подсвечиваются нюансы и характерные стороны широкомасштабных исторических процессов страны.

Перспектива исследования биографии В.А. Вишневского заключается в более детальном освещении различных граней его судьбы: развития за рубежом в студенческие годы, работы в определенных организациях, повседневной жизни и, наконец, пребывания в заключении (в силу засекреченных архивов). Страницы его истории отражаются в отечественных и зарубежных источниках⁵¹, что представляет особый интерес и требует дополнительного изучения. Это особо важно в непростой период для нашей страны, когда государство нацелено на восполнение нехватки инженерно-технических кадров.

Благодарности

Автор выражает признательность своей троюродной сестре Кожариновой Ксении Владимировне за предоставленный обширный материал, собранный для составления общей картины истории семьи Вишневских. Автор благодарна своей тете Москалевой (урожденной Вишневской) Татьяне Игоревне за передачу дополнительных материалов из семейного архива.

Огромную поддержку оказала АО «Сетевая компания» и лично заместитель директора – руководитель контакт-центра организации Зульфат Салихович Мингалиев.

⁵¹ Через статьи университетской газеты “The Lantern” Государственного университета Огайо прослеживается внимание к В.А. Вишневскому не только как к студенту данного вуза, но и выпускнику, который вернулся из США в Российскую империю.

Вдохновляющий интерес к истории В.А. Вишневого проявил доктор исторических наук, профессор Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН Александр Владленович Шубин. Благодаря его комментариям статья стала гораздо лучше.

Автор благодарит председателя ассоциации «Клуб воинской славы», журналиста, поисковика, музейного работника, Заслуженного работника культуры Республики Татарстан Михаила Валерьевича Черепанова.

Сотрудничество и дружба с редактором-корректором, переводчиком и коллегой-историком помогли в работе над статьей. Автор выражает признательность Ирине Николаевне Надёжиной.

Acknowledgments

Thanks the author expresses his gratitude to his second cousin Ksenia Vladimirovna Kozharinova for providing extensive material collected to compile an overall picture of the history of the Vishnevsky family. The author is grateful to her aunt Tatiana Igorevna Moskaleva for transferring additional photographic materials from the family archive.

The great support was provided by JSC Network Company and personally by Zulfat Salikhovich Mingaliev, Deputy director and head of the organization's contact center. Alexander Vladlenovich Shubin, doctor of historical sciences, professor at the State Academic University of the Humanities, chief researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, showed inspiring interest in the history of V.A. Vishnevsky. Thanks to his comments, the article has become much better.

The author thanks Mikhail Valeryevich Cherepanov, chairman of the association "Club of Military Glory", journalist, search engine, museum worker, Honored Worker of Culture of the Republic of Tatarstan.

Collaboration and friendship with the proofreading editor, translator and a fellow historian helped in the work on the article. The author expresses his gratitude to Irina Nikolaevna Nadezdina.

Литература

- Багаутдинов 2014 – *Багаутдинов Ф.Н.* Ликвидация последствий вредительства // Научный Татарстан. 2014. № 2. С. 109–116.
- Вишневецкий 2004 – *Вишневецкий В.В.* Он стоял у истоков энергетики Татарстана // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2004, № 2. С. 217–219.
- Галлямова 2015 – *Галлямова А. Г.* Татарская АССР в период постсталинизма (1945–1985 гг.). Казань: Татарское книжное изд-во, 2015. 455 с.

- Железнякова, Козыренко 2009 – Железнякова Ю.Е., Козыренко Н.В. Деятельность Казанского института научной организации труда по рационализации делопроизводства в государственных учреждениях в 1921–1931 гг. // Делопроизводство. 2009. № 1. С. 88–90.
- Мингалиев 2021 – Мингалиев З.С. Энергия времени. Казань, 2021. 352 с.
- Морозов 2005 – Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М.: РОССПЭН, 2005. 736 с.
- Никитин 2021 – Профессор Боль Карл Генрихович: Сб. статей / под общ. ред. И.Н. Никитина. Казань, 2021. 132 с.
- Сайфутдинова 2014 – Сайфутдинова Г.Б. Экспозиция музея КГЭУ «Энергетическая промышленность и образование в Татарстане» // Вестник казанского энергетического университета. 2014. № 1 (20). С. 114–126.
- Семенова 2020 – Семенова Е.Ю. План ГОЭЛРО как фактор трансформации пространства поволжского города // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2020. Т. 2. № 4. С. 93–101.

Referenses

- Bagautdinov, F.N. (2014), “Elimination of the consequences of sabotage”, *Nauchnyi Tatarstan*, no. 2, pp. 109–116.
- Galliamova, A.G. (2015) *Tatarskaya ASSR v period poststalinizma (1945–1985 gg.)* [Tatar ASSR in the period of post-Stalinism (1945–1985)], Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, Kazan, Russia.
- Mingaliev, Z.S. (2021), *Energiya vremeni* [Energy of time], Kazan, Russia.
- Morozov, K.N. (2005), *Sudebnyi protsess sotsialistov-revoljutsionerov i tyuremnoe protivostoyanie (1922–1926): etika i taktika protivoborstva* [The trial of the socialist-revolutionaries and prison resistance (1922–1926). Ethics and tactics of confrontation], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Nikitin, I.N., ed. (2021), *Professor Bol' Karl Genrikhovich: Sbornik statei* [Professor Karl Heinrichovich Bol. Collected articles], Kazan, Russia.
- Saifutdinova, G.B. (2014), “Exposition of the KGEU Museum ‘Energy Industry and Education in Tatarstan’”, *Kazan State Power Engineering University Bulletin*, vol. 20, no. 1, pp. 114–126.
- Semenova, E.Yu. (2020), “The impact of the GOELRO plan on the urban development of Volga cities”, *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Istoricheskie nauki*, vol. 2, no. 4, pp. 93–101.
- Vishnevskii, V.V. (2004), “He stood at the origins of Tatarstan’s energy industry”, *Gasyrlar avazy- Echo of centuries*, no. 2, pp. 217–219.
- Zheleznyakova, Yu.E. and Kozyrenko, N.V. (2009), “Activity of the Kazan Institute of Scientific Organization of Labor on rationalization of office work in state institutions in 1921–1931”, *Deloproizvodstvo*. no. 1, pp. 88–90.

Информация об авторе

Ирина А. Гузельбаева, кандидат исторических наук, Казанская государственная академия ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана, Казань, Россия; 420029, Россия, Казань, ул. Сибирский тракт, д. 35; i.guzelbaeva@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7492-5346

Information about the author

Irina A. Guzelbaeva, Cand. of Sci. (History), Kazan State Academy of Veterinary Medicine named after N.E. Bauman, Kazan, Russia; 35, Siberian tract St., Kazan, Russia, 420029; i.guzelbaeva@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7492-5346

УДК 796(470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-149-165

Механизмы массовизации
советского физкультурного движения
в 1920–1930-х гг.

Николай Б. Копысов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kopysov_n@mail.ru*

Аннотация. В статье поднята проблема физкультуры и спорта в СССР 1920–1930-х гг. как массового явления. Создавая концепцию развития физкультуры в стране, советское руководство придавало особое значение важности вовлечения в эту сферу максимально возможного числа граждан. Поиск механизмов массовизации физкультуры стал одной из основных задач советского физкультурного руководства. Автор анализирует процесс этого поиска, используя нормативно-правовые документы, издаваемые организациями, так или иначе руководившими советским спортом в 1920–1930-х гг., делопроизводственные документы и материалы периодической печати. Особое внимание уделяется Всесоюзному физкультурному комплексу ГТО, его введению и реализации в 1930-е гг. Автор приходит к выводу о том, что успешная реализация этого комплекса позволила ему стать основой советской физкультуры благодаря сочетанию осуществления физической подготовки граждан для военных и гражданских целей с возможностью планирования количественных показателей в этой сфере.

Ключевые слова: история спорта, спорт в СССР, физическая культура, ВСФК, спортивная периодическая печать

Для цитирования: Копысов Н.Б. Механизмы массовизации советского физкультурного движения в 1920–1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 1. С. 149–165. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-149-165

© Копысов Н.Б., 2025

Mechanisms of massification of the Soviet physical culture movement of the 1920s and 1930s

Nikolai B. Kopysov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
kopysov_n@mail.ru*

Abstract. The article affects the problem of physical culture and sports in the USSR of the 1920s – 1930s as a mass phenomenon. Creating the concept of physical culture development in the country, the Soviet leadership attached special importance to the involvement as many citizens as possible in this area. The search for mechanisms for the massification of physical culture became one of the main tasks of the Soviet leadership. The author analyzes the process of this search using regulatory documents published by organizations that managed Soviet sports in the 1920s – 1930s, office documents and periodical materials. Special attention is paid to the All-Union sports complex Ready for Labour and Defence, its establishment and implementation in the 1930s. The author concludes that the successful implementation of this complex allowed it to become the basis of Soviet physical education due to the combination of physical training of citizens for military and civilian purposes with the possibility of planning quantitative indicators in this area.

Keywords: history of sports, sports in the USSR, physical culture, VSFC, sports periodicals

For citation: Kopysov, N.B. (2025), “Mechanisms of massification of the Soviet physical culture movement of the 1920s and 1930s”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 149–165, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-149-165

Введение

Рассмотрение советского физкультурного движения 1920–1930-х гг. как массового явления началось в СССР в 1950-е гг., когда на эту проблематику обратили внимание представители физкультурных университетов. Подобные труды относились преимущественно к педагогическим наукам. Исторические исследования в этой области, как например, диссертация А.А. Мясоедова [Мясоедов 1982], оставались немногочисленными. Начало исследованию советского спорта как социокультурного феномена положили западные ученые-советологи еще до 1991 г. Дж. Риордан, анализируя организационные структуры и идеологические императивы,

центральные для развития советского спорта, начиная с дореволюционного периода [Riordan 1991], одним из первых отметил, что политика советского правительства в области спорта не являлась однородной и претерпевала изменения в связи как с внутренними, так и с внешними причинами.

В современной российской историографии следует особо выделить фундаментальные монографии А.Б. Суника – одного из первопроходцев историографического осмысления истории физической культуры и спорта [Суник 2010]. Проблеме становления советской системы физического воспитания посвящено коллективное исследование под редакцией В.В. Столбова [История 2001], а также монография Г.С. Деметера [Деметер 2005]. Ряду вопросов в области советского физкультурного движения, как например, международные контакты советского спорта [Хорошева 2018], подготовка профессиональных кадров [Хорошева 2023] и др. посвящены статьи А.В. Хорошевой, А.А. Дорошенко [Дорошенко 2019] и К.П. Бакешин [Бакешин 2019] обращаются к спорту как к социокультурному проекту в годы Гражданской войны. Е.В. Барышева [Барышева 2011] и А.Н. Филиппов [Филиппов 2012] исследуют феномен физкультурных парадов в СССР, приходя к выводу об их особой политической важности. Развитию физкультуры на низовом уровне посвящены исследования С.Б. Ульяновой и И.В. Сидорчука [Ульянова, Сидорчук 2023; Ульянова, Сидорчук 2024]. П. Кайзер обращает внимание на роль ВЛКСМ и его председателя А.В. Косарева в физкультурной работе рубежа 1920–1930-х гг., раскрывая элементы межведомственной борьбы в советском спортивном руководстве [Кайзер 2018]. А.А. Стряпихина [Стряпихина 2015] и Е.А. Истягина-Елисеева [Истягина-Елисеева 2015] рассматривают вопросы реализации комплекса ГТО в СССР.

На данный момент исследователями недостаточно рассмотрены отдельные аспекты развития организационных механизмов советской физкультуры и ключевых принципов ее развития. Одним из таких принципов являлось стремление придать физкультурному движению массовый характер.

Становление советского физкультурного движения

Развитие физкультуры и спорта в советском государстве начиналось в условиях Гражданской войны, в связи с началом которой правительству было необходимо переориентировать

многие гражданские отрасли на военные реалии. Декретом ВЦИК от 22 апреля 1918 г. «Об обязательном обучении военному искусству»¹ был создан Всеобуч, организация, перед которой была поставлена задача допризывной подготовки граждан. Именно на нее была возложена функция руководства советской физической культурой вплоть до 1923 г. [Бакешин 2019]. Немаловажную роль в этом вопросе сыграла деятельность Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ). В его задачи входило содействие Всеобучу в вопросе массовизации физкультуры в стране. РКСМ выполнял две важные функции: восполнял острую нехватку кадров в области физкультуры и допризывной подготовки граждан, а также вел борьбу с контрреволюционной деятельностью старых спортивных клубов, имевшую место на ее начальных этапах [Дорошенко 2019].

Вопрос о массовости стал ключевым для руководства ответственной физкультурой. Стремление к рекордам и излишняя «соревновательность» в физкультурных организациях подвергались резкой критике, поэтому основным показателем успехов развития физкультуры являлось количество вовлеченных в нее граждан. 13 июля 1925 г. ЦК РКП(б) поставил задачу придания массового характера физкультурному движению с вовлечением в него не только рабочей молодежи, но и крестьян, взрослых рабочих и работниц². РКСМ должен был создавать кружки физической культуры в школах, профсоюзах и армии для привлечения в спорт молодежи как его «целевой аудитории»³. Организации необходимо было уделять внимание и работе в деревне и дальних областях страны, где уровень развития спорта признавался особенно низким⁴. Работа в этом направлении была отдельно отмечена президиумом ВСФК, обратившему внимание на общую задачу укрепления смычки между городом и деревней⁵. Помимо РКСМ, «вернуть дело физической культуры лицом к деревне»

¹ Из обращения Государственной комиссии по просвещению от 19 октября 1918 г. // Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам советской физической культуры и спорта 1917–1957 гг. / сост. И.Г. Чудинов. М., 1959. С. 5.

² Из постановления ЦК РКП(б) от 13 июля 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы» // Основные постановления... С. 12.

³ Там же.

⁴ *Тетерин М.* Комсомол и физкультура // Известия. 1925. 30 июля. С. 6.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-7576. Оп. 1. Д. 13. Л. 19.

предполагалось через местные губернские и уездные советы, а также культурно-просветительские организации. Сельские школы должны были обеспечить проведение регулярных уроков физкультуры, Губполитпросвет – создание физкультурных кружков при избах-читальнях, Комсомол – образование инициативного ядра среди сельских физкультурников⁶. В деревне предполагалось использовать простейшие методы физкультуры и, главным образом, спортивные игры⁷. Целью Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) являлось создание рабочих клубов как центров культурной жизни пролетариата и содействие в этом вопросе РКСМ. Физкультура же должна была стать не только средством физического оздоровления рабочих, но и методом их сплочения вокруг союзов⁸. При этом подчеркивалось, что физкультура как вид досуга должна быть интересна рабочему, для чего и необходимы спортивные соревнования⁹.

Вопрос массовости физкультурного движения стал одним из центральных и для советской прессы. Практически в каждой статье, повествующей о целях и задачах физкультуры в стране, о ее роли для мирового пролетариата и просто о спортивных соревнованиях, говорилось о необходимости каждому человеку заниматься физкультурой. На страницах газет печатались заметки о физкультурной жизни города и деревни, в которых отмечалось стремление молодежи к спорту даже при наличии всевозможных неудобств, сводящихся к скудности материально-технической базы¹⁰. Освещение работы в деревне выделялось отдельным пунктом в ежегодном плане «Красного спорта»¹¹. Поднимался и материально-финансовый вопрос, решение которого предлагалось осуществить РКСМ и Всероссийскому товариществу образовательно-производственных ассоциаций допризывников (ВТОПАС)¹². Публиковались статьи, непосредственно посвященные вопросу массовости в физкультуре. Так, например, член ВСФК Л. Геркан в статье для «Известий спорта» усмотрел в самой сущности спорта марксистскую диалектику. По его словам,

⁶ Там же.

⁷ Там же. Д. 17. Л. 51.

⁸ Итоги работы и очередные задачи профсоюзов: из резолюции XV конференции ВКП(б) от 26 октября – 3 ноября 1926 г. // Основные постановления... С. 14.

⁹ Там же.

¹⁰ Худ-гол // Известия. 1924. 2 сент. С. 8.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-7576. Оп. 1. Д. 13. Л. 100.

¹² К спорту! // Правда. 1922. 19 авг. С. 3.

индивидуальная тренировка как средство достижения результата соседствует с соревнованиями как неотъемлемой частью спорта, в результате чего спортсмен нуждается в другом спортсмене, т. е. в конкуренции. Автор заключает: «Жизненность и правильность развития спорта обеспечены, если он опирается на массы»¹³.

Массовый характер советской физкультуры должна была подчеркнуть и Спартакиада 1928 г., главное спортивное событие 1920-х гг. Мероприятие предполагалось разделить на три части: массовую, показательную и соревновательную¹⁴. Первая из них должна была быть направлена как на агитацию за физкультурное движение внутри страны, так и на пропаганду пролетарской физкультуры за рубеж. Основу массовой части должно было составить массовое гулянье, программа которого была тщательно спланирована. Помимо различных массовых развлечений, торжественного открытия Спартакиады, демонстраций и шествий с лозунгами, в рамках гулянья предполагалось провести масштабную театральную постановку «Всемирный Октябрь». Ее участники делились на разные мировые государства, каждое из которых, в свою очередь, на группы и общественные слои, в которых «начинают нарастать классовые противоречия», перерастающие в войну. Кульминацией постановки должна была стать грандиозная батальная сцена: «мир раскололся и два фронта, и происходит последняя битва с стрельбой, взрывами, газами, в которой на сторону пролетариата переходят все разумные – атака, капиталисты разбиты»¹⁵.

Актуализация темы массовизации была ярко продемонстрирована и на соревновательной части. Ее открытие сопровождалось масштабным парадом, к участию в котором призывал физкультурные организации секретарь оргкомитета Б. Кальпус¹⁶. Всеми этими действиями Спартакиада должна была выгодно отличаться от буржуазных Олимпийских игр, проходивших в том же году. Если буржуазная Олимпиада позиционировалась советским физкультурно-спортивным руководством как спорт ради спорта, то пролетарская Спартакиада должна была стать мощным оружием пропаганды идей и достижений советской физической культуры.

¹³ Геркан Л. Массовый и индивидуальный характер спорта // Известия спорта. 1922. № 4. С. 3.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-7576. Оп. 1. Д. 42. Л. 29.

¹⁵ Там же. Д. 41. Л. 91.

¹⁶ Там же. Л. 120.

*Всесоюзный комплекс ГТО
как основной механизм массовизации*

Задача массовизации советской физкультуры требовала от ВСФК определить четкую организационную форму, в поиске которой совет находился все 1920-е гг. Необходимость понимания масштабов размаха физкультурного движения и количества вовлеченных в нее граждан обуславливала потребность в учете физкультурников страны. В связи с этим, в 1925 г. был поднят вопрос о введении значка физкультурника, право на ношение которого предполагало сдачу определенных нормативов, а ленинградскому и украинскому СФК было поручено в кратчайшие сроки предоставить имеющиеся у них концепции в этой области¹⁷. Спешная разработка и утверждение проекта значка физкультурника сказалась на степени его проработанности. Многие местные СФК, как, например, Северокавказский, просили от высшего совета разъяснений о том, кто должен быть обладателем значка и как организовывать испытания на его выдачу¹⁸. В это же время показатели вовлеченных в физкультурное движение граждан оставались неточными¹⁹. Неудачу проекта ВСФК признал уже в 1927 г., отложив на неопределенный срок проведение испытаний на выдачу значка, признав их несвоевременными и предложив самим физкультурникам провести дискуссию по этому вопросу в прессе²⁰. В этом же году была предпринята попытка установить единые формы организации через создание кружков физкультуры, но и в этом случае вопрос о введении единого билета была решено отложить²¹.

Сдвинуть вопрос с «мертвой точки» помогла начавшаяся широкая программа по укреплению обороноспособности СССР, заставившая обратить внимание на физкультуру центральную прессу. В контексте физподготовки в армии в журнале «Физкультура и спорт» еще в 1929 г. высказывались соображения о введении комплекса нормативов²². С подобным мнением 24 мая 1930 г. выступили и в «Комсомольской правде», предложив ввести

¹⁷ Там же. Д. 12. Л. 20.

¹⁸ Там же. Д. 13. Л. 89.

¹⁹ Там же. Д. 20. Л. 8.

²⁰ Там же. Д. 25. Л. 3.

²¹ Там же. Д. 33. Л. 5.

²² *Камнев С.* Нужно усилить темп // Физкультура и спорт. 1929. № 8. С. 1.

нормы подготовки советских граждан к труду и обороне²³. Эта идея быстро нашла отклик в высших кругах ВСФК. В этом же году в совете была создана комиссия для разработки основных положений значка «Готов к труду и обороне». Цель комплекса заключалась в создании и поддержании общественного интереса к физкультуре, который все еще считался недостаточным. Наброски положений о комплексе ГТО были готовы уже к концу 1930 г. Была составлена программа испытаний для трех возрастных категорий для мужчин и женщин, выполнение которых награждалось грамотой и значком²⁴. Их выдачу предполагалось приурочить к революционным праздникам. Обладатели значка получали льготное право на поступление в физкультурные вузы, но могли быть лишены его за «антиобщественные поступки»²⁵. Положение этого физкультурно-спортивного комплекса было окончательно утверждено постановлением ВСФК от 11 марта 1931 г.

Введение комплекса ГТО стало революционным шагом в организации советской физкультуры. Работой в этом направлении предполагалось решить сразу несколько задач социалистического строительства. Во-первых, введение строгих норм позволяло реализовывать в области физкультуры идею планового строительства, особенно актуальную в годы первой пятилетки, когда на рельсы «плановости» переходила не только экономика, но и общественная жизнь. Во-вторых, нормы ГТО отвечали фундаментальному вопросу о массовости, на котором строилась вся советская довоенная физкультура. Реализуя эту задачу, ЦК ВЛКСМ назвал подготовку к сдаче испытаний основной формой работы комсомола в сфере физкультурного строительства²⁶, а ВСФК заявил о переориентировании всей физкультурной работы под сдачу норм ГТО²⁷.

В результате введения комплекса стало возможным апеллирование к объективному количественному показателю – числу получивших значок физкультурников (значкистов) и, соответственно, планирование увеличения этого числа в строго выверенное количество раз. Таким образом, число значкистов стало основным параметром развития физкультуры в глазах советского

²³ Крепкие мышцы, зоркий глаз нужны каждому трудящемуся! // Комсомольская правда. 1930. 24 мая. С. 4.

²⁴ Положение о значке «Готов к труду и обороне» // Физкультура и спорт. 1930. № 23–24. С. 25.

²⁵ Там же.

²⁶ О значке «Готов к труду и обороне»: постановление ЦК ВЛКСМ от 10 сентября 1931 г. // Основные постановления... С. 54–55.

²⁷ Готов к труду и обороне // Физкультура и спорт. 1931. № 7. С. 1.

руководства. По заявлениям советских физкультурных функционеров, весна 1931 г. должна была стать первой большевистской весной для массового физкультурного обучения трудящихся с целью подготовке к сдаче норм ГТО²⁸.

Примечательно, что центральная пресса не сразу обратила внимание на развернувшуюся физкультурную работу. Лишь в середине 1932 г. в «Известиях» вышел материал, посвященный комплексу, дополненный цитатой Сталина, назвавшего физкультуру «органическим звеном системы коммунистического воспитания нового поколения рабочих, способных поднять могущество Советской страны и защищать ее грудь от покушений со стороны врагов»²⁹. Его введение было названо ударом по аполитичной буржуазной физкультуре со стороны физкультуры пролетарской, являющейся делом государственной важности. Этим освещение аспектов внедрения программы ГТО в СССР со стороны центральной прессы исчерпывается. «Ф. и С.» напротив, сделала вопросы подготовки и сдачи норм своей основной тематикой. Масштабная агитационная кампания призвала воплотить в жизнь лозунг «Ни одного физкультурника, не сдавшего норм!»³⁰. В многочисленных статьях публиковались результаты программы, называлось точное число значкистов, формулировались дальнейшие планы развития постановления о комплексе ГТО, ставшего основой советской физкультуры начала 1930-х гг.

Механизмы массовизации в 1930-е гг.

Октябрь 1933 г. стал для советской физкультуры своеобразным водоразделом. Постановление ВСФК «О перестройке физкультурного движения» изменило целеполагание физкультурно-спортивной работы. Признавая успешное выполнение задач партии в области физкультуры, президиум Совета предписывал создать массовые спортивные общества, основная задача которых заключалась в усилении качества спортивно-технической работы и улучшении спортивных результатов³¹. Именно с этого момента в

²⁸ Там же.

²⁹ Григорьев А., Демин И. Готов к труду и обороне // Известия. 1932. 28 мая. С. 4.

³⁰ Ни одного физкультурника, не сдавшего норм! // Физкультура и спорт. 1931. № 7. С. 5.

³¹ О перестройке физкультурного движения: постановление президиума ВСФК при ЦИК СССР от 7 октября 1933 г. // Красный спорт. 1933. Спец. вып.

советской физкультурной риторике произошла актуализация спортивной тематики, что выразилось в возобновлении выпуска газеты «Красный спорт», введении в обиход слов «мастер», «чемпион», «рекорд» и др., введении званий «мастер спорта» и «заслуженный мастер спорта», а также постепенном выходе советских спортсменов на международную арену. При этом руководству советской физкультурой было важно подчеркнуть важность сохранения ее основных принципов. Комментируя реорганизацию, председатель ВСФК Н.К. Антипов заявил, что основой физкультурной работы все так же остается комплекс ГТО, направленный привлечение широких масс, а итоги реализации комплекса показывают правильность системы советской физкультуры³² [Копысов 2024].

Итак, преобладание новационных тенденций в риторике руководства советской физкультуры и спорта не помешало традиционным базовым элементам не утратить своей актуальности. Вопрос о массовости физкультурного движения, ставший основным еще в начале 1920-х гг., неоднократно поднимался и в предвоенный период. Программные речи высокопоставленных чиновников в области физкультуры, основной задачей которой, как уже упоминалось выше, было завоевание мирового первенства, неизменно сопровождалась заявлениями о важности вовлечения в эту сферу максимального возможного количество граждан. Массовость физкультуры, наравне с ее качественным ростом, виделась ключом к достижению лучших мировых результатов³³. Несмотря на стабильный рост числа людей, вовлеченных в физкультурную работу, обращалось внимание на отсутствие должных результатов в этой области. Так, говоря о задаче достижения половины мировых рекордов, Н.К. Антипов обратил внимание на важность систематической работы для ее реализации, что должно выражаться, в первую очередь, в массовом характере физкультуры³⁴. Его преемник И. Харченко, выступая с докладом на одном из собраний московских физкультурников, назвал показатель в 9 млн человек, занимающихся физкультурой в СССР, недостаточным³⁵. По его словам, созданный по личной инициативе Сталина комитет по делам физкультуры при СНК призван, в том числе, значительно увеличить это число³⁶.

³² Комплекс ГТО был, есть и будет основой нашей работы: речь тов. Н.К. Антипова // Там же. 1934. 25 апр. С. 3–4.

³³ Тов. Н.К. Антипов о задачах ф.-к. работы // Там же. 1934. 11 окт. С. 1.

³⁴ Там же.

³⁵ Собрание московских физкультурников // Правда. 1936. 27 июня. С. 6.

³⁶ Там же.

В условиях достижения определенной степени массовости физкультуры и спорта преимущественно в городах, особое внимание было уделено ее развитию в сельской местности. «Красный спорт» призывал советских физкультурников не только организовывать спортивную работу в деревне, но и помогать колхозникам в сельскохозяйственных работах, называя эту работу боевой задачей физкультурных организаций³⁷. «Известия» освещали подробности физкультурной жизни в колхозах. Отмечалось, что при большой любви колхозников к спорту, они сталкиваются с рядом проблем материального-технического характера, решить которые необходимо основательной работой физкультурных организаций в деревне³⁸.

Ключевым проектом, направленным на массовизацию физкультуры в стране, все так же оставался комплекс ГТО, хорошо зарекомендовавший себя еще в начале 1930-х гг. Именно тема ГТО стала второй по популярности в советской прессе второй половины 1930-х гг., уступая лишь вопросам достижения мировых рекордов. И центральная, и спортивная пресса, называя комплекс основой советской физкультуры, призывала граждан к сдаче нормативов³⁹, обращала внимание на недочеты в работе физкультурных организаций в этом направлении⁴⁰, сообщала об успехах программы⁴¹. Показателем пристального внимания со стороны высшего советского руководства к данному вопросу стало обновление комплекса в 1939 г. Постановление СНК от 26 ноября 1939 г. предполагало вовлечение в его реализацию ряд государственных структур, таких как Наркомздрав и Наркомпросы республик⁴². Введением нового комплекса предполагалось улучшить систему учебно-спортивной работы, открыть возможности сочетания занятий любым видом спорта с всесторонней физической подготовкой, что, в конечном итоге, должно было дать советскому спорту твердую основу для

³⁷ *Тресковский З.* Уборка урожая и задачи физкультурников // Красный спорт. 1935. 6 июля. С. 2.

³⁸ *Кудреватых Л.* Физкультурники колхоза «Прогресс» // Известия. 1939. 3 сент. С. 4.

³⁹ *Щербаков В.* За новые миллионы значкистов ГТО, за новые миллионы спортсменов! // Красный спорт. 1939. 28 дек. С. 2.

⁴⁰ Почему на груди нет значка БГТО? // Красный спорт. 1934. 27 авг. С. 4.

⁴¹ За 500 000 новых значкистов ГТО // Там же. 1938. 5 февр. С. 2.

⁴² О введении нового физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне СССР»: постановление СНК СССР от 26 ноября 1939 г. // Основные постановления... С. 30.

более массового развития и дальнейшего подъема спортивной техники⁴³.

Как и в начале 1930-х гг. комплекс ГТО способствовал четкому планированию физкультурной работы, особенно важному в контексте реализации второй и третьей пятилеток. На совещаниях комитета по физической культуре при СНК неоднократно говорилось о важности точной постановки работы и ее планирования для все растущей армией физкультурников⁴⁴. Одним из важнейших параметров этого планирования все еще являлось количество «значкистов» ГТО⁴⁵.

Подчеркнуть массовый, всесоюзный размах физкультурного движения была призвана ежегодная практика проведения физкультурных парадов, ко второй половине 1930-х гг. ставшая особым ритуалом советской власти, вышедшим далеко за рамки физкультурно-спортивной тематики. Парады конца 1930-х гг. представляли собой тщательно срежиссированное театрализованное представление, в котором были задействованы десятки тысяч физкультурников. Е.В. Барышева отмечает, что физкультурные парады имели исключительную важность для советской власти, подтверждением чего являлось присутствие высших партийных руководителей на каждом подобном мероприятии [Барышева 2011]. По ее мнению, такая заинтересованность связана с тем, что парад позволял продемонстрировать основные задачи власти в лаконичной форме [Барышева 2011].

Помимо косвенного обращения к гражданам в хорошо отрепетированной театральной форме, парад служил трибуной для декларации дальнейших целей и задач советского спорта. С традиционными программными речами выступали высшие должностные лица советской физкультуры – председатели ВСФК, а затем комитета по физкультуре при СНК, и первые секретари ЦК ВЛКСМ, получившего колоссальное влияние на отечественную физкультуру и спорт благодаря деятельности А.В. Косарева в первой половине 1930-х гг. В этих выступлениях руководители подводили итоги развития физкультурного движения, характеризовали его состояние на текущий момент⁴⁶, ставили актуальные задачи в области

⁴³ О введении нового физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне СССР»: приказ Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при СНК СССР // Основные постановления... С. 57.

⁴⁴ Физкультурному движению – четкий план и учет // Красный спорт. 1939. 26 авг. С. 2.

⁴⁵ За 500 000 новых значкистов ГТО // Там же. 1938. 5 февр. С. 2.

⁴⁶ Харченко И. Советский спорт // Известия. 1937. 12 июля. С. 3.

реализации комплекса ГТО⁴⁷, призывали стремиться к покорению мировых рекордов⁴⁸.

Ожидание крупномасштабного военного конфликта видоизменило и внутреннюю концепцию развития советской физкультуры. Основные изменения затронули подходы к реализации в стране комплекса ГТО. Его акцент был перенесен с массовизации физкультуры для создания здоровых и физически сильных поколений строителей коммунизма на усиление военно-прикладной работы и подготовку граждан к обороне страны. В этом контексте стоит особо отметить вовлечение в физкультурную работу таких организаций как ДОСААФ и Осоавиахим. Военная риторика отчетливо прослеживалась и в ежегодных спортивных парадах. В 1939–1940 гг. посвященные дню физкультурника плакаты неизменно содержали изображения спортсменов, вооруженных винтовками⁴⁹. В то же время на фотографиях, иллюстрирующих статьи о параде в правительственной прессе, были запечатлены не причудливые фигуры из людей, как это было принято ранее, а марширующие вооруженные физкультурники⁵⁰.

Таким образом, комплекс ГТО, регулярно называемый спортивным руководством основой советской физкультуры, во второй половине 1930-х гг. выполнял две ее фундаментальные задачи. В мирное время он способствовал массовизации физкультурно-спортивного движения в стране, необходимой для взращивания здоровых и физически крепких поколений строителей социализма, и обеспечивал возможность планирования работы в этом направлении, что было особенно важно для социалистического хозяйства. В случае военной угрозы комплекс позволял проводить начальную военную подготовку граждан, что стало особенно актуальным в предвоенные годы.

Заключение

С самого начала существования советской власти основополагающей задачей физкультуры было оздоровление и физическое развитие граждан. С ее помощью предполагалось достичь цели воспитания здоровых и физически крепких поколений, способных

⁴⁷ Готовы к труду и обороне // Красный спорт. 1935. 3 июля. С. 1.

⁴⁸ День радости и солнца // Известия. 1936. 8 июля. С. 1.

⁴⁹ В честь праздника молодости // Известия. 1940. 21 июля. С. 1.

⁵⁰ Парад физкультурников на Красной площади // Правда. 1940. 22 июля. С. 2.

построить новое, социалистическое будущее и с оружием в руках бороться за мировую революцию. Первой организационной структурой советской физкультуры стало военное ведомство – Всевобуч, в связи с чем советская физкультура начала 1920-х гг. тесно переплеталась с вопросами армейской подготовки, не утратившими свою актуальность и в последующие годы. Эти фундаментальные цели были достижимы лишь при условии массового характера физкультурного движения в стране. Задача его распространения среди населения страны была возложена на физкультурные организации, профсоюзы и комсомол.

Поиск организационной формы инструмента массовизации физкультурного движения продлился свыше десяти лет. В 1931 г. был введен комплекс физкультурных нормативов БГТО для детей и ГТО для взрослых, предполагавший не только определение четких параметров физического развития, но и систематизацию массовых спортивных мероприятий. Путем внедрения этой программы предполагалось выполнить основные задачи физкультурной работы, почти не изменившиеся за ее десятилетнее развитие – создать физически сильного советского человека, обеспечить его начальной военной подготовкой и вовлечь в этот процесс как можно больше граждан. Определение строгих нормативов и возможность оперирования количественными показателями вписало физкультуру в контекст планирования социалистического хозяйства, что для советского руководства было немаловажно. Реализация комплекса БГТО и ГТО продолжалась вплоть до начала Великой Отечественной войны практически в неизменном виде, что и позволяло спортивному руководству страны называть ее основой советской физкультуры.

Литература

- Бакешин 2019 – *Бакешин К.П.* Роль Всевобуча в становлении советского физкультурно-спортивного движения в постреволюционную эпоху (1918–1923) // Ученые записки Ун-та имени П.Ф. Лесгафта. 2019. № 5. С. 33–37.
- Барышева 2011 – *Барышева Е.В.* Визуальные аспекты репрезентации власти в 1920–1930-е гг. // Гуманитарные чтения РГГУ – 2011. М.: РГГУ, 2012. С. 254–264.
- Деметер 2005 – *Деметер Г.С.* Очерки по истории отечественной физической культуры и олимпийского движения. М.: Советский спорт, 2005. 360 с.
- Дорошенко 2019 – *Дорошенко А.А.* Советский спорт как социально-политический проект в период Гражданской войны (1918–1921 гг.) // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2019. Т. 4. № 3. С. 67–71.

- История 2001 – История физической культуры и спорта / под ред. В.В. Столбова. М.: Физкультура и спорт, 2001. 423 с.
- Истягина-Елисеева 2015 – *Истягина-Елисеева Е.А.* Военно-патриотическое воспитание молодежи средствами спорта и комплекса ГТО в период 1917–1940 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 6. Ч. 1. С. 49–51.
- Кайзер 2018 – *Кайзер П.* «Отвоевать все мировые рекорды!»: роль комсомола и его генерального секретаря А.В. Косарева в становлении и развитии советского спорта в 1930-е гг. // Россия XXI. 2018. № 6. С. 130–154.
- Копысов 2024 – *Копысов Н.Б.* Советская политика в области «спорта высоких достижений» в 1920–1930-х гг. // Вестник РГГУ. «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 1. С. 102–116.
- Мясоедов 1982 – *Мясоедов А.А.* Партия – организатор физкультурного движения в СССР (1918–1923 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1979. 175 с.
- Стряпихина 2015 – *Стряпихина А.А.* Становление физкультурного движения и реализация комплекса ГТО в СССР // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2015. Т. 1. № 1. С. 131–136.
- Суник 2010 – *Суник А.Б.* Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта. М.: Советский спорт, 2010. 615 с.
- Ульянова, Сидорчук 2023 – *Ульянова С.Б., Сидорчук И.В.* От футбола до парашютизма: физкультура и спорт на заводе «Красный Путиловец» в 1920 – начале 1930-х гг. // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 2. С. 455–469.
- Ульянова, Сидорчук 2024 – *Ульянова С.Б., Сидорчук И.В.* Кампания «Неделя за здоровую смену» 1928 г. и формирование советской модели физической культуры // Новый исторический вестник. 2024. № 3. С. 92–112.
- Филиппов 2012 – *Филиппов А.Н.* Советский физкультурный парад 1920–1930-х гг. // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». 2012. № 1. С. 30–33.
- Хорошева 2018 – *Хорошева А.В.* Деятельность Красного спортивного интернационала в конце 1920 – начале 1930-х гг. // Вестник МГУ. 2018. Серия 8. № 5. С. 6–105.
- Хорошева 2023 – *Хорошева А.В.* Проблема кадров в советском физкультурном движении 1918–1930 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8 «История». 2023. Т. 64. № 2. С. 75–96.
- Riordan 1991 – *Riordan J.* Sport, politics and communism. Manchester: Manchester University Press, 1991. 168 p.

References

Bakeshin, K.P. (2019), “The role of Vsevobuch in the formation of the Soviet physical culture and sports movement in the post-revolutionary era (1918–1923)”, *Uchenye zapiski Universiteta imeni P.F. Lesgafta*, no. 5, pp. 33–37.

- Barysheva, E.V. (2011), "Visual aspects of the representation of power in the 1920s and 1930s", *Gumanitarnye chteniya RGGU – 2011* [Humanitarian readings of the Russian State University for the Humanities – 2011], RGGU, Moscow, Russia, pp. 254–264.
- Demeter, G.S. *Ocherki po istorii otechestvennoi fizicheskoi kul'tury i olimpiiskogo dvizheniya* [Essays on the history of Russian physical culture and the Olympic movement], Sovetskii sport, Moscow, Russia.
- Doroshenko, A.A. (2019), "Soviet sport as a socio-political project during the Civil War (1918–1921)", *Omsk Scientific bulletin, Series Society. History. Modernity*, vol. 4, no. 3, pp. 67–71.
- Filippov, A.N. (2012), "Soviet sports parade of the 1920s – 1930s", *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki*, no. 1, pp. 30–33.
- Istyagina-Eliseeva, E.A. (2015), "Military-patriotic education of youth by means of sports and the GTO complex in the period 1917–1940", *Historical and Social Educational Idea*, vol. 7, no. 6, pp. 49–51.
- Kaiser, P. (2018), "‘We must break all world records!': The role of the komsomol and his general secretary A.V. Kosarev in the organizing and development of Soviet sport system in the 1930s", *Rossiya XXI*, no. 6, pp. 130–154.
- Khorosheva, A.V. (2018), "Activities of Red Sport International in late 1920s – early 1930s", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*, no. 5, pp. 86–105.
- Khorosheva, A.V. (2023), "Personnel matter in the Soviet physical culture movement from 1918 through 1930", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*, vol. 64, no. 2, pp. 75–96.
- Kopysov, N.B. (2024), "Soviet policy on 'high-performance sports' in the 1920s and 1930s", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 102–116.
- Myasoedov, A.A. (1982), *Partiya – organizator fizkul'turnogo dvizheniya v SSSR (1918–1923 gg.)* [The party as an organizer of the physical culture movement in the USSR (1918–1923)], Ph.D. Thesis (History), Volgograd, USSR.
- Riordan, J. (1991), *Sport, politics and communism*, Manchester University Press, Manchester, UK.
- Stolbov, V.V., ed. (2001), *Istoriya fizicheskoi kul'tury i sporta* [The history of physical culture and sports], Fizkul'tura i sport, Moscow, Russia.
- Stryapikhina, A.A. (2015), "The formation of the physical culture movement and the implementation of the GTO complex in the USSR", *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, vol. 1, no. 1, pp. 131–136.
- Sunik, A.B. (2010), *Ocherki otechestvennoi istoriografii istorii fizicheskoi kul'tury i sporta* [Essays on the national historiography of the history of physical culture and sports], Sovetskii sport, Moscow, Russia.
- Ulyanova, S.B. and Sidorchuk, I.V. (2023), "From football to parachuting. Physical education and sports at the "Krasny Putilovets" plant in the 1920s – early 1930s", *Novoishaya istoriya Rossii*, vol. 13, no. 2, pp. 455–469.

Ulianova, S.B. and Sidorchuk, I.V. (2024), "The 'Week for a healthy generation change' campaign of 1928 and the creation of the Soviet model of physical culture", *The New Historical Bulletin*, no. 3, pp. 92–112.

Информация об авторе

Николай Б. Копысов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kopysov_n@mail.ru
ORCID ID: 0009-0006-2585-1524

Information about the author

Nikolai B. Kopysov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kopysov_n@mail.ru
ORCID ID: 0009-0006-2585-1524

Влияние ленд-лиза в 1941–1942 гг.
на развитие военной ситуации
англо-американского альянса
и подготовку к открытию второго фронта

Григорий Г. Попов

*Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия, GGPopov2009@mail.ru*

Станислав Г. Давыдов

*Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия, a105trk@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос связи ленд-лиза с процессом подготовки к открытию второго фронта. Авторы дают оценку ленд-лиза на начальных этапах Великой Отечественной войны и войны на Тихом океане с точки зрения воздействия поставок военной техники в СССР на способность Великобритании и США эффективно противостоять фашистскому блоку. Авторы доказывают, что поставки по линии ленд-лиза в СССР не оказали серьезного негативного влияния на положение западных союзников, более того, эти поставки в полной мере окупались вкладом Красной армии в общую борьбу с нацистской агрессией. Гораздо больший урон США и Великобритания понесли от неверно выбранных ими стратегий и методов ведения войны. В этой связи авторы доказывают на примере оборонительных операций Британской империи и США в Юго-Восточной Азии, что ленд-лиз для СССР имел отрицательный эффект в рамках конкретных театров военных действий только при наличии неправильных стратегических решений со стороны американского и британского командований. В то же время авторы показывают ленд-лиз как огромный вклад американского народа в преодоление кризиса антигитлеровской коалиции в 1941–1942 гг.

Ключевые слова: ленд-лиз, антигитлеровская коалиция, война на Тихом океане, малайская операция, ВВС США, военная экономика США, североафриканская кампания

Для цитирования: Попов Г.Г., Давыдов С.Г. Влияние ленд-лиза в 1941–1942 гг. на развитие военной ситуации англо-американского альянса и подготовку к открытию второго фронта // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 1. С. 166–184. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-166-184

The influence of Lend-Lease in 1941–1942 on the military situation of the Anglo-American Alliance and the opening the Second Front

Grigorii G. Popov

Presidential Academy, Moscow, Russia, GGPopov2009@mail.ru

Stanislav G. Davydov

Presidential Academy, Moscow, Russia, a105trk@yandex.ru

Abstract. The article describes the way Lend-Lease influences the preparation for the opening of the Second Front. The authors make an assessment to Lend-Lease at the initial stages of the Great Patriotic War and the Pacific War, calling attention to the impact of military equipment supplies to the USSR on the ability of Great Britain and the United States to effectively to resist the fascist bloc. The authors argue that the Lend-Lease supplies to the USSR did not cause significant damage to the Western Allies, this damage being fully justified by the successes of the Red Army in repelling Nazi aggression. The United States and Great Britain suffered much more damage due to their incorrectly chosen strategies and methods of warfare. To give evidence to this, the authors give the examples of the defensive operations of the British Empire and the United States in Southeast Asia, arguing that Lend-lease for the USSR had a negative effect within specific theaters of military operations because of the poor strategic decisions taken by the American and British command. On the other hand, the authors consider Lend-Lease as a huge contribution of the American people to overcoming the crisis of the Anti-Hitler Coalition in 1941–1942.

Keywords: Lend-Lease, anti-Hitler coalition, Pacific War, Malay operation, US Air Force, US military economy, North African campaign

For citation: Popov, G.G. and Davydov, S.G. (2025), “The influence of Lend-Lease in 1941–1942 on the military situation of the Anglo-American Alliance and the opening the Second Front”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 166–184, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-166-184

Введение

Тема вклада США в разгром фашистского блока после дискуссий о роли союзников в годы Второй мировой войны в 1950–1980-е гг. отошла затем на периферию российской историографии. Эта дискуссия в СССР и на Западе велась через призму идеологий. В отечественной историографии до сих пор отстаивается концептуальная идея о вероятности и возможности открытия второго фронта раньше 1944 г. В целом этот концептуальный подход характерен для всего советского периода от начала самой дискуссии о втором фронте во время Великой Отечественной войны, и он перешел в постсоветскую историографию [Гус 1951; Минаев 1943; Толченев 1953; Трухановский 1965; Яковлев 1961; Майский 1958; Лебедев 1959; Исраэлян 1964; Земсков 1961; Вольский 1958; Реутов 1970; Секистов 1970; Секистов 1972; Самсонов 1975; Кулиш 1965]¹. Советские исследователи, включая упомянутых выше, проводили в основном анализ дипломатических и политических документов, в меньшей степени внимания уделялось анализу направлений, касающихся вооруженных сил союзников и их военных экономик. Мнения этих ученых, особенно современников Великой Отечественной войны, отражало общественное мнение советского общества на проблему открытия второго фронта, но советские граждане имели минимум информации о Западном фронте и войне на Тихом океане. То же самое касается и обществ западных демократий, в их печати и СМИ давалась самая общая информация о боевых действиях, которые вела Красная армия. Правда, в США общественное мнение настаивало на концентрации усилий на Тихоокеанском театре военных действий (ТВД), и американские правые негативно относились к развитию союзнических отношений с Москвой, когда в Англии, благодаря в основном лейбористам, общественное мнение требовало увеличения помощи СССР и скорейшего открытия второго фронта.

Как было сказано выше, советская традиция, относящаяся к изучению темы открытия второго фронта, сохранилась в постсоветской исторической науке. Активно занимавшийся историей антигитлеровской коалиции в 1970–1980-е гг. А.Г. Чевтаев [Чевтаев 2011] в начале 2010-х гг. утверждал в одной из своих работ, что процесс открытия второго фронта протекал на фоне постепенно усложнявшихся отношений между СССР и Англо-

¹ См. также: *Толченев М.П.* За кулисами подготовки второго фронта: Стенограмма публичной лекции, прочитанной 11 июня 1947 г. в Лекционном зале в Москве. М.: Правда, 1947.

американским альянсом. В целом те же положения, но в более смягченной по отношению к США форме, отразил в своей фундаментальной монографии известный историк советско-американских отношений В.Л. Мальков [Мальков 2011], который занимался этой темой также в советский период. В частности, В.Л. Мальков пишет: «Военно-политическая ситуация после Сталинграда изменилась так круто, что, по их (Рузвельта и Гопкинса. – *Авт.*) убеждению, делало настоятельно необходимыми три вещи: пересмотр военной стратегии западных союзников и скорейшее возвращение к плану вторжения в Северную Францию, с тем чтобы “успеть раньше русских в Берлин”» [Мальков 2011, с. 388]. Однако в отечественной историографии связь между открытием второго фронта и ленд-лизом слабо прослеживается, и она в основном касается политической стороны этого вопроса.

Английская и американская историографии в целом отстаивают противоположную точку зрения по отношению к проблеме второго фронта, нежели советская и постсоветская российская. Открытие второго фронта, согласно ведущим американским и британским исследователям, было затруднено в силу особенностей театра военных действий в Европе, недостаточной готовности к 1942–1943 гг. союзников к высадке во Франции, нападению Японии в конце 1941 г. на них и неудач их вооруженных сил в войне на Тихом океане до битвы за Мидуэй [Burnes 1971; Stoler 1977; Jackson 1978; Smith 1984; Douglas 1981]. Современные исторические работы повторяют ту же линию по данному вопросу, при этом преуменьшая роль Советского Союза в разгроме нацистской Германии и ее союзников и преувеличивая значение США в рамках действий антигитлеровской коалиции [Weinberg 1995; Stoler 2006; Piehler 2010]. В таком контексте затягивание процесса открытия второго фронта правительствами США и Великобритании даже не выступает в западной историографии серьезной научной проблемой. Это связано также с тем, что западные историки Второй мировой войны после 1990 г. концентрируют внимание преимущественно на узких специальных вопросах. В целом после 1990 г. в западной историографии повторяется идея, что открытие второго фронта в 1942 г. было невозможно в силу военных и экономических причин [Folly 2006; Folly 2012; Folly 2018; Roof 2014; Klinek 2014]. Ленд-лизу в западной историографии отводится значительное место как фактору, который во многом содействовал победам Красной армии. Однако западные и советские историки делают акцент на количественных оценках поставок по ленд-лизу. Правда, полного объективного анализа эффекта ленд-лиза для советских экономики и вооруженных сил до сих пор нет. Наше мнение – ленд-лиз оказал серьезное

влияние на военное положение СССР в позитивном плане, но мы не стали бы преувеличивать это влияние. Оружейный ленд-лиз не решил стратегические задачи в первый год Великой Отечественной войны, для последующих периодов его значение возросло, но это касалось больше авиационных вооружений (Давыдов, Попов 2023).

Оперирование только количественными показателями не дает понимания полной картины ситуации, сложившейся в то время (кроме того, и статистика начального периода Второй мировой войны недостаточно проанализирована). Из 10 млн солдат и офицеров вооруженных сил (ВС) государств западных союзников большинство на начало – середину 1942 г. были новобранцами в учебных частях либо в только сформированных соединениях и/или фактически колониальной милицией, а также проходившими службу в тыловых частях и на военно-морском флоте.

Цель статьи – определить степень военно-экономического влияния ленд-лиза на процесс подготовки к открытию второго фронта в 1941–1942 гг. и выполнение других стратегических задач западных союзников в указанный период. Из данной цели вытекают следующие задачи: определить воздействие ленд-лиза на трансформационные процессы в военных экономиках США и Великобритании в ракурсе их готовности к наступлению против нацистской Германии в Западной Европе; определить степень чувствительности хода основных военных операций США и Великобритании к ленд-лизу для СССР в конце 1941–1942 гг.; выявить влияние состояния и мобилизации американской экономики в начале Второй мировой войны на ленд-лиз.

Анализ ленд-лиза проводился по отдельным ключевым статьям поставок, без учета продовольственных, так как не оказывал значительного влияния на американскую военную экономику. Период 1941–1942 гг. выбран исходя из того, что это было время кризиса и его преодоления антигитлеровской коалицией. В этот отрезок времени любое военное давление на нацистскую Германию со стороны США и Великобритании имели особо важное значение для Советского Союза.

Поставки готовой военной продукции в рамках ленд-лиза и дефицит техники на фронтах западных союзников

В рамках ленд-лиза центральными статьями готовой военной продукции выступали военные самолеты и танки. Акт о ленд-лизе возник в связи с дефицитом долларовых и золотых резервов

у Великобритании уже в первый год Второй мировой войны. В связи со снижением платежеспособности Великобритании Генри Моргенау даже предложил английскому правительству продать все свои долларовые активы в Западном полушарии². Британцы готовы были прибегнуть к этому шагу, но продать эти активы за короткий срок было сложно, правда, в дальнейшем Лондон предпримет данную меру. Таким образом, главными проблемами, вызвавшими к жизни ленд-лиз, стали не дефицит факторных ресурсов у Англии, но валютный кризис у последней. Американские бизнес и государство не желали продавать Англии все необходимое по схемам обычного кредита, поэтому потребовалось особое решение президента Ф. Рузвельта. При этом, если мы говорим о готовой военной продукции, ленд-лиз для Великобритании затронул в основном выпуск самолетов.

В отличие от Советского Союза Англия не стала с первых дней войны проводить трудовую мобилизацию, предпочитая размещать, как и Франция, крупные заказы в США и Канаде. Это означало перемещение трудозатрат из экономик Англо-французского альянса. Однако это решение оказалось в начале войны не самым удачным: из заказанных к июню 1940 г. 2956 военных самолетов поставлено в Британию 477, из них тренировочных самолетов – 408, из 5621 военного самолета, заказанных к 5 сентября 1940 г., поставлены только 770, из них тренировочных – 561, из заказанных к декабрю 1940 г. 19 891 самолетов оказались в Англии 1356 машин³.

До нападения на СССР потери Королевских ВВС (RAF) составили за период с 5 января по 15 июня 1941 г. 42 самолета. После начала оказания помощи Советскому Союзу и повышения количества боевых вылетов против целей в самой Германии и в оккупированных ею странах потери возросли, составив за период с 15 июня по 31 октября 1941 г. 302 самолета⁴. Однако RAF могли обходиться без американских поставок, как, впрочем, и во втором полугодии, так как для восполнения потери 302 самолетов англичанам вполне хватало своего национального выпуска.

После Пёрл-Харбора ситуация с военными самолетами осталась практически такой же. К 31 марта 1942 г. Британия получила из США только 1277 самолетов из 13 605 заказанных⁵. К счастью, с декабря 1940 г. люфтваффе сократили боевую активность про-

² NARA. RG 59. Entry 360. Box 20.

³ Ibid. RG 107. Entry 36. Box 1286.

⁴ F.O.1. October 20, 1941. PRO. AIR 19/288.

⁵ NARA. RG 169. Entry 74. Box 605.

тив Британских островов в связи с подготовкой к «Барбароссе» и большими потерями во время «битвы за Англию».

Срывы контрактов продолжались и когда в войну вступил Советский Союз. Чтобы помочь Москве, США и Великобритания вынуждены были пойти на непопулярные меры – сократить отправку вооружений в колонии и в доминионы. Американская промышленность испытывала сложности, связанные с дефицитом металла. Это мешало развернуть выпуск военной продукции в нужных масштабах. Весной 1941 г. федеральное правительство столкнулось с затруднениями в вопросе реорганизации производства таким образом, чтобы оно начало работать на войну. За первое полугодие 1941 г. США поставили в Великобританию 1363 военных самолета, американские военные получили за этот же период 1243 машины⁶.

Положение с производством танков американской промышленностью было к лету 1941 г. неудовлетворительным⁷, с июля по сентябрь 1941 г. США выпустили 1200 танков, а Великобритания – почти 1400 единиц этого вооружения [Hancock 1949, p. 157]. Но в 1942 г. показатели изменились в лучшую сторону. В США было выпущено 24 997 танков [Coombes 2018, p. 4].

Казалось бы, при таком большом выпуске танков в США западные союзники вполне могли бы добиться к лету 1943 г. более внушительных результатов, чем это оказалось на самом деле. Почему же этого не произошло? Согласно планам британских стратегов, главный удар в 1942 г. по «оси» западные союзники должны были нанести в Северной Африке. Для Ближнего Востока англичане готовили одну танковую дивизию, укомплектованную техникой американского производства, к январю 1942 г., вторую аналогичную дивизию Лондон собирался отправить в Индию осенью того же года. Обе дивизии так и не были сформированы – танки отправились в СССР. В итоге вместо 1500 танков Индия получила менее 100 единиц в 1942 г. [Roof 2014, p. 159]. Правда, надо сказать, что эффективность применения танков в джунглях была минимальной. Отправка целой танковой дивизии на Ближний Восток весной 1942 г. была сопряжена со значительными логистическими сложностями [Roof 2014, p. 160].

В СССР с октября 1941 г. по январь 1942 г. были отгружены 1127 танков британского производства, что составило 45% английского выпуска за этот период. Для сравнения – в доминионы и колонии Лондон отправил 520 танков, для обороны метрополии были оставлены 879 машин (все за указанный выше

⁶ Ibid. RG 107. Entry 39. Box 147.

⁷ FDR Library. Official File 4488.

период) [Roof 2014, p. 171]. В целом в СССР было поставлено не так много танков, но поставки состоялись в самый напряженный для Британской империи период, когда готовилась и проводилась операция «Крестносец». Для этой операции британцы получили вместо 460 запланированных 312 танков [Roof 2014, p. 171].

Американские поставки танков в Англию с середины июля до декабря 1941 г. составили 951 танк [Чубарьян, Кимболл, Рейнолдс 1995, с. 149–150.]. Но английские военные жаловались на дефицит этой техники в Северной Африке в 1942 г.⁸ Это было вызвано тем, что потери британской стороны в ходе боевых действий значительно возросли. Если по состоянию на 12 декабря 1941 г. на «Позиции в Западной пустыне» (так назывался фронт против корпуса Роммеля и итальянцев) числилось 356 британских танков, когда в ремонте и на модификации – 57, то 9 февраля 1942 г. это соотношение было уже 187 к 513, и на 4 августа – 792 к 1100⁹, но при этом 20 июня 1942 г. из-за больших потерь у британцев в Западной пустыне остались 111 танков против 130 – у Роммеля¹⁰. Правда, к 1 июля 1942 г. положение англичан было спасено: они уже имели 603 танка за счет поставок по морю¹¹. Но Роммель на тот момент уже располагал 519 танками. Кроме того, американцы сорвали значительную часть поставок танков в самый ответственный момент – зимой 1941–1942 гг., когда союзные силы накапливали на Ближнем Востоке ресурсы. В период с ноября 1941 по март 1942 г. были поставлены в общей сложности в Англию и доминионы 866 танков вместо 1588 обещанных [Roof 2014, p. 173], в СССР Англия отправила к 31 декабря 1941 г. 818 танков¹².

С июля 1941 по март 1942 г. RAF получили на Ближнем Востоке 1502 истребителя [Roof, 2014, p. 161]. При этом СССР с октября по декабрь получил, по Первому Московскому протоколу, 669 истребителей английского производства и 150 – американского. Всего, по данному протоколу, в Советский Союз были отправлены 3296 самолетов [Супрун 1997, с. 120] (до 1 июля 1942 г.).

Отправка самолетов английского и американского производства не могла сильно ослабить RAF в Северной Африке в последнем квартале 1941 г., учитывая, что за этот период только британская промышленность выпустила 1973 истребителя [Postan 1952, pp. 484–485]. Но так выглядит ситуация, если мы не примем во внимание отправку

⁸ NARA. RG 169. Entry 86. Box 697.

⁹ PRO. WO 193/565.

¹⁰ PRO. CAB 66/26/6.

¹¹ Ibid.

¹² NARA. RG 169. Entry 4. Box 76.

самолетов западных союзников на Тихий океан и в Индию. Надо также учесть, что из США англичане получили с середины июля по декабрь 1941 г. 2400 самолетов [Чубарьян, Кимболл, Рейнолдс 1995, с. 149–150]. Американские поставки вполне компенсировали убыль английских самолетов в СССР. Между ноябрем 1941 и сентябрем 1942 г. британские силы в Египте получили 837 истребителей американского производства [Playfair 1960, p. 458–459.].

По состоянию на 24 апреля 1942 г. в СССР были отгружены 1482 танка, это были поставки по Первому Московскому протоколу (по этому протоколу союзники должны были поставить 1750 единиц бронетехники) [Быстрова 2019, с. 224]. К 24 апреля 1942 г. этим протоколом были обусловлены поставки 861 военного самолета, из них – 438 истребителей [Быстрова 2019, с. 201]. Эти поставки теоретически могли заметно повлиять на ситуацию в Северной Африке с точки зрения создания дефицита вооружений и техники для британских войск, но у англичан имели место сложности с доставкой на этот театр военных действий армейского имущества. Разумеется, Советско-германский фронт был важнее Северной Африки, и на нем вермахт нес большие потери.

Неудачи на Тихоокеанском ТВД и на Бирманском фронте в первые полгода после атаки на Пёрл-Харбор были сопряжены во многом с отправкой значительных ресурсов союзников в Северную Африку, в частности из Индии туда убыло немало сильных частей [Dunlop 2006, p. 49] (британцы потеряли в начале 1942 г. большую часть Бирмы во многом из-за нехватки там войск и дефицита резервов в самой Индии [Dunlop 2006, p. 24]). К началу войны Британской империи с Японией Индия отправила за свои пределы уже 300 000 солдат и офицеров [Woodburn 1958, p. 47], в этой стране оставались 600 000 призванных преимущественно из коренного населения военных [Woodburn, 1958, p. 47], но большинство из них относилось к обучавшимся новобранцам и тыловым частям. К тому же индийские войска были плохо вооружены [Dunlop 2006, p. 51].

Для операций на Тихом океане США вынуждены были задействовать в период с сентября по декабрь 1942 г. 1 823 983 т транспортов, чтобы осуществить переброску 110 007 солдат и офицеров [Leighton, Coakley 1955, pp. 732–733]. Чтобы ликвидировать группировку Роммеля, западным союзникам потребовалось провести операцию «Факел», для чего были выделены 1 019 780 т транспортов для переброски с октября по ноябрь 1942 г. 102 860 военных [Leighton, Coakley 1955, pp. 732–733].

Потребности в тоннаже для проведения операций с каждым кварталом стремительно увеличивались. Если для проведения операции «Факел» было необходимо немногим более 1 млн т

транспортных судов, то в случае с операцией «Оверлорд» (июнь 1944 г.) только на одну пехотную дивизию армии США требовалось 270 000 т, не считая остальных потребностей [Хастингс 1989, с. 53], всего для 10 танковых и 23 пехотных дивизий требовалось 10,07 млн т. Американцы с большим трудом выделили почти 1,83 млн т для оборонительных операций на Тихом океане в последнем квартале 1942 г., судостроение США не поспевало еще за ростом потребностей своих вооруженных сил.

В 1941 г. было отправлено в СССР 8 арктических конвоев, в составе которых находились 64 судна, в 1942 г. состоялись 13 конвоев, в которых оказались задействованы 256 судов [Шофилд 2003, с. 283]. Таким образом, выделенное в 1942 г. количество транспортных судов подошло бы для переброски 6-ти танковых дивизий, и это в условиях кризиса тоннажа у западных союзников, который продолжался до осени 1942 г.

Только в конвое PQ-16 западные союзники задействовали 19 боевых судов уровня не ниже эсминца (май 1942 г.) [Ефремов 2012, с. 111]. Укажем для сравнения, что в Битве за Мидуэй у американцев участвовало 23 надводных боевых судна этих же уровней, не считая авианосцев [Blair 1975, p. 240].

Что касается затрат металлов, с чем был сопряжен большой процент расходов электроэнергии, то в США из-за ленд-лиза для СССР он не был столь велик по отношению к общему национальному производству, чтобы серьезно повлиять на способность Соединенных штатов вести войну, это следует в первую очередь из отчетов президента США Ф. Рузвельта по военно-экономическим вопросам¹³.

Особенности мобилизации экономики США в начале Второй мировой войны и проблема нехватки личного состава

К 7 декабря 1941 г. службу в ВС США проходили, уже будучи полностью обученными, 450 000 военнослужащих, распределенных между 29 пехотными и 2 кавалерийскими дивизиями (большинство пехотных дивизий находились еще в стадии формирования)¹⁴,

¹³ *Roosevelt F.D.* Third report to Congress on lend-lease operations. USA, Washington: United States Government Printing Office, 1941. P. 11; *Idem.* Seventh report to Congress on lend-lease operations. United States Government Printing office. USA, Washington, 1943. P. 14.

¹⁴ Secretary of war and the chief of staff by the director of the service. Supply and procurement division. War Department General Staff, 1993. P. 16.

43 000 человек относились к бронетанковым силам, формирование которых тоже еще продолжалось, 308 000 человек проходили службу в отдельных частях, не принадлежавших дивизиям, включая ПВО, 167 000 человек были в ВВС, 46 000 находились в частях охраны портов, 120 000 – в частях гарнизонной службы за пределами основных территорий США (в основном на Аляске, которая не считалась штатом, но имела статус особой территории, в Ньюфаундленде, на Гавайских островах и т. д.), 160 000 человек – в частях снабжения (в основном складское хозяйство и обслуживание баз, всего у американцев на тот момент было 550 баз), до 200 000 проходили обучение в центрах подготовки¹⁵. В 1942 г. вооруженные силы США имели в своем составе 3 915 507 человек [Попов, Казенков 2021].

Комиссия по мобилизации людских ресурсов в армию во главе с П. МакНутом определила, что американская военная промышленность может обеспечить только 200 000 призывников ежемесячно всем необходимым. Это означало, что США должны были получить 9 млн солдат и офицеров к 1944 г., больше этого количества лиц на военной службе экономика США не выдержала бы. Такой вывод сделала комиссия МакНута [Klinek 2014, p. 54]. Но эта цель была достижима при условии благоприятной ситуации на театрах военных действий для США.

К марту 1942 г. Военное ведомство отметило, что сухопутным силам не хватает 162 000 человек, в 1942 г. США смогли сформировать 29 пехотных дивизий (официально они были уже 7 декабря 1941 г., но существовали преимущественно на бумаге), что было вызвано дефицитом вооружений, в чем упрекали союзников, которые требовали слишком много экспорта военных товаров из США. Изначально высшее командование ВС США планировало создать 213 дивизий, но это была невыполнимая задача даже без учета поставок по ленд-лизу. В целом мобилизация в США шла медленно и неудачно.

Что касается бронетанковых сил армии США, то официально об их формировании как отдельного экспериментального корпуса двухдивизионного состава было объявлено только 10 июля 1940 г. Подготовка личного состава бронетанковых сил началась в ноябре 1940 г. в Форте Нокс. 15 апреля 1941 г. был подписан приказ о формировании 3-й и 4-й танковых дивизий. Фактически во втором полугодии 1941 г. американские танковые дивизии продолжали процесс формирования, имея все вместе взятые на вооружении 108 средних танков, 273 легких танка, 650 бронированных полу-

¹⁵ *Marshall G.C., King E.J., Arnold H.H.* Relazione del Comando Supremo Americano. N.Y.: Overseas Editions, 1944. P. 14, 17, 31.

грузовиков, их общий личный состав насчитывал немногим более 12 500 человек [Ogorkiewicz 1970, p. 88] (фактически это – одна танковая дивизия).

Программа создания 6 танковых дивизий частично провалилась к 1942 г. по причине отправки по ленд-лизу значительного количества танков в Британию. В середине июля 1941 г. Военное ведомство США дало согласие на просьбу Ф. Рузвельта выделить для Великобритании 760 легких танков из общего выпуска за 1941 г. 1420 единиц, а также 537 средних танков из выпущенных за этот год 1350 единиц, помимо обещанных по ленд-лизу 163 средних танков [Leighton, Coakley 1955, p. 94].

Дефицит танков и обученного личного состава на фоне необходимости наращивать силы флота и авиации на Тихоокеанском ТВД заставили Ф. Рузвельта после Пёрл-Харбора скорректировать план «Радуга» (окончательный вариант плана носил название «Радуга»-5) в сторону ограниченных операций против «оси», но не в Европе (изначально Европейский ТВД был для Вашингтона на первом месте), а в Северной Африке. Это было связано с результатами межсоюзнической конференции в Аркадии (22 декабря 1941 г. – 14 января 1942 г.), когда появился план «Гимнаст» – десантная операция во французскую Северную Африку с целью удара в тыл войскам «оси» и очистки тем самым от последних всей Северной Африки.

Итогом обсуждений в Аркадии стал также проект командующего ВС США генерала Маршала – провести в 1943 г. высадку во Франции с участием 1,6 млн американцев [Reynolds 2005, p. 268]. Однако у самого У. Черчилля, который настаивал в Аркадии на проведении такой операции во Франции, не было четкого плана, как ее осуществить. И самому американскому высшему командованию было сложно представить реализацию такого проекта на фоне ухудшавшейся ситуации на Тихоокеанском ТВД. США были вынуждены к марту 1942 г. перебросить в разные части этого ТВД 140 791 военнотружущего, когда в Европу (Британские острова и Исландия) прибыли к этому времени только 21 997 американских солдат и офицеров [Leighton, Coakley 1955, pp. 732–733]. Ко 2 апреля 1942 г. США развернули против Японии 8 пехотных дивизий от Аляски до Австралии общей численностью 177 380 человек. На помощь к ним прибыли 6 британских дивизий, включая две отозванные с Ближнего Востока австралийские дивизии [Willmott 1983, p. 152]. 6 марта 1942 г. было подсчитано, что для проведения высадки во Франции США должны развернуть силы общей численностью 600 000 человек, и еще 600 000 человек во втором эшелоне, чтобы заставить нацистскую Германию перебросить допол-

нительные войска с Восточного фронта [Cline 1951, pp. 147–149.]. К марту 1942 г. у американцев не было и 30 000 военнослужащих, подготовленных для высадки, в июле того же года к ним в дополнение отправились 51 000 человек из числа сухопутных контингентов [Cline 1951, p. 150].

Заключение

Ленд-лиз, несомненно, повлиял на процесс подготовки к открытию второго фронта, но мы не стали бы преувеличивать это влияние, так как, во-первых, главной оставалась проблема тоннажа, ее решение требовало много времени и усилий Союзников. Во-вторых, многие решения в сфере повышения эффективности борьбы западных демократий с «осью» лежали не в распределении вооружений, но в повышении качества этой продукции. Например, истребительные соединения RAF требовалось перевооружить на более современные «Спитфайеры», что в целом лежало за пределами проблемы ленд-лиза. СССР получал в 1941–1942 гг. в основном морально устаревшие «Харрикейны». Далее, влияние ленд-лиза на возможности США и Великобритании противостоять «оси» наиболее значительно проявилось в конце 1941 – начале 1942 г., но открытие второго фронта в этот период было невозможно из-за характера мобилизации в США и нападения на них милитаристской Японии. При этом готовность США к войне к 7 декабря 1941 г. по ряду параметров оставалась слабой, что также предопределило ход развития ВС США в начальный период их участия во Второй мировой войне.

Решение Ф. Рузвельта и У. Черчилля после нападения нацистской Германии на СССР отдать предпочтение в распределении ресурсов в пользу Советского Союза оказалось верным, так как ускорение победы над фашистским блоком в Северной Африке в конечном итоге не решало проблему второго фронта.

Литература

- Быстрова 2019 – *Быстрова И.В.* Ленд-лиз для СССР: Экономика, техника, люди (1941–1945). М.: Кучково поле, 2019. 480 с.
- Вольский 1958 – *Вольский Ю.И.* Вопрос о создании второго фронта в Европе во внешней политике Англии (1941–1943 гг.) // Вопросы Новой и новейшей истории. М., 1958. С. 20–58. (Уч ные записки АОН при ЦК КПСС; № 33)
- Гус 1951 – *Гус М.* Американские империалисты – вдохновители мюнхенской политики. М.: Госполитиздат, 1951. 248 с.

- Давыдов, Попов 2023 – *Давыдов С.Г., Попов Г.Г.* Значение союзных поставок вооружений и автомобильной техники в годы Великой Отечественной войны // Военный академический журнал. 2023. № 2 (38). С. 61–70.
- Земсков 1961 – *Земсков И.Н.* Дипломатическая история второго фронта // Международная жизнь. 1961. № 8. С. 68–78.
- Ефремов 2012 – Конвой PQ-16: хроника шестидневной битвы / сост. С.А. Ефремов. Архангельск: ОАО ИПП «Правда Севера», 2012. 176 с.
- Израэлян 1964 – *Израэлян В.Л.* Антигитлеровская коалиция: Дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы Второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1964. 608 с.
- Кулиш 1965 – *Кулиш В.М.* Раскрытая тайна: Предыстория второго фронта в Европе. М.: Наука, 1965. 470 с.
- Лебедев 1959 – *Лебедев Н.И.* «Балканский вариант» англо-американской стратегии в период Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1959. № 5. С. 41–60.
- Майский 1958 – *Майский И.М.* Проблема второго фронта в англо-американской историографии // Вопросы истории. 1958. № 1. С. 62–84.
- Мальков 2011 – *Мальков В.Л.* Великий Рузвельт: Лис в львиной шкуре. М.: Эксмо, 2011. 556 с.
- Минаев 1943 – *Минаев В.* Путь на Берлин с Юга? (Второй ли это фронт.). Баку: Азернешр, 1943. 353 с.
- Попов, Казенков 2021 – *Попов Г.Г., Казенков О.Ю.* Япония против США (1941–1945 гг.): Люди и машины // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 12-2 (110). URL: <https://history.jes.su/s207987840015908-7-1> (дата обращения 1 марта 2024).
- Реутов 1970 – *Реутов Г.Н.* Правда и вымысел о Второй мировой войне. М.: Международные отношения, 1970. 304 с.
- Самсонов 1975 – *Самсонов А.М.* Крах фашистской агрессии: 1939–1945. М.: Наука, 1975. 727 с.
- Секистов 1970 – *Секистов В.А.* Война и политика. М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1970. 496 с.
- Секистов 1972 – *Секистов В., Коротков Г.* Второй фронт войны в Европе // Военно-исторический журнал. 1972. № 7. С. 43–49.
- Супрун 1997 – *Супрун М.Н.* Ленд-лиз и северные конвои. М.: Андреевский флаг, 1997. 363 с.
- Толченев 1953 – *Толченев М.П.* Американско-английские фальсификаторы Второй мировой войны. М.: Знание, 1953. 32 с.
- Трухановский 1965 – *Трухановский В.Г.* Внешняя политика Англии в период Второй мировой войны. М.: Наука, 1965. 638 с.
- Хастингс 1989 – *Хастингс М.* Операция «Оверлорд»: Как был открыт второй фронт. М.: Прогресс, 1989. 462 с.
- Чевтаев 2011 – *Чевтаев А.Г.* Сталин, Рузвельт, Черчилль: политическая стратегия Большой тройки от «Барбароссы» до «Терминала» // Известия Уральского

- государственного ун-та. Серия 1 «Проблемы образования, науки и культуры». 2011. № 1 (86). С. 135–143.
- Чубарьян, Кимболл, Рейнолдс 1995 – *Чубарьян А.О., Кимболл У.Ф., Рейнолдс Д.* Союзники в войне: 1941–1945. М.: Наука, 1995. 451 с.
- Шофилд 2003 – *Шофилд Б.* Арктические конвои: Северные морские сражения во Второй мировой войне: пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2003. 285 с.
- Яковлев 1961 – *Яковлев Н.Н.* США и Англия во Второй мировой войне. М.: Учпедгиз, 1961. 271 с.
- Blair 1975 – *Blair C.J.* Silent victory. The US submarine war against Japan. Philadelphia: Lippincott, 1975. 1116 p.
- Burnes 1971 – *Burnes J.* Roosevelt. The oldier of freedom. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1971. 685 p.
- Cline 1951 – Washington command post. The operations division / ed. by R.S. Cline. Washington, DC: GPO, 1951. 448 p.
- Coombs 2018 – *Coombs B.* British tank production and the war economy, 1934–1945. Important considerations for industry // History of Global Arms Transfer. 2018. No. 5. P. 3–18.
- Douglas 1981 – *Douglas R.* From war to Cold war. 1942–1948. N.Y.: St Martin's Press, 1981. 224 p.
- Dunlop 2006 – *Dunlop G.* British army logistics in the Burma campaign 1942–1945. Edinburgh: The University of Edinburgh, 2006. 264 p.
- Folly 2006 – *Folly M.* Friends of a kind. America and its allies in the Second World War // Journal of American Studies. 2006. Vol. 40. No. 3. P. 633–644.
- Folly 2012 – *Folly M.* “A long, slow and painful road”. The Anglo-American alliance and the issue of co-operation with the USSR from Teheran to D-Day // Diplomacy & Statecraft. 2012. Vol. 23. No. 3. P. 471–492.
- Folly 2018 – *Folly M.* British attempts to forge a political partnership with the Kremlin, 1942–1943 // Journal of Contemporary History. 2018. Vol. 53. Iss. 1. P. 185–211.
- Hancock 1949 – *Hancock W.K., Gowing M.M.* British war economy. L.: H. M's Stationery office & Longmans, 1949. 83 p.
- Jackson 1978 – *Jackson W.* “Overlord”. Normandy, 1944. L.: Davis-poynter, 1978. 250 p.
- Klinek 2014 – *Klinek E.W.* The army's orphans. The United States army replacement system in the European campaign, 1944–1945. A dissertation submitted to the Temple University Graduate Board, 2014. 420 p.
- Leighton, Coakley 1955 – *Leighton R.M., Coakley R.W.* Global logistics and strategy, 1940–1943. Washington, DC: GPO, 1955. 820 p.
- Ogorkiewicz 1970 – *Ogorkiewicz R.M.* Armoured forces. A history of armored forces and their vehicles. N.Y.: Arco Publishing Company, 1970. 475 p.
- Piehler 2010 – The United States and the Second World War. New perspectives on diplomacy, war, and the home front / ed. by G.K. Piehler, P. Sidney. N.Y.: Fordham University Press, 2010. 356 p.
- Playfair 1960 – *Playfair I.S.O.* The Mediterranean and the Middle East. Vol. 3: British fortunes reach their lowest ebb. L.: Her Majesty's Stationary Office, 1960. 585 p.

- Postan 1952 – *Postan M.M.* British war production. L.: Cambridge University Press, 1952. 512 p.
- Reynolds 2005 – *Reynolds D.* In command of history. Churchill fighting and writing the Second World War. N.Y.: Random House, 2005. 680 p.
- Roof 2014 – *Roof M.A.* The empire at sunset. Production, finance, and British grand strategy, 1941–1942. A thesis submitted to the faculty of graduate studies in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy department of history. Calgary: Alberta, 2014. 280 p.
- Smith 1984 – *Smith M.* World War II. The European and Mediterranean theatres. N.Y.; L.: Garland, 1984. 488 p.
- Stoler 1977 – *Stoler M.* The politics of the Second Front. L.: Greenwood press, 1977. 208 p.
- Stoler 2006 – *Stoler M.* Allies in war. Britain and America against the Axis Powers, 1940–1945. N.Y.: Oxford University Press, 2006. 312 p.
- Weinberg 1995 – *Weinberg G.* A World at arms. A global history of World War II. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 1178 p.
- Willmott 1983 – *Willmott H.P.* The Barrier and the Javelin. Annapolis: Naval Institute Press, 1983. 622 p.
- Woodburn 1958 – *Woodburn K.* The war against Japan. Vol. 2. L.: Her Majesty's Stationery Office; N.Y.: British Information Service, 1958. 541 p.

References

- Blair, C.J. (1975), *Silent victory. The US submarine war against Japan*, Lippincott, Philadelphia, USA.
- Burnes, J. (1971), *Roosevelt. The oldier of freedom*, Weidenfeld and Nicolson, London, UK.
- Bystrova, I.V (2019), *Lend-liz dlya SSSR. Ekonomika, tekhnika, lyudi (1941–1945)* [Lend-lease for the USSR. Economics, technology, people (1941–1945)], Kuchkovo pole, Moscow, Russia.
- Chevtaev, A.G. (2011), “Stalin, Roosevelt, Churchill. Political strategies of the Big Three from Barbarossa to Terminal”, *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo un-ta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, vol. 86, no. 1, pp. 135–143.
- Chubaryan, A.O., Kimball, W.F. and Reynolds, D. (1995), *Soyuzniki v voine: 1941–1945* [Allies in the war 1941–1945], Nauka, Moscow, Russia.
- Cline, R.S., ed. (1951), Washington command post. The operations division, GPO, Washington, USA.
- Coombs, B. (2018), “British tank production and the war economy, 1934–1945. Important considerations for industry”, *History of Global Arms Transfer*, no. 5, pp. 3–18.
- Davydov, S.G. and Popov, G.G. (2023), “The importance of allied supplies of arms and automotive equipment during the Great Patriotic War”, *Voennyye akademicheskii zhurnal*, vol. 38, no. 2, pp. 61–70.

- Douglas, R. (1981), *From war to Cold war. 1942–1948*, St Martin's Press, New York, USA.
- Dunlop, G. (2006), *British army logistics in the Burma campaign 1942–1945*, PhD, The University of Edinburgh, Edinburgh, UK.
- Efremov, S.A., comp. (2012), *Konvoi PQ-16: khronika shestidnevnoi bitvy* [Convoy PQ-16. Chronicle of the six-day battle], OAO IPP "Pravda Severa", Arkhangelsk, Russia.
- Folly, M. (2006), "Friends of a kind. America and its allies in the Second World War", *Journal of American Studies*, vol. 40, no. 3, pp. 633–644.
- Folly, M. (2012), " 'A long, slow and painful road'. The Anglo-American alliance and the issue of co-operation with the USSR from Teheran to D-Day", *Diplomacy & Statecraft*, vol. 23, no. 3, pp. 471–492.
- Folly, M. (2018), "British attempts to forge a political partnership with the Kremlin, 1942–1943", *Journal of Contemporary History*, vol. 53, iss. 1, pp. 185–211.
- Gus, M. (1951), *Amerikanskie imperialisty – vdokhnoviteli myunkhenskoj politiki* [The American imperialists – the inspirers of Munich politics], Gospolitizdat, Moscow, USSR.
- Hancock, W.K. and Gowing, M.M. (1949), *British war economy*, H. M's Stationery of-fice & Longmans, London, UK.
- Hastings, M. (1989), *Operatsiya "Overlord": Kak byl otkryt vtoroi front* [Overlord: D-Day and the Battle for Normandy], Progress, Moscow, USSR.
- Israelyan, V.L. (1964), *Antigitlerovskaya koalitsiya: Diplomacheskoe sotrudnichestvo SSSR, SShA i Anglii v gody Vtoroi mirovoj voiny* [The anti-Hitler coalition. Diplomatic cooperation between the USSR, the USA and England during the Second World War], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, USSR.
- Jackson, W. (1978), *"Overlord". Normandy, 1944*, Davis-poynter, London, UK.
- Klinek, E.W. (2014), *The army's orphans. The United States army replacement system in the European campaign, 1944–1945*. A dissertation submitted to the Temple University Graduate Board, The Temple University, Philadelphia, USA.
- Kulish, V.M. (1965), *Raskrytaya taina: Predystoriya vtorogo fronta v Evrope* [The revealed secret. The prehistory of the second front in Europe], Nauka, Moscow, USSR.
- Lebedev, N.I. (1959), " 'Balkan version' of the Anglo-American strategy during the Second World War", *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 5, pp. 41–60.
- Leighton, R.M. and Coakley, R.W. (1955), *Global logistics and strategy, 1940–1943*, GPO, Washington, USA.
- Maiskii, I.M. (1958), "Problem of the Second Front in English and US historiography", *Voprosy istorii*, no. 1, pp. 62–84.
- Mal'kov, V.L. (2011), *Velikii Ruzvel't: Lis v l'vinoi shkure* [Great Roosvelt. A fox in a lion's skin], Eksmo, Moscow, Russia.
- Minaev, V. (1943), *Put' na Berlin s Yuga? (Vtoroi li eto front.)* [Way on Berlin from the South (Can we name this as the Second Front?)], Azerneshr, Baku, USSR.

- Ogorkiewicz, R.M. (1970), *Armoured forces. A history of armored forces and their vehicles*, Arco Publishing Company, New York, USA.
- Piehler, G.K. and Sidney, P., eds. (2010), *The United States and the Second World War. New perspectives on diplomacy, war, and the home front*, Fordham University Press, New York, USA.
- Playfair, I.S.O. (1960), *The Mediterranean and the Middle East*, vol. 3: British fortunes reach their lowest ebb, Her Majesty's Stationary Office, London, UK.
- Postan, M.M. (1952), *British war production*, Cambridge University Press, London, UK.
- Popov, G.G. and Kazenkov, O.Yu. (2021), "Japan vs the USA (1941–1945). People and machines", *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"*, vol. 12, no. 12-2 (110), available at: <https://history.jes.su/s207987840015908-7-1> (Accessed 1 March 2024).
- Reutov, G.N. (1970), *Pravda i vymysel o Vtoroi mirovoi voine* [The truth and fiction about the Second World War], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, USSR.
- Reynolds, D. (2005), *In command of history. Churchill fighting and writing the Second World War*, Random House, New York, USA.
- Roof, M.A. (2014), *The empire at sunset. Production, finance, and British grand strategy, 1941–1942*. A thesis submitted to the faculty of graduate studies in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy department of history, Alberta, Calgary, Canada.
- Samsonov, A.M. (1975), *Krakh fashistskoi agressii: 1939–1945* [Collaps of fascist aggression, 1939–1945], Nauka, Moscow, USSR.
- Schofield, B. (2003), *Arkticheskie konvoi: Severnye morskoe srazheniya vo Vtoroi mirovoi voine* [The Russian convoys], Tsentrpoligraf, Moscow, Russia.
- Sekistov, V.A. (1970), *Voina i politika* [War and politics], Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony SSSR, Moscow, USSR.
- Sekistov, V. and Korotkov, G. (1972), "The Second front in Europe", *Voenno-istoricheskii zhurnal*, no. 7, pp. 43–49.
- Smith, M. (1984), *World War II. The European and Mediterranean theatres*, Garland, New York, USA, London, UK.
- Stoler, M. (1977), *The politics of the Second Front*, Greenwood press, London, UK.
- Stoler, M. (2006), *Allies in war. Britain and America against the Axis Powers, 1940–1945*, Oxford University Press, New York, USA.
- Suprun, M.N. (1997), *Lend-liz i severnye konvoi* [Lend-lease and northern convoys], Andreevskii flag, Moscow, Russia.
- Tolchenov, M.P. (1953), *Amerikano-angliiskie fal'sifikatory Vtoroi mirovoi voiny* [American-British forgers of the Second World War], Znanie, Moscow, USSR.
- Trukhanovskii, V.G. (1965), *Vneshnyaya politika Anglii v period Vtoroi mirovoi voiny* [British foreign policy during the Second World War], Nauka, Moscow, USSR.
- Vol'skii, Yu.I. (1958), "The question of creating the Second Front in Europe in British foreign policy (1941–1943)", in *Voprosy novoi i noveishei istorii* [The question of creating a second front in Europe in British foreign policy (1941–1943)], Moscow, USSR. (*Uchenye zapiski AON pri TsK KPSS*; № 33)

- Weinberg, G.A. (1995), *World at arms. A global history of World War II*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Willmott, H.P. (1983), *The Barrier and the Javelin*, Naval Institute Press, Annapolis, USA.
- Woodburn, K. (1958), *The war against Japan*, vol. 2, Her Majesty's Stationery Office, London, UK, British Information Service, New York, USA.
- Yakovlev, N.N. (1961), SShA i Angliya vo Vtoroi mirovoi voine [The United States and Britain in World War II], Uchpedgiz, Moscow, USSR.
- Zemskov, I.N. (1961), "The diplomatic history of the Second Front", *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no. 8, pp. 68–78.

Информация об авторах

Григорий Г. Попов, кандидат экономических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119606, Россия, Москва, пр-кт Вернадского, д. 84, стр. 1;
ORCID ID: 0000-0002-3060-5030

Станислав Г. Давыдов, доктор исторических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119606, Россия, Москва, пр-кт Вернадского, д. 84, стр. 1; a105trk@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-8766-1631

Information about the authors

Grigorii G. Popov, Cand. of Sci. (Economics), Presidential Academy Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 84, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119606; GGPopov2009@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3060-5030

Stanislav G. Davydov, Dr. of Sci. (History), professor, Presidential Academy, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 84, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119606; a105trk@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-8766-1631

Книжная полка

УДК 351.85:930(47)

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-185-193

Советские праздники в отечественной историографии.

Рецензия на книгу:

Невежин В.А. Советская праздничная культура:
Первомайские и Октябрьские торжества
(1930-е – середина 1940-х гг.). М.: Квадрига, 2024. 424 с.

Елена В. Барышева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, barysheva.ev@gmail.com*

Аннотация. В отечественной историографии изучение праздничной культуры советского общества имеет богатую традицию. Разнообразные подходы к исследованию актуальной проблемы, обозначенные в данной статье-рецензии, демонстрируют сложившуюся на сегодняшний день историографическую ситуацию. Несмотря на достаточное число исследований социологов, философов, культурологов, и, конечно, историков, все еще остается целый ряд лакун, требующих изучения и осмысления.

Новое исследование В.А. Невежина вносит значительный вклад в расширение представлений об организации и проведении советских официальных государственных праздников 1 мая и 7 ноября.

В настоящей статье-рецензии анализируются новый взгляд историка на советскую праздничную культуру 1930 – середины 1940-х гг., основанный на обширном массиве источников как опубликованных, так и неопубликованных.

Ключевые слова: праздничная культура советские государственные праздники, 1 мая, 7 ноября, Москва, Куйбышев

Для цитирования: Барышева Е.В. Советские праздники в отечественной историографии. [Рец.]: Невежин В.А. Советская праздничная культура: Первомайские и Октябрьские торжества (1930-е – середина 1940-х гг.). М.: Квадрига, 2024. 424 с. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 1. С. 185–193. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-185-193

© Барышева Е.В., 2025

Soviet holidays in Russian historiography.
 Review of book:
Nevezhin V.A. Soviet festive culture.
 May Day and October celebrations (1930s – mid-1940s).
 Moscow: Kvadriga, 2024. 424 p.

Elena V. Barysheva
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
barysheva.ev@gmail.com

Abstract. In Russian historiography, the study of the festive culture of Soviet society has a rich tradition. Various approaches to the study of the current problem, outlined in the review article, demonstrate the current historiographic situation. Despite a sufficient number of researches done by sociologists, philosophers, experts in culture, and historians there are still a number of gaps that require studying and comprehending.

V.A. Nevezhin's new research makes a significant contribution to better understanding how Soviet official state holidays on May 1 and November 7 were organized and held.

The review article analyzes an updated historian's approach, (based on an extensive array of published and unpublished sources) to the Soviet festive culture in the 1930s – mid-1940s.

Keywords: festive culture, Soviet public holidays, May 1, November 7, Moscow, Kuibyshev

For citation: Barysheva, E.V. (2025), "Soviet holidays in Russian historiography. [Review of]: *Nevezhin V.A. Soviet festive culture. May Day and October celebrations (1930s – mid-1940s).* Moscow: Kvadriga, 2024. 424 p.", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political science. History. International relations" Series*, no. 1, pp. 185–193, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-185-193

Введение

В современной исторической науке советская праздничная культура в настоящее время активно изучается. Много внимания уделяется праздникам 1920–1930-х гг. Этот период уже достаточно хорошо изучен, однако историки постоянно возвращаются к этой теме, находя и открывая все больше новых ракурсов.

Система советских государственных праздников, и в первую очередь, День Интернационала или День международной солидарности трудящихся (1 мая) и празднование годовщины Октябрьской революции (7 ноября), была одним из важнейших инструментов

формирования и закрепления в массовом сознании новых духовных ценностей и установок.

Символическое визуальное оформление праздников и праздничные ритуалы эффективно решали задачи агитации и пропаганды советского образа жизни. Идеологические установки в ходе праздничных мероприятий транслировались советским гражданам в эмоциональной и доступной им форме.

Созданный советским государством действенный институт конструирования и государственного регулирования массово-развлекательных мероприятий, посвященных 1 мая, революционным годовщинам и юбилеям включал в себя как государственные, партийные, профсоюзные и общественные организации: Сектор искусств и массовых мероприятий Наркомата просвещения, секция массовой художественной работы главного управления по делам художественной литературы и искусства Наркомата просвещения РСФСР (Главискусство) Агитпропотдел ЦК ВКП(б), научно-методическое общество «Международный красный стадион», Культсектор ВЦСПС, Государственный институт истории искусств (ГИИИ), которые занимались разработкой методических рекомендаций и подготовкой кадров организаторов парадных шествий и демонстраций.

Апеллируя к истории революционной борьбы, советские праздники не только закрепляли универсальные истины, но и создавали новые смыслы социалистического общества. Праздничные ритуалы год от года превращались в стандартизированные коммуникативные действия, которые в той или иной форме существовали вплоть до 1941 г.

Современные направления в изучении советских государственных праздников

В современной историографии сложилось большое разнообразие подходов к изучению советских государственных праздников. Они рассматриваются в контексте социальной повседневности, мифологии, национальной идентичности [Магомедова 2000; Юрлова 2010]. Коллективное действие в празднике ведет к самосохранению социальной группы посредством коллективной суггестии, воздействующей на физическое и психическое состояние членов общества [Бурменская 2011]. Праздник изучается и как историко-культурным феномен, своеобразная форма культурной памяти [Орлов 2001; Попова 2011; Макашова 2014]. Ряд исследований по-

священ роли власти в формировании системы политических праздников [Лаврикова 2013; Малышева 2019] и значению праздничной культуры в процессе социокультурного конструирования советского общества [Барышева 2021].

Новое исследование советской праздничной культуры

Большой массив исследований, лежащий в плоскости изучаемой нами проблемы, связан с изучением массовой культуры довоенного периода.

Известный своими работами о больших кремлевских приемах в 1930–1940-е гг. В.А. Невежин обратился к малоисследованным ранее формам празднования главных советских праздников – Первомая и годовщин Октябрьской революции. Впервые в отечественной историографии автор предпринял плодотворную попытку оценки вклада представителей советской партийно-государственной номенклатуры (членов Политбюро, Центрального комитета ВКП(б), народных комиссаров, высшего военного командования, лично Сталина) в дело организации и проведения основных государственных праздников на протяжении 1930-х годов и в период Великой Отечественной войны.

Отдельной заслугой автора является детальный историографический разбор. Учитывая вклад предшественников, историков, культурологов, филологов, которые ранее рассматривали различные аспекты избранной им проблемы, В.А. Невежин предложил новые подходы в исследовании праздничной культуры 1930–1940-х гг.

Исследование базируется на солидном массиве источников. Им использованы ранее не опубликованные документы РГАСПИ, РГАЛИ, Архива внешней политики РФ. В числе опубликованных материалов, составивших источниковую базу – выступления, речи, доклады государственных и партийных деятелей, мемуарная литература и дневники, публикации в газетах «Правда» и «Известия».

Новизной отличается предлагаемый автором подход к организации праздничных Первомайских и Октябрьских торжеств, которые он условно разделил на следующие составные части: выдвижение праздничных лозунгов (призывов) ЦК ВКП(б), которые широко популяризировались в СМИ; торжественные заседания Моссовета в преддверии Октябрьской годовщины; военные парады и демонстрации, проводившиеся 1 мая и 7 ноября на Красной площади; официальные застолья (приемы и банкеты), устраивавшиеся по случаю обоих праздников.

Впервые в монографии представлен извлеченный из документов РГАСПИ перечень решений Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам организации Первомайских и Октябрьских торжеств (за октябрь 1932 – апрель 1941 г.), см. табл. 1 [Невежин 2024, с. 34–40].

Интерес представляет обстоятельный анализ содержания праздничных лозунгов (призывов) ЦК ВКП(б). Особого внимания заслуживает попытка В.А. Невежина проследить, каким образом осуществлялось предварительное редактирование текстов этих важнейших идеологических документов И.В. Сталиным в предвоенные годы. Внимательный читатель может ознакомиться с представленными в приложении к монографии тексты Первомайских и Октябрьских торжеств за период 1932–1941 гг. (до начала Великой Отечественной войны), что позволяет выявить разнообразные оттенки этих важнейших политико-идеологических текстов.

Автор явно неравнодушен к теме военных парадов, которая раскрывается в монографии на основании архивных материалов (здесь прежде всего следует упомянуть о докладных записках наркома обороны К.Е. Ворошилова в Политбюро с предложениями относительно привлечения личного состава и военной техники для проведения) и публикаций СМИ. Перед читателем предстает грандиозная картина прохождения пехоты, кавалерии, танков, боевых орудий) по Красной площади. Из представленных автором архивных материалов следует, что общее количество участников Первомайских и Октябрьских военных парадов, проводившихся на Красной площади, достигало 40 000 чел. В них участвовали сотни танков, бронемашин, орудий, боевых самолетов.

Военные парады, с таким увлечением описанные в монографии с опорой не только на архивные материалы, но и на газетные отчеты «Правды» и «Известий», в конечном счете, как следует из этих описаний, были призваны показать боевую мощь и силу советской державы.

Из исследования В.А. Невежина следует, что демонстрации трудящихся, начинавшиеся сразу вслед за парадами на Красной площади, являлись кульминационными актами всех Первомайских и Октябрьских торжеств. Однако, продолжавшиеся по многу часов, они имели определенные недостатки в организации, связанные прежде всего с необходимостью четкой организации движения *сотен тысяч людей*. В данной связи можно оценить проницательность автора монографии, который выразил сомнение в реальности цифровых показателей советских СМИ, утверждавших, что во время Первомайской демонстрации по Красной площади прошло порядка 1750 тыс. человек [Невежин 2024, с. 229–230].

Если в предшествующих исследованиях рассматривалась структура государственно-партийного руководства организации праздничных торжеств, то в монографии В.А. Невежина, в связи с выбранным подходом, заключающимся в попытке оценить роль партийно-государственной элиты в подготовке и организации праздничных торжеств, особое внимание уделено ее роли в репрезентации сталинской власти в данном контексте. С этой точки зрения анализируются в книге состав участников торжественных заседаний Моссовета, как стоявших вместе со Сталиным на трибуне ленинского мавзолея во время парадов и демонстраций, так и окружавших вождя во время праздничных банкетов в Большом Кремлевском дворце. Это дало Невежину возможность в определенной степени проследить процесс ротации высшего кадрового состава большевистской партии и Советского государства, связанный прежде всего с политическими репрессиями 1937–1938 гг.

За этой ротацией, в равной степени как изменения содержания лозунгов (призывов) ЦК ВКП(б), отражавшиеся среди прочего на плакатах, которые несли участники праздничных демонстраций, внимательно следили дипломатические представители иностранных государств, пребывавшие в Москве. Восприятие советских праздников зарубежными дипломатами достойно специального исследования. Автор положил начало исследованию этого интереснейшего сюжета, приводя интересные сведения, извлеченные из донесений посланников Болгарии, Германии, Италии, Латвии, Соединенных Штатов Америки.

Особую тему для исследования представляют государственные праздники периода Великой Отечественной войны. Так как Первомайские торжества в эти годы были отменены вплоть до 1945 г., автор монографии сосредоточил свое внимание на специфике проведения годовщин Октябрьской революции в Москве и Куйбышеве. Город Куйбышев стал объектом его исследования, так как с осени 1941 до лета 1943 г. в этой «резервной» столице СССР пребывала большая часть состава Советского правительства. Естественно, В.А. Невежин не обошел вниманием и подробно описал военные парады, проведенные одновременно в Москве и Куйбышеве 7 ноября 1941 г., которые стали символами стойкости и решимости руководства СССР и всего народа продолжать борьбу против германского нашествия.

Текст монографии В.А. Невежина, ввиду специфики авторского подхода, густо «населен» сотнями исторических персонажей. Ориентироваться в этом море имен помогает «Биографический указатель», в котором даются сведения о жизни и деятельности около 400 советских и иностранных участников и очевидцев событий.

Заключение

В качестве рекомендаций остановлюсь на пожелании расширения изучаемых территорий, например, за счет Ленинграда. В настоящее время географические рамки исследования в монографии ограничиваются Москвой и, частично, Куйбышевым.

Несмотря на большое число привлеченных к исследованию источников, автору следовало бы обратиться также к материалам ГА РФ, в фондах которого хранится большое число документальных материалов об организации и проведении советских праздников.

Новая монография В.А. Неvejина расширяет наше представление о специфике проведения важных мероприятий в дни советских государственных праздников в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны.

Литература

- Барышева 2021 – *Барышева Е.В.* Советский государственный праздник в социальном конструировании нового общества, 1918–1941 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2021. 408 с.
- Бурменская 2011 – *Бурменская Д.Б.* Праздник как средство самосохранения социальной группы: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2011. 23 с.
- Лаврикова 2013 – *Лаврикова И.Н.* Политический праздник в системе культуры. 2-е изд., доп. Тверь: Колледж им. А.Н. Коняева, 2013. 242 с.
- Магомедова 2000 – *Магомедова А.А.* Феномен повседневности: социально-философский анализ: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2000. 19 с.
- Макашова 2014 – *Макашова А.С.* Государственные праздники в современной культуре России: рецепция исторического наследия: Автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2014. 21 с.
- Мальшева 2019 – *Мальшева С.Ю.* Эволюция исторической мифологии «ноябрьских» праздников в России // Вестник Пермского университета. История. 2019. Вып. 1 (44). С. 138–147.
- Неvejин 2024 – *Неvejин В.А.* Советская праздничная культура: Первомайские и Октябрьские торжества (1930-е – середина 1940-х гг.). М.: Квадрига, 2024. 424 с.
- Орлов 2001 – *Орлов О.Л.* Праздничная культура России. СПб.: КультИнформ-Пресс, 2001. 159 с.
- Попова 2011 – *Попова В.Н.* Праздник как форма культурной памяти: государственные праздники России XX – начала XXI в.: Автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2011. 22 с.
- Юрлова 2010 – *Юрлова С.В.* «Вечный праздник», или Мифология общества потребления // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 2 (76). С. 15–22.

References

- Barysheva, E.V. (2021), *Sovetskii gosudarstvennyi prazdnik v sotsial'nom konstruirovanii novogo obshchestva, 1918–1941 gg.* [Soviet public holiday in the social construction of the new society, 1918–1941], D. Sc. Thesis (History), Moscow, Russia.
- Burmenskaya, D.B. (2011), *Prazdnik kak sredstvo samosokhraneniya sotsial'noi gruppy* [Holiday as a means of self-preservation of a social group], Abstract of Ph.D. dissertation (Philosophy), Chita, Russia.
- Lavrikova, I.N. (2013), *Politicheskii prazdnik v sisteme kul'tury* [Political holiday in the system of culture], Kolledzh imeni A.N. Konyaeva, Tver, Russia.
- Magomedova, A.A. (2000), *Fenomen povsednevnosti: sotsial'no-filosofskii analiz* [Phenomenon of everyday life. Social and philosophical analysis], Abstract of Ph.D. dissertation (Philosophy), Saint Petersburg, Russia.
- Makashova, A.S. (2014), *Gosudarstvennye prazdniki v sovremennoi kul'ture Rossii: retseptsiya istoricheskogo naslediya* [Public holidays in modern Russian culture. Reception of historical heritage], Abstract of Ph.D. dissertation (Cultural Studies), Saint Petersburg, Russia.
- Malysheva, S.Yu. (2019), “Memory operations. Evolution of the historical mythology of the ‘November’ holidays in Russia”, *Perm University Herald. History*, vol. 44, iss. 1, pp. 138–147.
- Nevezhin, V.A. (2024), *Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura: Pervomaiskie i Oktyabr'skie torzhestva (1930-e – seredina 1940-kh gg.)* [Soviet festive culture. May Day and October celebrations (1930s – mid 1940s)], Kvadriga, Moscow, Russia.
- Orlov, O.L. (2001), *Prazdnichnaya kul'tura Rossii* [Festive culture of Russia], KultIn-formPress, Saint Petersburg, Russia.
- Popova, V.N. (2011), *Prazdnik kak forma kul'turnoi pamyati: gosudarstvennye prazdniki Rossii XX – nachala XXI v.* [Holiday as a form of cultural memory. State holidays of Russia in the 20th – early 21st centuries], Abstract of Ph.D. dissertation (Cultural Studies), Ekaterinburg, Russia.
- Yurlova, S.V. (2010), “‘Eternal holiday’, or Mythology of consumer society”, *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 76, no. 2, pp. 15–22.

Информация об авторе

Елена В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; barysheva.ev@gmail.com
ORCID ID 0009-0007-5853-6456

Information about the author

Elena V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; barysheva.ev@gmail.com

ORCID ID 0009-0007-5853-6456

УДК 342.518:94(470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-194-203

Долгожитель среди премьер-министров России: новый сборник мемуаров о А.Н. Косыгине

Татьяна Г. Архипова

*Российский государственный университет, Москва, Россия,
archipova-iai@vmail.ru*

Аннотация. В рецензии анализируется состав и содержание вышедшего в 2024 г. сборника воспоминаний и статей об А.Н. Косыгине – главы советского правительства в 1964–1980 гг. В сборнике размещены мемуары коллег, единомышленников, его дочери Л.А. Гвишиани-Косыгиной и других авторов, рассредоточенные по группам: свидетельства; впечатления; Восток и Запад; спор о Косыгине. Замысел составителей – писателя и историка А.И. Колпакиди и писателя и публициста А.А. Замостьянова – состоял в том, чтобы не только еще раз вспомнить выдающегося государственного деятеля (в настоящее время уже имеются похожие публикации и исследования о нем), но и доказать необоснованность ряда критических замечаний в его адрес, главным образом, в связи с экономической реформой 1965 г. в СССР. Наряду с анализом собственно реформы, авторам удалось расширить и углубить представление о Косыгине, проработавшим на ключевых постах государства в течение 40 лет, вызывающим уважение у коллег и рядовых граждан, обладавшим уникальными дипломатическими способностями.

Сборник будет весьма полезен для историков-профессионалов и широкого круга читателей, тем, кому дорога история Отечества.

Ключевые слова: А.Н. Косыгин, правительство СССР, Великая Отечественная война, реформа Косыгина – Либермана, Н.К. Байбаков, Мао Дзедун, Дэвид Рокфеллер

Для цитирования: Архипова Т.Г. Долгожитель среди премьер-министров России: новый сборник мемуаров о А.Н. Косыгине // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 1. С. 194–203. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-194-203

© Архипова Т.Г., 2025

A long-lived prime minister of Russia.
New collection of memoirs about A.N. Kosygin

Tatiana G. Arkhipova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
archipova-iai@vmail.ru*

Abstract. The review analyzes the composition and content of a collection of memoirs and articles published in 2024 and dedicated to A.N. Kosygin, the head of the Soviet government in 1964–1980. The collection contains memoirs of his colleagues, his associates, his daughter L.A. Gvishiani-Kosygina and other authors. All the materials are distributed among groups: testimonies; impressions; East and West; dispute about Kosygin. The idea of the compilers – writer and historian A.I. Kolpakidi and writer and publicist A.A. Zamostyanov – was not only to recall the outstanding statesman once again (as similar publications and studies about him been published by now), but also to prove the groundlessness of a number of critical remarks referred to him, mainly because of the economic reform of 1965 in the USSR. Along with the analysis of the reform itself, the authors managed to make more understandable the personality of Kosygin, who occupied key government positions for 40 years, commanding respect in colleagues and ordinary citizens, and possessing unique diplomatic abilities.

The collection will be very useful for professional historians and a wide range of readers, who highly estimate the history of their Fatherland.

Keywords: A.N. Kosygin, government of the USSR, Great Patriotic War, Kosygin–Lieberman reform, N.K. Baibakov, Mao Zedong, David Rockefeller

For citation: Arkhipova, T.G. (2025), “A long-lived prime minister of Russia. New collection of memoirs about A.N. Kosygin”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 194–203, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-194-203

Введение

Принято считать, что первые учреждения, компетенция которых в известной степени напоминает компетенцию ныне действующих правительственных структур, возникли в России в XVIII в., но все же современный тип правительства во главе с премьером появился в начале XX в. с учреждением Совета Министров Российской империи.

До начала Великой революции в России в должности премьера побывало семь человек, один из них – И.Л. Горемыкин – дважды. Срок их пребывания в этой должности находился в диапазоне от

двух месяцев (Н.Д. Голицын) до пяти с лишним лет (П.А. Столыпин). Четыре состава Временного правительства за неполный год имели двух председателей, за годы советской власти в этой должности побывало (если не считать В.Х. Догужиева, занимавшего эту должность в качестве исполняющего обязанности 10 дней), 12 человек, некоторые из которых совмещали ее с должностью Генерального секретаря правящей партии. Иногда наркомы – министры, особенно при Л.И. Брежневе, могли находиться в правительстве не один десяток лет, как, например, П.Ф. Ломако, занесенный в книгу рекордов Гиннеса, а вот среди премьер-министров долгожитель был один – А.Н. Косыгин.

Анализ содержания сборника

Особенностью россиян является игнорирование заповеди «О мертвых говори либо хорошо, либо молчи». Как правило, после смерти достается всем, Косыгин в этом случае приятное исключение.

Одно время его относили к числу «забытых» известных государственных политических деятелей, что не совсем так. При жизни он не мог не попадать в средства массовой информации, правда, всегда несколько в тени лидера правящей партии, что было характерно для советского периода. Кроме того, среди его коллег по отношению к нему имела место некоторая ревность.

Действительно, его стремительный «путь наверх» был отличен от пути многих других выдвиженцев, его миновали сталинские репрессии (а он состоял в родстве с А.А. Кузнецовым, одним из осужденных по Ленинградскому делу). Скупой на похвалы Сталин, в окружение которого он входил с весны 1940 г., называл его то Косыгой, то арифмометром и прощал некоторую отстраненность от круга своего общения (он старался избегать совместных застолий, не плясал и не пел частушек), мог позволить себе иметь особое мнение, пользовался популярностью у граждан страны. Последнее обстоятельство раздражало даже Л.И. Брежнева. Поиски виновных в неудаче реформы Косыгина-Либермана, как известно, вывели «искателей» на ее организатора, хотя в условиях сохранения административно-командной системы управления она не могла дать положительных результатов. Косыгин, будучи «пленником системы»¹,

¹ Его внук А.Д. Гвишиани в своих мемуарах пишет, что дед был скорее пленником системы, нежели ее человеком (*Гвишиани А.Д. Феномен Косыгина: Записки внука*. М.: Фонд культуры «Екатерина», 2004. С. 219).

оставаясь сторонником плановой экономики, видел ее недостатки и считал, что ее надо лечить, но с инициативой по этому поводу выступать не хотел. Он понимал, что в условиях, когда личный автомобиль гражданина, по мнению Н.С. Хрущева, будет способствовать развитию индивидуализма, а джинсы, пришедшие к нам с Запада, по мнению идеолога КПСС, являются «разрушительным элементом советской морали», на него «всех собак навешают»². И все-таки коллективное решение о проведении реформы не позволяло обвинить исключительно Косыгина в ее неудачах. Его как будто забыли в верхах, но не забыли в низах.

С началом перестройки, с крахом прежней системы на фоне критики всего и вся советского, вспоминать положительных персонажей тех лет было абсолютно «не в тему», зато активизировались критики, поэтому сборник сдержанно-комплиментарных воспоминаний о Косыгине, изданный в 1997 г.³, был замечен не многими. Под одной обложкой были собраны мемуары соратников, журналистов, родственников...

Публикация этих мемуаров стала своего рода прорывом информационной блокады вокруг А.Н. Косыгина. В 2004 г. по инициативе внука Косыгина – А.Д. Гвишиани – вышел еще один сборник мемуаров о нем⁴. Первыми в этом сборнике были помещены весьма информативные воспоминания самого внука. Безусловно, ни один историк не будет строить свое исследование исключительно на мемуарах (только если они являются объектом его исследования), которые не только дополняют другие виды источников, но и дают информацию, характеризующую как деловые, так и личные качества участников анализируемых событий. В этом ценность мемуаров близких людей, в частности, внука. Некоторые из размещенных в этом сборнике мемуаров были позаимствованы из предыдущего сборника.

После выхода этого сборника одна за другой появились работы научно-популярного и научного характера, диссертации, в которых рассмотрена деятельность этого государственного деятеля [Андриянов 2003; Кудашин 2005; Савченко 2013]. Не так давно вышла монография В.Л. Телицына, которая не столько добавляет, сколько обобщает уже известное Косыгине, что ни в коем случае не умаляет ее значение [Телицын 2022]. Ее название не совсем точно характеризует место, занимаемое Косыгиным в руководстве государства – первым он не мог быть в силу занимаемой должности.

² Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А.Н. Косыгине / сост. Т.И. Фетисов. М.: Республика, 1997. С. 118.

³ Там же.

⁴ Гвишиани А.Д. Указ. соч.

Эти работы во многом расширили и углубили понимание многих событий истории СССР, хотя в случае с А.Н. Косыгиным по существу не изучена его деятельность на посту главы правительства РСФСР в один из самых трудных периодов ее истории – в 1943–1946 гг. На его долю выпала задача организации восстановления народного хозяйства самой крупной республики СССР, на территории которой в огромном количестве находились объекты, не подчиненные ее руководству, т. е. задача состояла в восстановлении экономики СССР в целом. Не случайно он был возвращен в союзное правительство. Но в данном случае речь не о том.

В 2024 г. издательство «Наше завтра» выпустило третий сборник воспоминаний под названием «Досье на товарища Косыгина»⁵, являющийся своего рода подарком читателям по случаю 120-летия со дня его рождения.

Основной текст сборника предваряет предисловие под названием «Главный инженер Советского Союза»⁶, в котором составители пытаются объяснить свой замысел – представить читателю возможность ознакомиться со всеми направлениями деятельности А.Н. Косыгина, оттенить его личностные качества с помощью воспоминаний не только его доброжелателей, но и критиков.

Уже при первом знакомстве становится ясно, что мы имеем дело не с переизданием прежних сборников. Правда, некоторые из воспоминаний без изменения перекочевали в новый сборник, например, воспоминания дочери, друга семьи, с 1961 г. заместителя начальника Мосметростроя (Т.В. Федоровой) и др.⁷; некоторые из числа прежних помещены под несколько измененными названиями или с небольшими дополнениями, например, первого заместителя министра промышленности строительных материалов СССР в бытность А.Н. Косыгина главой правительства (А.С. Болдырева), заместителя председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР (В.Н. Новикова) и др. Это во-первых, во-вторых, помещенные в двух прежних сборниках воспоминания заменены по существу новыми (например, Н.К. Байбакова).

⁵ Досье на товарища Косыгина / сост. А. Замостьянов, А. Колпакиди. М.: Наше завтра, 2024 432 с.

⁶ Составители подчеркивают, что этот статус был единственным, которым Косыгин действительно гордился (Досье на товарища Косыгина. С. 7).

⁷ По каким-то соображениям составителей в новый сборник не перекочевали воспоминания Д.М. Гвишиани, бывшего не только зятем Косыгина, но и единомышленником с ним по многим вопросам. Однако они имеют на это право.

Воспоминания сгруппированы в четырех разделах. В первом из них под названием «Свидетельства» присутствуют некоторые мемуары из прежнего сборника. В связи с этим следует отметить, что сейчас, по истечении более четверти века, эти воспоминания воспринимаются совершенно по-другому. Тогда казалось, что таких людей среди руководства СССР быть просто не могло, сейчас же, думается, что он такой был не один. И они, наверное, тоже были пленниками системы.

Открывается этот раздел сборника практически новым текстом воспоминаний Н.К. Байбакова, которые в большей степени, чем прежде, посвящены реформе 1965 г. За более чем двадцать лет после выхода первых мемуаров (он ушел из жизни в 2008 г.) ему удалось несколько переосмыслить свое отношение к ней, проанализировать трудности на пути ее реализации. Оставаясь сторонником советской системы управления, он считал, что реформу можно было скорректировать, помешало отсутствие единства в этом вопросе у руководителей государства. Наверное, но приходится повторять избитую банальность об отсутствии у истории сослагательного наклонения.

Завершают этот раздел воспоминания дипломата и переводчика, работавшего с высшими государственными и партийными деятелями СССР, В.М. Суходрева «Человек неординарных решений». Он отмечает, что в интеллектуальном плане Косыгин «превосходил всех наших руководителей»⁸, высоко оценивает его роль в урегулировании индо-пакистанских отношений в начале 1966 г., подчеркивает его умение выходить из щекотливых ситуаций, сдержанность и многое другое. В то же время, будучи весьма информативными по самым разным направлениям деятельности самого мемуариста, воспоминания лишь оттеняют те или иные черты характера Косыгина. К тому же, сосредоточив в своих руках полноту власти, Брежнев потеснил Косыгина в вопросах международных отношений. Этот факт хорошо известен.

Более информативными представляются воспоминания генерал-майора КГБ Э.Б. Нордмана, открывающие раздел под названием «Впечатления». Их автору неоднократно приходилось встречаться с Косыгиным при его поездках на Кавказ. Премьер при первой возможности заходил в магазины, столовые, беседовал с гражданами. Косыгин тяжело переживал очевидную бедность населения СССР по сравнению с европейскими странами. Одну из причин этого он видел в отсутствии ремесленничества – ведь постепенно с городских улиц исчезли сапожники в будках, продавцы пирожков, спрятались частные портные. Поговорив как-то со студентами из Ростова, он отметил: «Какой же народ у нас необыкновенный. Ржаной хлеб и банка консервов, а они – хорошо живем. Мы

же в вечном долгу перед ними. С таким народом под силу все...» и даже украдкой, стесняясь сентиментальности, слезу смахнул⁹. Его мучила незавершенность реформы 1965 г. Он говорил: «В стране появились бы в достатке одежда, обувь, продовольствие... А мне возражали: подорвем твоей реформой устой социализма. Это частник-портной подорвет устой? Бред какой-то...»¹⁰.

Для понимания причин огромного уважения к Косыгину со стороны советских граждан важными представляются помещенные здесь заметки инженера Фатеха Вергасова. Однако следует заметить, что в них в избыточном количестве присутствует так называемый информационный шум.

Помещена здесь, как и во втором сборнике, известная старшему поколению россиян с 1988 г. «Запретная глава» Даниила Гранина. Теперь, по прошествии более трети века после написания и первой публикации, она, приоткрывая прежде умалчиваемое, воспринимается совершенно иначе, и Косыгин предстает перед читателем думающим, сомневающимся человеком, а не исключительно механическим винтиком системы.

Вряд ли будет правильно понят современным читателем помещенный в сборнике в качестве воспоминаний фантазийный рассказ Виктора Некрасова, на страницах которого представлен весьма непривлекательный собирательный образ представителя советской партийной элиты. «За уши» притянуты «мемуары» писателя Анатолия Алексина, за несколько коротких ни к чему не обязывающих встреч вынесшего суждение о Косыгине как о чрезвычайно сухом, закрытом человеке (правда, повествуя о Косыгине, он вспоминает беседу с экономистом Е.Г. Либерманом, в ходе которой последний рассказал о своей причастности к половинчатости реформы 1965 г., ставшей причиной ее незавершенности¹¹). Скорее всего, размещение этих материалов, по мнению составителей, должно свидетельствовать о наличии критических оценок личности Косыгина.

Следующий раздел назван «Восток и Запад» и открывается записью беседы Косыгина и Мао Дзедуна в феврале 1965 г. в Пекине. Косыгин явно нервничал – отношения между компартиями двух стран после смерти Сталина оставляли желать много лучшего, китайская сторона была настроена воинственно. Надо отдать должное премьеру – при возникновении разногласий по тем или иным вопросам он раз за разом, смягчая их, не уступал, а доказывал правоту

⁸ Досье на товарища Косыгина. С. 128.

⁹ Там же. С. 196.

¹⁰ Там же. С. 2.

¹¹ Там же. С. 287.

советской стороны. Разногласия носили тактический, а не стратегический характер. От этой части сборника оторваться невозможно, соревнование собеседников в красноречии просто завораживает. В конце концов, они пришли к выводу: разногласия в мирное время не мешают им объединиться в случае чрезвычайной ситуации. И жизнь не раз доказывала правоту этой точки зрения.

Косыгин не пропускал возможных встреч и с «акулами капитализма», в сборнике размещено несколько страниц из воспоминаний Дэвида Рокфеллера, в которых он называет советского премьера талантливым менеджером, не исключая экономическое сотрудничество со странами «загнивающего империализма».

Завершающий сборник раздел «Спор о Косыгине» выпадает из его общего контекста, зато проясняет замысел его составителей и принцип отбора мемуаров. Последних здесь нет; в нем помещены две статьи. Автором одной является человек весьма сложной судьбы, преследуемый советской властью в свое время за диссидентство, а потом упрекавший ее же за собственный крах, публицист и писатель М.Ф. Антонов. Он является одним из последовательнейших критиков косыгинской реформы 1965 г., хотя и не единственным. Начиная критику с замысла реформы, Антонов на разрозненных примерах рисует ее крах и обвиняет Косыгина, если не в уничтожении социализма и распаде СССР, то в развале советской экономики.

Вторая статья писателя и публициста А.А. Замостьянова «Пристальный взгляд инженера» направлена на решение двух задач: на основе помещенных в сборнике материалов реконструировать биографию Косыгина и, это главное, в лице М.Ф. Антонова дать отпор всем критикам деятельности Косыгина на посту главы советского правительства, особенно при проведении экономической реформы. С этой целью он последовательно рассматривает причины, замысел, ход и результаты реформы, которые он не считает провальными. Он подчеркивает отсутствие шоковости при ее проведении, категорически не приемлет термин «застой» при оценке экономики СССР в 70–80-е годы минувшего века, отмечает улучшение жизни рядовых граждан и др. В отличие от Антонова он старается видеть одни положительные результаты реформы. С нашей точки зрения спор этот на сегодняшний день преждевременен и, не исключено, что он не будет закончен никогда. Историю надо принять, понять, и не поучать. С одной стороны, улучшить ее, не фальсифицируя, нельзя, с другой – она сама учитель будущих поколений. Она не проходит без последствий; из нее, не заикливаясь на худшем, надо брать лучшее. Кстати, нечто в этом роде говорил и Косыгин – патриот России и лучший ее премьер.

К сожалению, воспоминания опубликованы без ссылок на их местонахождение (государственный или личный архив, более ранняя публикация), что затруднит более глубокое знакомство с ними в первую очередь широкого круга читателей. Они различаются по степени информативности, иногда создается впечатление, что некоторые из них опубликованы по принципу «до кучи», для увеличения объема.

Заключение

Анализируемый сборник является существенным дополнением к тому, что уже известно о А.Н. Косыгине – человеке, крупнейшем государственном деятеле, патриоте России. Он будет весьма интересен и профессиональным историкам, и всем, кто интересуется историей своего Отечества.

Литература

- Андриянов 2003 – *Андриянов В.* Косыгин. М.: Молодая гвардия, 2003. 365 с.
- Кудашин 2005 – *Кудашин А.С.* Партийная и государственная деятельность А.Н. Косыгина: 1939–1980 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 211 с.
- Савченко 2013 – *Савченко А.Д.* Деятельность А.Н. Косыгина по укреплению обороноспособности СССР в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 311 с.
- Телицын 2022 – *Телицын В.Л.* Алексей Косыгин: «Второй» среди «первых», «первый» среди «вторых». М.: Политическая энциклопедия, 2022. 552 с.

References

- Andriyanov, V. (2003), *Kosygin* [Kosygin], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia p.
- Kudashin, A.S. (2005), *Partiinaya i gosudarstvennaya deyatel'nost' A.N. Kosygina: 1939–1980 gg.* [Party and state activity of A.N. Kosygin: 1939–1980], Ph.D. Thesis (History), Moscow, Russia.
- Savchenko, A.D. (2013), *Deyatel'nost' A.N. Kosygina po ukrepleniyu oboronosposobnosti SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: 1941–1945 gg.* [A.N. Kosygin's activities to strengthen the defense capability of the USSR during the Great Patriotic War, 1941–1945], Ph.D. Thesis (History), Moscow, Russia.
- Telitsyn, V.L. (2022), *Aleksei Kosygin: "Vtoroi" sredi "pervykh", "pervyi" sredi "vtoroykh"* [Alexey Kosygin. "Second" among the "first", "first" among the "second"], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Татьяна Г. Архипова, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; archipova-iai@mail.ru
ORCID ID: 0009-0005-0030-1027

Information about the author

Tatiana G. Arkhipova, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; archipova-iai@mail.ru
ORCID ID: 0009-0005-0030-1027

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Политология. История. Международные отношения»
№ 1
2025

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
П.М. Смоктунова

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 07.04.2025
Выход в свет 14.04.2025
Формат 60×90^{1/16}
Уч.-изд. л. 12,0. Усл. печ. л. 12,8
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2146

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru